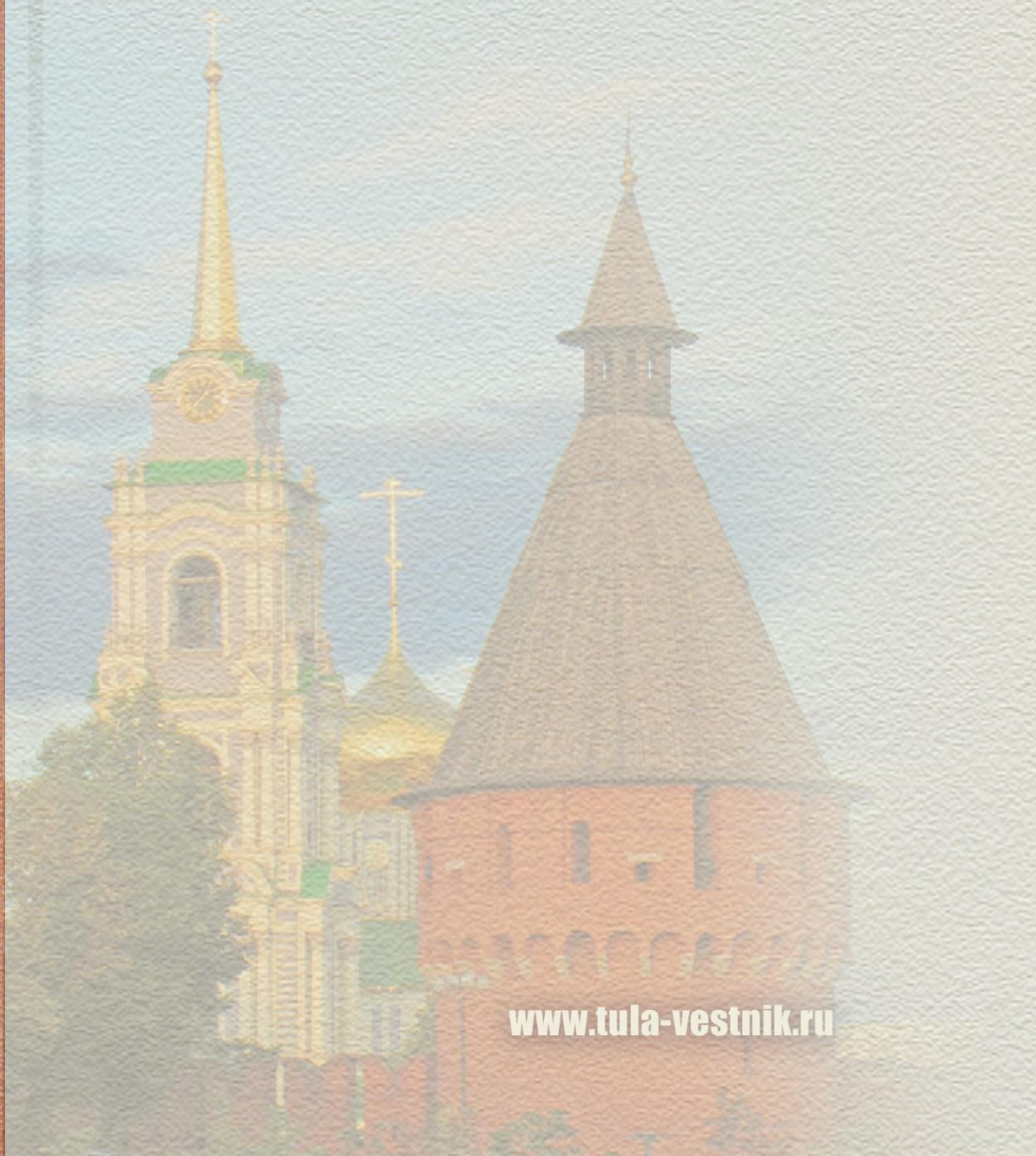
ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 4 (8)

СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ



2021

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

16+

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Выпуск 4 (8)

Тула
2021

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сетевое издание

Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 4 (8)

Дата выхода в свет: 30.12.2021 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук, профессор
Е. П. Мартынова

Заместитель главного редактора –
доктор филологических наук, профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано в Роскомнадзоре 13.11.2020 г. Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2021
© Авторы статей, 2021

Адрес учредителя и редакции: 300026, Тульская область, город Тула, проспект Ленина, 125. Телефон: +7 (4872) 31-20-34 Электронный адрес: history@tsput.ru

Издатель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». Адрес издателя: 300026, Тульская область, город Тула, проспект Ленина, 125. Телефон: +7 (4872) 35-14-88 Электронный адрес: info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Долгих А. Н. О судьбе проекта Дополнительного закона о состояниях 1830 года: историографический аспект **6**

Кременецкий К. В. А граф Толстой против. Восприятие публицистики Л. Н. Толстого 1860 – 1870 гг. **18**

Белянкова Е. И. «И результаты получились поразительные. Прежние “отпетые” мальчики… изменились до неузнаваемости»: из опыта профилактики преступности несовершеннолетних в Советской России (1920 – 1934 гг.) **36**

Алексеев В. В. Журнал «Британский союзник» как источник по истории Второй Мировой войны **47**

Колесникова А. Г. У Войны – женское лицо. Образ женщины в советском художественном кино периода Великой Отечественной войны (1941 – 1945) **57**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Кузина Ю. И. Вербализация представлений о модели семьи в раннем романе Л. Н. Толстого «Семейное счастие» **70**

Леонова Ю. Ю. Результаты социолингвистического исследования на тему «Варьирование формулярных и языковых элементов челобитных XVII в., обусловленное социальными факторами» **82**

Сафонова Т. В. Устойчивая фраза и фразеоконтекст: к проблеме фразеологического варьирования **90**

Старцева Н. М. Лингвокультурологическое комментирование публицистического текста как необходимая составляющая его интерпретации и пополнения эмоционального репертуара обучающихся (на материале статьи А. П. Чехова «Н. М. Пржевальский») **100**

DOI 10.22405/2712-8407-2021-4

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

TULA SCIENTIFIC BULLETIN. HISTORY. LINGUISTICS
Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 4 (8)

Released on December 30, 2021

Chief Editor
Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor
Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor
PhD in History
N. A. Bilenko

Founder:
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.
Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.
Registration certificate EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2021
© Authors of articles, 2021

Address of the founder and the editorial office:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address:
history@tsput.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.
Address of the publisher:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Dolgikh A. N. On the fate of the Draft Supplementary Law on the States of 1830: Historiographical aspect **6**

Kremenetski K. V. Count Tolstoy disagrees. Reception of Leo Tolstoy non-fiction in 1860-1870's **18**

Belyankova E. I. "And the results are amazing. Former "inveterate" boys… have changed beyond recognition ": from the experience of preventing juvenile delinquency in Soviet Russia (1920 – 1934) **36**

Alekseev V. V. The Britanskiy soyuznik (British Ally) Magazine as a source on the history of the World War II **47**

Kolesnikova A. G. The womanly face of war. The image of a woman in Soviet feature films during the Great Patriotic War (1941 – 1945) **57**

LINGUISTICS

Kuzina Y. I. Verbalization of ideas about the family model in the early novel "Family Happiness" by Leo Tolstoy **70**

Leonova Yu. Yu. The results of a sociolinguistic study on the topic "Variation of formulary and linguistic elements of petitions of the 17th century due to social factors"' **82**

Safonova T. V. Set phrase and phraseocontext: on phraseological variation **90**

Startseva N. M. Linguoculturological commenting on a journalistic text as a necessary component of its interpretation and replenishment of students' emotional repertoire (based on the article "N. M. Przhevalsky" by A. P. Chekhov) **100**

DOI 10.22405/2712-8407-2021-4

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора
Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор
Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);
Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);
Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);
Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);
Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);
Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);
Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);
Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);
Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);
Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);
Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);
Мухаммадбегии Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);
Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);
Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);
Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);
Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);
Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);
Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);
Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);
Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);
Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);
Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);
Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);
Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor
Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor
Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);
Executive editor
Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board
Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor (Russian State University for The Humanities, Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor (Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv, Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor (Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate Professor (Herzen University, Saint Petersburg, Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor (TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest, Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History, Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of archaeology of the Crimea RAS, Simferopol, Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History, Professor (IA RAS, Mosckow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History, Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS, Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of Pedagogical, Associate Professor (University of Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of foreign languages of Sichuan University, Sichuan, China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor (TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS, Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History (Arctic University of Norway, Tromso, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology, Associate Professor (Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate Professor (TSPU, Tula, Russia).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 6–17.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2021. Issue 4 (8). P. 6–17.

Научная статья
УДК 94(97)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-6-17

О СУДЬБЕ ПРОЕКТА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНА О СОСТОЯНИЯХ 1830 ГОДА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аркадий Наумович Долгих

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, adonli@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена основным проблемам в отечественной историографии, связанным с изучением вопроса о создании, сути и обсуждении в Государственном совете и высших правительственных сферах (прежде всего, в Государственном совете в 1830 г.) проекта Дополнительного закона о состояниях, объяснениям его провала в дореволюционной мемуарной и исторической литературе, а также основным достижениям на этот счет советской и постсоветской исторической науки. Данный законопроект, созданный в известном Комитете 6 декабря 1826 г., первом из секретных комитетов времени правления Николая I, предусматривал ряд мер в отношении положения государственных или казенных крестьян, применительно к ограничению числа дворовых людей и их статусу, вопрос о запрете продажи людей без земли, об изменении положения о свободных хлебопашцах, о гильдиях и цехах, о купцах и мещанах, о ликвидации чинов и др. При этом подготовленный в Комитете 6 декабря 1826 г. этот проект дошел до обсуждения в Государственном совете в 1830 г., но так и не был реализован в ту пору, в особенности в «крестьянской» его части, хотя некоторые его стороны стали основой для позднейшего законодательства николаевской эпохи в сословной сфере. В работе анализируются различные взгляды исследователей на значимость самого этого Дополнительного закона о состояниях, его возможного воздействия на изменение некоторых сторон крепостничества в России, суть аргументов его сторонников и его противников, роль великих князей Константина Павловича и Михаила Павловича в провале его, влияние европейских событий прежде всего, революций во Франции и Бельгии, а также Польского восстания на разрешение данного вопроса. Отмечено также и современное видение проблемы автором.

Ключевые слова: самодержавие, Николай I, Комитет 6 декабря 1826 г., историография, крестьянский вопрос, крепостное право, Дополнительный закон о состояниях.

Для цитирования: Долгих А. Н. О судьбе проекта Дополнительного закона о состояниях 1830 года: историографический аспект // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 6–17. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-6-17.

Сведения об авторе: *А. Н. Долгих* – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42.

© Долгих А. Н., 2021

Scientific Article
UDC 94(97)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-6-17

ON THE FATE OF THE DRAFT SUPPLEMENTARY LAW ON THE STATES OF 1830: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

Arkady N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical University
P. Semenov-Tyan-Shansky,
Lipetsk, Russia, adonli@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the main issues in Russian historiography related to the study of the issue of the creation, essence and discussion in the State Council and higher government spheres (primarily in the State Council in 1830) of the Supplementary Law on States draft. The author looks into explanations of the draft's failure in pre-revolutionary memoir and historical literature, as well as into the main achievements in this regard of Soviet and post-Soviet historical science. This bill, created in a well-known Committee on December 6, 1826, the first of the secret committees of the reign of Nicholas I, provided for a number of measures regarding the situation of state peasants, with regard to limiting the number of household people and their status, the issue of banning the sale of people without land, changing the regulations on free farmers, guilds and workshops, merchants and tradesmen, the elimination of ranks, etc. At the same time, prepared in the Committee on December 6, 1826 this project reached the discussion in the State Council in 1830, but was never implemented at that time, especially in the "peasant" part of it, although some of its sides became the basis for the later legislation of the Nicholas I era in the estate sphere. The paper analyzes various views of researchers on the significance of this Supplementary Law on states, its possible impact on the change of some aspects of serfdom in Russia, the essence of the arguments of its supporters and its opponents, the role of Grand Dukes Konstantin Pavlovich and Mikhail Pavlovich in its failure, the influence of European events, first of all, revolutions in France and Belgium, as well as the Polish uprising on the resolution of this issue. The author shows a modern vision of the issue.

Keywords: autocracy, Nicholas I, Committee of December 6, 1826, historiography, peasant question, serfdom, Additional law on states.

For citation: Dolgikh, AN 2021, 'On the fate of the draft Supplementary law on the states of 1830: historiographical aspect', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (8), pp. 6–17, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-6-17 (in Russ.)

Information about the Author: *Arkady N. Dolgikh* – Associate Professor, Doctor of Science (History), Professor of the Department of National and Universal History, Lipetsk State Pedagogical University P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Street, Lipetsk, 398020, Russia.

© Dolgikh A. N., 2021

Проблема истории крестьянского вопроса и его места в правительственной политике не нова для историографии. В частности, это явление касается и проблемы деятельности ряда секретных комитетов по данному вопросу николаевской эпохи. Несмотря на формально достаточное количество литературы на эту тему, в принципе, в отношении фактической стороне дела исследования мало подвинулись здесь со времен классического труда В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX вв.» 1888 г. [30], в основном, за небольшими исключениями [28, с. 84, 104, 171–187, 208–212, 219–220; 29, с. 43–242], пересказывая основное содержание этого исследования. Тем не менее, за почти полтора столетия после книги Семевского набралось достаточное количество работ на эту тему, в отношении которых необходимо разобраться и в их содержании, и в трактовке вроде бы известных событий. В данной статье мы остановимся на примере анализа первого из этих комитетов – Комитете 6 декабря 1826 г., и судьбе главного плода его деятельности – проекта Дополнительного закона о состояниях, включавшего в себя вопросы о казенных крестьянах, об ограничении числа дворовых людей, о запрете продажи людей без земли, о свободных хлебопашцах, о гильдиях и цехах, о купцах и мещанах, о ликвидации чинов и др., дошедшего до обсуждения в Государственном совете в 1830 г., но так и не реализованного в ту пору, в особенности в «крестьянской» его части [4; 24]. История с его созданием и последующим обсуждением нашла определенный отзвук и у современников, и у позднейших историков.

С нашей точки зрения, причины его провала не до конца ясны. На сей счет высказывались разнообразные мнения. При этом большинство исследователей возлагает ответственность за непринятие закона на императора Николая I. По мнению В. И. Семевского, император Николай «искренно желал подготовить падение крепостного права в России, но, во-первых, встретил сильное противодействие со стороны своих ближайших сотрудников, а, во-вторых, сам готов был довольствоваться весьма маловажными мерами, из которых многие оставались без всякого результата»; при этом провал закона о состояниях связывал со внешнеполитическими обстоятельствами 1830 г. [30, с. 5, 17].

Историк консервативного направления начала XX в. С. Ф. Платонов полагал, что именно «революционные движения» в Западной Европе в 1830 г. внушили ему страх перед этой сословной реформой, при этом некоторые из положений этого проекта были реализованы уже частными указами в это царствование, но сама комплексная реформа, спроектированная Комитетом 6 декабря 1826 г., реализована так и не была. Его современник и явный либерал – А. А. Корнилов – полагал, что европейские революции и польского восстания завершили первый, «якобы преобразовательный», период царствования Николая, при этом крестьянский вопрос, которому император уделял особое внимание, был в Комитете 6 декабря затронут «нерешительно и вяло, так что сам император их предположениями по этой части остался совершенно недоволен», после чего он «отказался от всяких либеральных реформ», ставя своей задачей сохранение существующих порядков, проводя лишь некоторый ремонт отдельных частей «системы». Более мягкой позиции в этом отношении придерживался А. А. Кизеветтер, отмечавший, что предложения Комитета задали тон общему направлению внутренней политики этого царствования. При этом все позднейшие секретные комитеты, прежде всего в отношении крестьянского вопроса, «держались заветов своего предшественника – Комитета 6 декабря: раздроблять вопрос на частности и второстепенные паллиативы, отнюдь не ставя его во всем объеме». Вопрос о провале Дополнительного закона о состояниях ими вообще не рассматривался [12, с. 423; 14, с. 23–24, 29–30, 38; 22, с. 344–347].

По мнению В. О. Ключевского, император Николай «сначала не чужд был некоторой мысли о реформе», а его секретный Комитет 6 декабря «вырабатывал проект

устройства сословий… Проект был уже приготовлен для подписи, но предварительно был отослан в Варшаву к … великому князю Константину, который вооружился против него, наделал много замечаний и тем остановил его распространение». В. П. Алексеев, отметив весьма умеренную постановку вопроса о крепостном праве в Комитете 6 декабря, «которая скорее отвечала интересам помещиков, чем крестьян», обращал внимание, что закон о состояниях в крестьянской части вышел более реакционным, чем предполагалось в начале, тем не менее признал, что он послужил образцом для других комитетов николаевской эпохи [1, с. 196, 198–203; 13, с. 249].

В советской историографии доминировали крайне отрицательные тенденции и в оценках Комитета 6 декабря, и в отношении самого Дополнительного закона о состояниях, связанные с негативным отношением к самодержавию и в особенности к Николаю I. Историография той поры, в целом, ориентировалась на мнение Ф. Энгельса. Последний именовал этого российского монарха самодовольным «посредственным человек с кругозором взводного командира». Господствующей идеей здесь была мысль о том, что «Николай I и его министры с упрямым скудоумием оберегали устои крепостничества, сопротивляясь движению жизни», и только. При этом главной причиной, заставлявшей правительство вплотную заниматься крестьянским вопросом, ставшим предметом обсуждения в секретных комитетах, было, например, по типичному здесь мнению В.А. Федорова, «обострение классовой борьбы в деревне в период кризиса крепостничества» [17, с. 232; 32, с. 124; 39, с. 35].

Кроме того, налицо было следование ленинской идее о «пресловутой борьбе либералов и крепостников», то есть внутри помещичьего класса, «исключительно из-за меры и формы уступок». Отсюда не приветствовалось обращение к таким, в принципе и изначально непринятым явлениям, как торможение консерваторами некоторых эмансипаторских проектов, выходивших, например, в николаевское время из-под пера более умеренных представителей дворянства. В этой связи показательны оценки деятельности Комитета 6 декабря 1826 г. в «Истории русской экономической мысли» 1958 г. По мнению авторов издания, «зорко оберегая интересы помещиков, Комитет стремился сохранить крепостное право в полной неприкосновенности»; при этом в качестве главного аргумента здесь приводится факт упоминания в проекте закона о состояниях подтверждение Жалованной грамоты дворянству 1785 г. также обязательно подчеркивалось, что улучшение положения казенных и помещичьих крестьян намечалось «без нарушения прав и без вреда для пользы помещиков». При этом отмечалось, что ни одно из предложений Комитета «не получило в то время законодательного оформления», однако его суждения были «воплощением взглядов, идей и настроений консервативных кругов русских помещиков» того периода [11, с. 32–35; 18, с. 174].

По мнению А. И. Ловкова, крестьянский вопрос не имел в деятельности Комитета самостоятельного значения, так как его членов более интересовали вопросы, интересовавшие дворянство. При этом проект закона о состояниях, по его мнению, не включал в себя никаких изменений в положении владельческого крестьянства, «а лишь подтверждал… существующие основы крепостных отношений». Т. Г. Архипова, придерживаясь сходной точки зрения о проекте закона о состояниях, обращала внимание на оппозицию членов императорской семьи и сановной бюрократии проекту, при этом фактически не указывая на факт принципиального его одобрения большинством в Совете. Крайне негативно оценивали деятельность Комитета 6 декабря в этом направлении Н. Г. Сладкевич и М. А. Рахматуллин. Одна из наиболее резких оценок этого комплекса явлений дается в работах специалиста по истории государственных учреждений России Н. П. Ерошкина, настойчиво именовавшего всю первую половину XIX в. в данном контексте ленинским термином «крепостническое самодержавие»,

считавшего, что во второй четверти столетия «феодальное государство уже было неспособно» на серьезные преобразования (опасаясь, что они приведут к колебанию его основ), во всяком случае с середины 1840-х гг. При этом «созданием Комитета 6 декабря самодержавие предприняло последнюю попытку укрепить дряхлую крепостническую систему посредством общих ее преобразований», «укрепить сословный строй» [2, с. 36, 153–154, 156; 6, с. 138, 140–141, 153; 7, с. 56, 58, 190; 31]. Для него, как и для многих других советских историков, провал проекта Закона о состояниях был малозначимым явлением.

Несколько иначе смотрел на эти факты П. А. Зайончковский, обращавший особое внимание на то, что «Николай I в течение всего своего царствования, точнее до 1848 г. думал об отмене крепостного права, понимая, что оно является "пороховым погребом" под государством». Отмечая, что в Комитете 6 декабря обсуждался проект М. М. Сперанского о том, «чтобы сделать крестьян "крепкими" не владельцу, а земле» и другие меры, направленные на смягчение крепостного права, вошедшие в проект Дополнительного закона о состояниях, историк обращал внимание на то, что этот проект вызвал «резкое сопротивление дворянства», и император, «первоначально одобрив проект, все же отсрочил его утверждение на неопределенное время» [8, с. 55–56; 9, с. 109].

Удивительным выглядит мнение С. А. Чибиряева, исследователя деятельности М. М. Сперанского. По его словам, «Николай I отверг большинство предложенных реформ», выдвинутых Комитетом 6 декабря, в составе которого значительную роль играл его герой. Исследователь заключал свою работу в пафосном стиле, утверждая, что «в борьбе за правое дело» Сперанский «потерпел крушение». По словам Л. М. Ляшенко, из предложений Закона о состояниях, предусматривавшего «некоторое ограничение крепостного права», а именно запрет продажи крестьян без земли и ограничение числа дворовых, «ни одно так и не осуществилось» [20, с. 76; 34, с. 164–165], что не совсем точно [21, с. 613–614; 29, с. 96–97].

Одно из последних по времени объяснений этим событиям дал П. Д. Николаенко, выделявший в числе причин провала закона «угасание интереса» монарха «к реформаторским начинаниям» из-за сложной международной обстановки, «холерных бунтов» 1830–1831 гг., оппозиции великих князей Константина Павловича и Михаила Павловича. При этом автор обратил внимание на то, что последние «сыграли решающую роль в ограничении возможности проведения реформ в наиболее благоприятный для этого период». Автор, правда, не развил эту точку зрения в дальнейшем [21 с. 612–613]. С нашей точки зрения, именно в эту эпоху был относительно удачный фон для реформ – а именно военные победы, усиливавшие мощь режима, способного в таких условиях добиться многого и продвинуть важные реформы, особенно если осознание их имело место быть. В России же в дальнейшем все происходило как раз наоборот. Ясно, что реформы 1860-х гг. ускорило поражение в Крымской войне, но они проводились в условиях ослабевшего государства и, с нашей точки зрения, лишь спустили курок, приведший через несколько десятилетий к гибели всей системы.

Итак, на сегодняшний день вопрос о причинах провала обсуждения в Государственном совете проекта Дополнительного закона о состояниях до конца не прояснен. Так, опальный мемуарист-современник князь П. В. Долгоруков отмечал в свое время в известном памфлете, изданном в 1860-е гг. за границей и посвященном в том числе критике николаевского режима, ссылаясь на производителя дел в Комитете 6 декабря, то обстоятельство, что монарх при жизни своего старшего брата Константина Павловича «не считал себя настоящим государем», полагая себя в роли лишь своеобразного его «наместника», «во всем отдавал ему отчет, без совета с ним не предпринимал ничего важного». В ответ на предложения Кочубея об утверждении проектов Комитета монарх отвечал: «Как же я могу сделать это без согласия брата Константина

Павловича? Ведь настоящий-то, законный царь – он, а я только по его воле сижу на его месте».

Именно его изложение указанных событий является наиболее полным, с нашей точки зрения. По словам автора-мемуариста, к этому времени, с его точки зрения, России необходимы были несколько реформ, в том числе уничтожение крепостного права, отмена телесных наказаний и чинов, а также введение гласности судопроизводства. При этом Комитет 6 декабря в главном в ту пору, крестьянском вопросе лишь «ограничился запрещением умножать число дворовых людей» и запрещением раздроблять имения менее чем до 50 душ, а также учреждением сословия почетных граждан. Мемуарист отмечал, что эти проекты были рассмотрены в Совете, «и государь, отправляясь весной 1830 года в Варшаву и Берлин», повез их к цесаревичу Константину, «без согласия которого… он не решался их утвердить». Однако последний «сильнейшим образом восстал против каких бы то ни было перемен, говоря, что "все это заморские затеи и в России менять нечего: все идет прекрасно", и не мешало бы "русские порядки ввести и в чужих краях"». Монарх «положил проекты в портфель», а по возвращении в столицу был «напуган известием о июльской революции во Франции. Вслед за тем получено известие о сентябрьской революции в Бельгии; потом о ноябрьском восстании в Польше. Окончательно ошеломленный Николай Павлович, при ограниченности ума своего не понимавший необходимости и пользы предупреждать революции разумными реформами, сделался врагом всяких нововведений, всяких улучшений, и в каждом свободном, честном голосе ему стал слышаться набат революции». При этом автор отмечал, что из «паллиативных проектов» Комитета 6 декабря приведено в исполнение было лишь «учреждение сословия почетных граждан, да и то по смерти сумасбродного цесаревича Константина Павловича» [5, с. 279–280].

Об этом же говорил военный министр уже эпохи Александра II Д. А. Милютин, который много знал о николаевской эпохе от своего родственника графа П. Д. Киселева. По словам Милютина, записанным Е. Ф. Феоктистовым, император Николай остановился «на определенном плане уничтожения у нас рабства, но захотел узнать мнение Константина Павловича; тот отвечал из Варшавы, что умоляет ему умереть спокойно, не смущать его мыслью о тех ужасах, которые неминуемо постигнут Россию», что и привело монарха по известным его отношениям к старшему брату к отказу от утверждения данного проекта [33, с. 117–118].

Этим мнениям современников вполне можно доверять, особенно имея в виду склонность Николая I ко всяческой субординации, например, его явное уважение к «отцу-командиру» И. Ф. Паскевичу, под началом которого он когда-то служил. Великий князь Константин Павлович (1779–1831), отказавшийся от престола и при жизни Александра I, и в очередной раз после его смерти, во многом этим спровоцировавший декабристское выступление 1825 г., будучи явным консерватором и фрунтоманом, как и все Павловичи, имел взбалмошный характер (во многом спровоцировавший своими действиями в Царстве Польском, где был императорским наместником, и известное восстание 1830–1831 гг.) и не пользовался уже в царствование Николая особой популярностью в стране и в своем окружении, хотя и играл значимую роль в первые годы нового царствования в силу того, что монарх, человек субординации, считал его настоящим императором, поэтому и периодически обращался к нему за советом, как и в данном случае [10, с. 439–441; 37, с. 187–487].

Мнение много знавшего другого современника М. А. Корфа только по видимости противоречит данной позиции. Корф передавал в своем дневнике высказывание великого князя Михаила Павловича на сей счет в их личном разговоре в марте 1838 г.: «Я действовал против этого проекта по мере своих сил…, потому что видел в нем го-

товые элементы революции. И сообразите обстоятельства: в июле 1830 года произошла французская революция, в сентябре – бельгийская, в ноябре – варшавская; нам этот проект предложен был в предшествовавшем апреле; пока бы его обнародовали, и он отозвался во всех частях широкой нашей России, прошло бы несколько месяцев, и наконец к исходу года мы тоже бы созрели к мятежу, как созрела после Франция, Бельгия и Польша. Князь Кочубей и Сперанский сперва крепко сетовали на меня за мою оппозицию, но потом, думаю, сами убедились, что она была не бесполезна». При этом автор записок замечал, что провал проекта этого закона был «отвергнут главнейше по настояниям великого князя» [15, с. 591].

Известно, что великий князь Михаил Павлович (1798–1849) на протяжении всей жизни был генерал-фельдцейхмейстером и руководителем военно-учебных заведений, активно занимался улучшением артиллерии в армии, будучи сторонником фрунта, строгим и взыскательным начальником [10, с. 658–660; 36, с. 505–512]. Здесь возможны два варианта: либо много знавший М. А. Корф говорил здесь о великом князе Константине, как мы всегда понимали этот текст, либо, действительно, представлял себе дело в том виде, что именно Михаил Павлович стал главным тормозом в принятии этого проекта, как считал исследователь П. Д. Николаенко, так понимая текст мемуариста [21, с. 611]. Возможным дополнением к этому является приводимый А. С. Пушкиным в дневнике разговор с великим князем Михаилом Павловичем от 22 декабря 1834 г., где последний выражался решительно против «постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую честь честолюбия? Зачем составлять tiers etat, сию вечную стихию мятежей и оппозиции?» [25, с. 59]. Не забудем, что подобные постановления входили составной частью в Дополнительный закон о состояниях. Возможно, именно они (в том числе и они) вызвали в свое время его недовольство.

В пользу же нашей точки зрения говорят замечания того же Корфа о том, что в том же Совете великому князю Михаилу Павловичу «дается так мало влияния, что он так отдален от дел, и что, кроме военной части, ему ничего не вверяется», о том, что он «посажен» в Совет «более для почету», что никогда «не призываем ни в один из комитетов, собирающихся у Государя, не спрашивается о мнении его ни по одному государственному вопросу и даже по управляемым им частям (артиллерийской, инженерной и военно-учебным заведениям) состоит под командою военного министра…», что монарх его «как человека политического держит в самом черном теле», что свидетельствовало о хороших отношениях мемуариста с великим князем, о чем он неоднократно писал [16, с. 111; 28, с. 107–108].

Не забудем и такого важного обстоятельства, как распространение в тогдашнем «обществе» сведений о проекте Дополнительного закона о состояниях. Так, А. С. Пушкин писал в ту пору 16 марта 1830 г. П. А. Вяземскому из Москвы в Петербург: «Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра… Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных – вот великие предметы». О распространении слухов в российском обществе о работах Комитета 6 декабря и плодах его деятельности писал и М. А. Полиевктов [23, с. 83; 26, с. 274–275]. Подобные вещи, как правило, не нравились императору, не желавшему особой гласности в проведении тех или иных реформ. Ведь не зря и заседания Комитета 6 декабря 1826 г. и обсуждение Дополнительного закона о состояниях в Совете проходило в условиях секретности, но ее не удалось сохранить. Как писал об этом С. Ф. Платонов, «опасаясь общественных потрясений и взрыва страстей», Николай твердо стоял на мысли о сокрытии от общества подготовки реформ, в частности в отношении крестьянства [22, с. 345]. Очень вероятно, что этот фактор мог сыграть свою негативную роль в деле принятия, утверждения монархом и реализации данного проекта на практике [4].

Подводя итог, приведем два мнения историков, которые мы разделяем. Отметим, что ряд реформ, в том числе и крестьянская, в том или ином виде, были задуманы в начале эпохи Николая I «действительно, а не на словах». Как писал Н. Я. Эйдельман, были созданы для этого ряд секретных комитетов, при этом «секретность при самодержавном режиме – залог серьезности, хотя одновременно и символ ненадежности: ведь практические шаги требуют гласности!» однако эти реформы не пошли в особенности «из-за сильного и все нарастающего эгоистического, звериного сопротивления аппарата, высшей бюрократии, дворянства», использовавших ряд приемов – и затягивание времени, и запугивание монарха бунтами крестьян и угрозами со стороны помещиков, и ссылками на европейские революции, при этом сам Николай так и «не решился стукнуть кулаком по столу», а со временем и «вошел в новую роль – свое вынужденное отступление стал все более считать за собственную волю». По словам Л. В. Выскочкова, причинами неудачного решения сословного, прежде всего крестьянского вопроса, в данную эпоху стали влияние европейских революций, «усиливавших охранительные тенденции», «сопротивление аристократической фронды» и лиц из ближайшего окружения монарха, отказ «массы среднего и мелкопоместного дворянства идти на необходимые компромиссы», наконец, «осознание определенного запаса прочности существующей социальной системы» при неготовности общества к необходимым преобразованиям [3, с. 322; 38, с. 101–103]. Мы бы со своей стороны добавили также и личностный момент – нерешительность Николая I, реально имевшего такую возможность в силу могущества его политической системы в ту пору.

Список источников и литературы

1. *Алексеев В. П.* Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа. Русское общество в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. В 6 т. Т. 2. М., 1911. С. 194–208.
2. *Архипова Т. Г.* Высшие комитеты России 2-ой четверти XIX века: (к истории кризиса феодально-крепостнической государственности) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00 / Архипова Татьяна Григорьевна. М., 1970. 416 с.
3. *Выскочков Л. В.* Николай I и его эпоха. М.: Академ. проект, 2018. 999 с.
4. *Долгих А. Н.* Вопрос о продаже людей без земли в политике российского самодержавия в 1820-х – начале 1830-х гг. // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета ЛГПУ. Вып. 2. Липецк: ЛГПУ, 2000. С. 29–51.
5. *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Новости, 1992. 560 с.
6. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.
7. *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М.: Мысль, 1981. 252 с.
8. *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
9. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
10. Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты : по изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» / сост. Е. Ф. Петинова. СПб.: Лениздат, 1996. 958 с.
11. История русской экономической мысли. В 2 т. Т. 1, ч. 2 / под ред. А. И. Пашкова. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1958. 872 с.
12. *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М.: Территория будущего, 2006. 448 с.
13. *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5. М.: Мысль, 1989. 476 с.
14. *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. В 3 ч. Ч. 2. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. 272 с.

15. *Корф М. А.* Записки. М.: Захаров, 2003. 720 с.
16. *Корф М. А.* Император Николай в совещательных собраниях: (из современных записок статс-секретаря барона Корфа) // Сборник РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 101–183.
17. Краткая история СССР. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Н. Е. Носов. Изд. 2-е, перераб. Л.: Наука, 1972. 440 с.
18. *Ленин В. И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 20. 5-е изд. М.: Политиздат, 1973. С. 171–180.
19. *Ловков А. И.* Комитет 6 декабря 1826 года : дис. ... канд. ист. наук. М., 1946. 210 с.
20. *Ляшенко Л. М.* Николай I. Случайный император. М.: АСТ-пресс-книга, 2013. 224 с.
21. *Николаенко П. Д.* Князь В. П. Кочубей. Первый министр внутренних дел России : монография. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2009. 780 с.
22. *Платонов С. Ф.* Учебник русской истории. СПб.: Наука, 1993. 430 с.
23. *Полиевктов М. А.* Николай I: Биография и обзор царствования. М.: Мир книги : Литература, 2008. 336 с.
24. Проект Дополнительного закона о состояниях с принадлежащими к нему приложениями (1830) // Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть : сб. док. В 2 т. Т. 2 / подг. матер., вводн. ст. и комм. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2005. С. 193–253.
25. *Пушкин А. С.* Дневники // Полн. собр. соч. Т. 8. 3-е изд. М.: Наука, 1964. С. 7–64.
26. *Пушкин А. С.* Письма // Полн. собр. соч. Т. 10. 3-е изд.. М.: Наука, 1966. 904 с.
27. *Рахматуллин М. А.* Подъем крестьянского движения и реакция самодержавия после восстания декабристов // Из истории экономической и общественной жизни России : сб. ст. к 90-летию акад. Н. М. Дружинина / отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 168–182.
28. *Ружицкая И. В.* Государственный совет при Николае I : особенности функционирования М. ; СПб.: ИРИ РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 312 с.
29. *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. 2-е изд., испр. и доп. М. ; СПб.: ИРИ РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 360 с.
30. *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX вв. В 2 т. Т. 2. СПб., 1888. 625 с.
31. *Сладкевич Н. Г.* О сословных проектах Комитета 6 декабря 1826 г. // Исследования по отечественному источниковедению : сб. ст., посвящ. 75-летию проф. С. Н. Валка / отв. ред. Н. Е. Носов. М. ; Л.: Наука, 1964. С. 274–283.
32. *Федоров В. А.* Крестьянское движение в Центральной России 1800–1860 (по материалам центрально-промышленных губерний). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 168 с.
33. *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1848–1896 / вступ. ст. А. Е. Преснякова, Ю. Г. Оксмана. М.: Новости, 1991. 458 с.
34. *Чибиряев С. А.* Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М.: Воскресенье, 1993. 238 с.
35. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 : биобиблиогр. справочник. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 936 с.
36. *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906 : биобиблиогр. справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 992 с.
37. *Шишов А. В.* Русские генерал-фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский. М.: Центрполиграф, 2001. 494 с.
38. *Эйдельман Н. Я.* «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. 176 с.
39. *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Соч. В 39 т. Т. 22 / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М.: Политиздат, 1962. С. 11–52.

References

1. Alekseev, VP 1911, 'Sekretnyye komitety pri Nikolaye I' (Secret committees under Nicholas I) *Velikaya reforma. Russkoye obshchestvo v proshlom i nastoyashchem. Yubileynoye izdaniye.* (The Great reform. Russian society in the past and present. Anniversary edition) in 6 vols, vol. 2, pp. 194–208. (In Russ.)
2. Arkhipova, TG 1970, Vysshiye komitety Rossii 2-oy chetverti XIX veka: (k istorii krizisa feodal'no-krepostnicheskoy gosudarstvennosti) (The Supreme Committees of Russia of the 2nd quarter of the XIX century (On the history of the crisis of feudal-serfdom statehood)) PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Vyskochkov, LV 2018, 'Nikolay I i yego epokha' (Nicholas I and his era). Akademicheskiy proyekt Publ., Moscow. (In Russ.)
4. Dolgikh, AN 2000, 'Vopros o prodazhe lyudey bez zemli v politike rossiyskogo samoderzhaviya v 1820-kh – nachale 1830-kh gg.' (The question of selling people without land in the politics of the Russian autocracy in the 1820s – early 1830s), *Vekhi minuvshego: Uchenyye zapiski istoricheskogo fakul'teta LGPU*, LGPU Publ., pp. 29–51. (In Russ.)
5. Dolgorukov, PV 1992, 'Peterburgskiye ocherki. Pamflety emigranta. 1860–1867' (Petersburg essays. Pamphlets of an emigrant. 1860–1867), Novosti Publ., Moscow. (In Russ.)
6. Eroshkin, NP 1983, *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii* (The history of state institutions of pre-revolutionary Russia) 3rd edn, Higher School Publ., Moscow. (In Russ.)
7. Eroshkin, NP 1981, *Krepostnicheskoye samoderzhaviye i yego politicheskiye instituty (Pervaya polovina XIX v.)* (The feudal autocracy and its political institutions (first half of the 19th century)), Mysl Publ., Moscow. (In Russ.)
8. Zayonchkovskiy, PA 1968, *Otmena krepostnogo prava v Rossii* (The Abolition of Serfdom in Russia) 3rd edn, Prosveshcheniye Publ., Moscow. (In Russ.)
9. Zayonchkovskiy, PA 1978, *Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v.* (The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century), Mysl Publ., Moscow. (In Russ.)
10. Petinova, EF (comp.) 1996, *Znamenityye rossiyane XVIII – XIX vekov. Biografii i portrety : po izdaniyu velikogo knyazya Nikolaya Mikhaylovicha «Russkiye portrety XVIII i XIX stoletiy» (Famous Russians of the 18th – 19th centuries. Biographies and portraits. According to the edition of Grand Duke Nikolai Mikhailovich «Russian portraits of the 18th and 19th centuries»)* Lenizdat Publ., St. Petersburg. (In Russ.)
11. Pashkov, AI (ed.) 1958, *Istoriya russkoy ekonomicheskoy mysli* (A History of Russian Economic Thought) in 2 vols., vol. 1, part 2, Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury Publ., Moscow. (In Russ.)
12. Kiesewetter, AA 2006, *Istoricheskiye ocherki* (Historical Sketches), Territoriya budushchego Publ., Moscow. (In Russ.)
13. Klyuchevskiy, VO 1989, *Sochineniya* (Works) in 9 vols., vol. 5, Kurs russkoy istorii (Course in Russian history), part 5, Mysl Publ., Moscow. (In Russ.)
14. Kornilov, AA 1912, *Kurs istorii Rossii XIX veka. V 3 chastyakh* (Course of the history of Russia of the 19th century) part 2, Izd-vo M. i S. Sabashnikovykh Publ., Moscow. (In Russ.)
15. Korf, MA 2003, *Zapiski* (Notes), Zakharov Publ., Moscow. (In Russ.)
16. Korf, MA 1896, 'Imperator Nikolay v soveshchatel'nykh sobraniyakh: (iz sovremennykh zapisok stats-sekretarya barona Korfa)' (Emperor Nicholas in advisory meetings: (from the contemporary notes of the State Secretary Baron Korf)), *Sbornik RIO*, vol. 98, St. Petersburg, pp. 101–183. (In Russ.)
17. Nosov, NE (ed.) 1972, *Kratkaya istoriya SSSR. V 2 chastyakh (*A Brief History of the USSR) in 2 parts, part 1, 2nd edn, Nauka Publ., Leningrad. (In Russ.)
18. Lenin, VI 1973, '«Krest'yanskaya reforma» i proletarski-krest'yanskaya revolyutsiya' ("The Peasant Reform" and the Proletarian-Peasant Revolution). *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete works) in 55 vols., vol. 20, 5th edn, Politizdat Publ., Moscow. (In Russ.)
19. Lovkov, AI 1946, Komitet 6 dekabrya 1826 goda (Committee on December 6, 1826) PhD thesis, Moscow. (In Russ.)

20. Lyashenko, LM 2013, *Nikolay I. Sluchaynyy imperator* (Nicholas I. The Accidental Emperor), AST-press-kniga Publ., Moscow. (In Russ.)
21. Nikolayenko, PD 2009. *Knyaz' V. P. Kochubey. Pervyy ministr vnutrennikh del Rossii : monografiya* (Prince V.P. Kochubey. The First Minister of Internal Affairs of Russia. Monograph), Izdatelstvo SPb. universiteta MVD Rossii Publ., St. Petersburg. (In Russ.)
22. Platonov, SF 1993, *Uchebnik russkoy istorii* (Textbook of Russian History), Nauka Publ., St. Petersburg. (In Russ.)
23. Poliyevktov, MA 2008, *Nikolay I: Biografiya i obzor tsarstvovaniya* (Nicholas I: Biography and review of the reign), Mir knigi Publ., Literatura Publ., Moscow. (In Russ.)
24. Dolgikh, AN (comp.) 2005, 'Proyekt Dopolnitel'nogo zakona o sostoyaniyakh s prinadlezhashchimi k nemu prilozheniyami (1830)' (Draft of Supplementary Law of States with Attachments (1830)) in *Krest'yanskiy vopros v Rossii (1796–1830 gg.): Dvoryanskoye obshchestvo i vlast'* in 2 vols., vol. 2, pp. 193–253. (In Russ.)
25. Pushkin, AS 1964, 'Dnevniki' (Diaries), *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete works) vol. 8, 3rd edn, Nauka Publ., Moscow. (In Russ.)
26. Pushkin, AS 1966, 'Pisma' (Letters), *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete works), vol. 10, 3rd edn, Nauka Publ., Moscow. (In Russ.)
27. Rakhmatullin, MA & Cherepnin, LV (ed.) 1976, 'Podyem krest'yanskogo dvizheniya i reaktsiya samoderzhaviya posle vosstaniya dekabristov' (The rise of the peasant movement and the reaction of the autocracy after the Decembrist revolt) in *Iz istorii ekonomicheskoy i obshchestvennoy zhizni Rossii* Nauka Publ., Moscow. (In Russ.)
28. Ruzhitskaya, IV 2018, *Gosudarstvennyy sovet pri Nikolaye I: osobennosti funktsionirovaniya* (State Council under Nicholas I: features of the functioning), IRI RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
29. Ruzhitskaya, IV 2015, *Zakonodatel'naya deyatel'nost' v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I. 2-ye izdaniye, ispravlennoye i dopolnennoye [Legislative activity in the reign of Emperor Nicholas I. 2nd ed., rev. and add.],* IRI RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., Moscow: St. Petersburg. (In Russ.)
30. Semevskiy, VI 1888, *Krest'yanskiy vopros v Rossii v XVIII i pervoy polovine XIX vv. V 2 tomakh* (The peasant question in Russia in the 18th and first half of the 19th centuries), in 2 vols., vol. 2, St. Petersburg. (In Russ.)
31. Sladkevich, NG, 1964, 'O soslovnykh proyektakh Komiteta 6 dekabrya 1826 g.' (On estate projects of the Committee on December 6, 1826) in NE Nosov (ed.), *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu*, Nauka Publ., Moscow; Leningrad, pp. 274–283. (In Russ.)
32. Fedorov, VA 1980, *Krestyanskoye dvizheniye v Tsentralnoy Rossii 1800–1860 (po materialam tsentralno-promyshlennykh guberniy)* (Peasant movement in Central Russia 1800-1860 (based on materials from the central industrial provinces)). Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta Publ., 168 p. (In Russ.)
33. Feoktistov, YeM 1991, *Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896* (Behind the scenes of politics and literature. 1848–1896), Novosti Publ., Moscow. (In Russ.)
34. Chibiryayev, SA 1993, *Velikiy russkiy reformator. Zhizn', deyatel'nost', politicheskiye vzglyady M. M. Speranskogo* (The great Russian reformer. Life, work, political views of M. M. Speransky), Voskresen'ye Publ., Moscow. (In Russ.)
35. Shilov DN 2002, Gosudarstvennyye deyateli Rossiyskoy imperii. Glavy vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdeniy. 1802–1917: biobibliograficheskiy spravochnik. 2-ye izdaniye, ispravlennoye i dopoplnennoye [Statesmen of the Russian Empire. Heads of higher and central institutions. 1802–1917. Biobibliographic reference book. 2nd edition, revised and supplemented]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 936 p. (In Russ.)
36. Shilov DN & Kuz'min YuA 2006, *Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossiyskoy imperii. 1801–1906: biobibliograficheskiy spravochnik [Members of the State Council of the Russian Empire. 1801 – 1906: Biobibliographic reference].* St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 992 p. (In Russ.)
37. Shishov, AV 2001, *Russkiye general-feldmarshaly Dibich-Zabalkanskiy, Paskevich-Erivanskiy* (Russian Field Marshals Dibich-Zabalkansky, Paskevich-Erevan), Tsentrpoligraf Publ., Moscow. (In Russ.)

38. Eidelman, NYa 1989, *«Revolyutsiya sverkhu» v Rossii* ("Revolution from above" in Russia), Kniga Publ., Moscow. (In Russ.)
39. Engels, F 1962, Vneshnyaya politika russkogo tsarizma (Foreign policy of Russian stardom). *Sochineniya* (Works), in 39 vols, vol. 22, Politizdat Publ., Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.11.2021
Одобрена после рецензирования: 07.12.2021
Принята к публикации: 17.12.2021

The article was submitted: 24.11.2021
Approved after reviewing: 07.12.2021
Accepted for publication: 17.12.2021

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 18–35.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2021. Issue 4 (8). P. 18–35.

Научная статья
УДК 94(470)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-18-35

А ГРАФ ТОЛСТОЙ ПРОТИВ. ВОСПРИЯТИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО 1860 – 1870 ГГ.

Константин Владимирович Кременецкий

Нью-Йоркская киноакадемия,
отделение в Лос Анджелесе,
Бербанк, США, kkremenetski@gmail.com
http://orcid.org/0000-0002-6729-2437

Аннотация. В статье рассматриваются два эпизода обращения Л. Н. Толстого к публицистике в 1860–1870 гг. – издание журнала «Ясная Поляна» и статья «О народном образовании», связанная с полемикой вокруг «Азбуки» Толстого.

Внимание публики к публицистическим выступлениям Толстого было напрямую связано со степенью его литературной известности. Уже при издании «Ясной Поляны» имя Толстого было хорошо знакомо читателям и критикам. К моменту выхода «Азбуки» Толстой воспринимался как автор «Войны и мира» и «Анны Карениной», и его появление на публике и выступления в печати становились событиями всероссийского масштаба. Толстой умело пользовался своим литературным авторитетом и спровоцировал дискуссию по очень специфической теме о способах преподавания грамоты и арфиметики в начальной народной школе. Кроме педагогической тематики, статьи Толстого содержали мнения по самым разнообразным вопросам современности. В статьях Толстого обнаруживаются многочисленные противоречивые провокационные заявления и софизмы. Такие журналистские приемы Толстого вызывали оживленную полемику в периодической печати. Комментаторы подчеркивали противоречивость взглядов Толстого, его стремление к оригинальности по любым вопросам, отмечали сходство взглядов Толстого с воззрениями французского социалиста Прудона. В целом негативные отзывы на педагогические взгляды Толстого сочетались с практически всеобщим одобрением литературного стиля статей Толстого и рассказов для чтения в «Азбуке».

Педагогические статьи Толстого 1860–1870-х годов и использовавшиеся Толстым полемические методы дают нам ключ к пониманию более поздних публицистических работ Толстого 1880-х годов, и реакции на них современников.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, А. Григорьев, М. Н. Катков, Е. Л. Марков, Н. К. Михайловский, О. Прудон, «Ясная Поляна», «Азбука», «Новая Азбука».

Для цитирования: Кременецкий К. В. А граф Толстой против. Восприятие публицистики Л. Н. Толстого 1860–1870 гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 18–35. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-18-35.

Сведения об авторе: *К. В. Кременецкий* – PhD, преподаватель, Нью-Йоркская киноакадемия, отделение в Лос Анджелесе, 3300 Риверсайд Драйв, Бербанк, Калифорния, 91505, США.

© Кременецкий К. В., 2021

Scientific Article
UDC 94(470)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-18-35

COUNT TOLSTOY DISAGREES. RECEPTION OF LEO TOLSTOY NON-FICTION IN 1860 – 1870'S

Konstantin V. Kremenetski

New York Film Academy. Los Angeles Campus,
Burbank, USA, kkremenetski@gmail.com
http://orcid.org/0000-0002-6729-2437

Abstract. We consider two episodes of non-fiction writing by Leo Tolstoy in 1860–1870 – publishing of "Yasnaya Poliana" magazine and the paper "On public education" associated with public discussion of "The Alphabet" by Leo Tolstoy.

As literary fame of Leo Tolstoy increased so was attention to his writings. Tolstoy has been already well known when he started "Yasnaya Poliana". When "The Alphabet" was published Leo Tolstoy was perceived foremost as the author of "War and Peace" and "Anna Karenina". His every public appearance and writing attracted much attention. Leo Tolstoy knew it well and used his fame to trigger a large public debate on a very narrow subject of comparative advantages of different methods of primary grammar and math education. Papers by Leo Tolstoy also contained opinions on very diverse subjects of public interest. His methods can be described as provocative journalism. Tolstoy's papers contained several contradictory statements and sophisms. Thus, Tolstoy's writings generated intense media discussion. Reviewers underscored contradictions in Tolstoy's thoughts, his tendency to demonstrate originality on every subject, and recognized the similarity of ideas of Tolstoy with teaching of French socialist Proudhon. The reception of educational ideas of Tolstoy was largely negative by professionals. Tolstoy's literary style and short novels in "The Alphabet" were praised and admired.

Tolstoy's non-fiction writings of 1860–1870's can be seen as a precursor of his quasi-philosophical works of 1880's.

Keywords: Leo Tolstoy, A. Grigoriev, M. N. Katkov, E. L. Markov, N. K. Mikhailovsky, O. Proudhon, "Yasnaya Poliana", "The Alphabet", "The New Alphabet".

For citation: Kremenetski, KV 2021, 'Count Tolstoy disagrees. Reception of Leo Tolstoy non-fiction in 1860–1870's', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4(8), pp. 18–35 , https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-18-35 (in Russ.)

Information about the Author: *Konstantin V. Kremenetski* – PhD, Instructor, New York Film Academy, Los Angeles Campus, 3300 Riverside Drive, Burbank, California, 91505 USA,

© Kremenetski K. V., 2021

Л. Н. Толстой периодически обращался к жанру публицистики. В 1860–1870 годы публицистические выступления Толстого были связаны с двумя эпизодами обращения Толстого к педагогике, изданием журнала «Ясная Поляна» и работой над «Азбуками». Существующие работы анализируют педагогические воззрения Толстого и литературные достоинства «Азбук» [8; 25; 28, с. 221–264; 40; 41; 50; 74].

Недостаточное внимание уделялось методам полемики и журналистским приемам Толстого, а также анализу причин критического восприятия публицистики Толстого в современной ему периодике.

Уже будучи известным писателем, в начале 1860 г. Толстой сообщал в письмах друзьям, что он разочаровался в литературе и посвятил себя народному просвещению. Толстой писал Фету, что «писать повести вообще напрасно, а еще более таким людям, которым грустно, и которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни. [...] Не нам нужно учиться, а нам нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко того, что мы знаем.» [70, с. 324–325]. Толстой организовал школу для обучения грамоте крестьянских детей в Ясной поляне, и писал своему севастопольскому товарищу Е. П. Ковалевскому о намерении издавать педагогический журнал, и что народным образованием должно заниматься не государство, а общество [70, с. 328–330].

В ноябре-декабре 1861 Толстой, который был в то время мировым посредником, сообщал в губернское присутствие об открытии в его участке школ для обучения грамоте детей и взрослых. Учителями были студенты, выпускники гимназий и семинарий. Закон Божій преподавался приходскими священниками, или свѣтскими лицами под их наблюденіем. [16, с. 276; 76, с. 99–102].

В марте 1862 школы Крапивенского уезда инспектировал благочинный о. Николай Головин. О. Николай посетил три школы, открытых Толстым. В одной из школ все было в порядке, а в двух других о. благочинный рекомендовал заменить набранных Толстым учителей как не справляющихся со своими обязанностями. Школа в Ясной Поляне произвела благоприятное впечатление: «Там мальчики и дѣвочки читают хорошо, пишут, разсказывают исторію ветхаго и новаго завѣта, объясняют церковные праздники; математикой занимаются не всѣ. Все дѣло там идет успѣшно. Три постоянные наставника преподают разные предметы, каждый в свои урочные часы, под наблюденіем графа. Для своей школы граф не жалѣет издерживать до 2000 руб. сер. в год на 30 учеников. Так я слышал от него самаго.» [23, с. 223–224].

Летом 1861 о предстоящем выходе нового журнала «Ясная Поляна» сообщали многие периодические издания.

Московский журнал «Основа» писал: «Украинскіе писатели и народолюбцы всѣм сердцем привѣтствуют гр. Толстого. Тó, чтó говорит он в своей программѣ, не раз повторял наш Шевченко, который с особенным сочувствіем принял первую вѣсть о народной школѣ в “Ясной–Полянѣ”». [83, с. 124].

«Ясная Поляна» печаталась в типографии «Русского Вестника». В письме Толстому 26 ноября 1861 М. Н. Катков пытался отговорить Толстого от идеи издавать журнал, поскольку у журнала было мало подписчиков. Катков ценил Толстого-писателя, и считал, что Толстой напрасно берется за издание журнала [29, с. 196–197].

Толстой рассчитывал, что статьи в журнале «Ясная Поляна» привлекут внимание критики. Толстой писал В. П. Боткину 26 января 1862 года: «Надеюсь, что в литературе на меня поднимется гвалт страшный, и надеюсь, что вследствие такого гвалта не перестану думать и чувствовать то же самое».» [70, с. 414]. Толстой обратился к сотруднику «Современника» Н. Г. Чернышевскому с просьбой высказать мнение о «Ясной Поляне» [70, с. 416]. С этой же целью Толстой послал М. Н. Каткову рукопись своей статьи «О народном образовании». Катков обещал поместить критическую статью о «Ясной Поляне» в своем журнале [29, с. 196–197].

Статьи Толстого в «Ясной Поляне» содержали большое количество провокационных и противоречивых фрагментов, которые привлекали внимание и вызывали возражения критиков.

Н. Г. Чернышевский откликнулся на просьбу Толстого и поместил подробное изложение №№ 1 и 2 «Ясной Поляны» [12, с. 412; 44, с. 122–138].

Демонстративная противоречивость утверждений Толстого вызвала у Чернышевского сомнения в их искренности: «Но воля ваша, вѣдь досадно слушать, когда люди, основавшіе школу и преподающіе в ней и даже утверждающіе, что устроили свою школу очень хорошо и преподают в ней не дурно, – когда эти люди говорят что не знают, чему учить и как учить народ, и не знают даже, нужно ли его учить. Полноте, господа, говорить про себя такіе пустяки» [44, с. 130].

Чернышевский обратил на высказывание Толстого, что в России «народ большею частію озлоблен против мысли о школѣ». Гдѣ же озлоблен против школы?» [44, с. 130]. Процитировав фрагмент, где Толстой отрицал бухгалтерию: «Кажется, нечего доказывать, что tenue des livres, Buchhaltung, преподающееся в Германіи и в Англіи, есть наука, требующая четыре часа объясненія для всякаго ученика, знающаго четыре правила ариѳметики).» [67, с. 18]. Чернышевский решил объяснить, что Толстой неправ, и «бухгалтером сделаться не так легко» [44, с. 131].

«Но кромѣ общаго смысла всей статьи изумляют в ней многія отдѣльныя мѣста; напримѣр: [...] “Факт противодѣйствія народа образованію посредством грамоты существует во всей Европѣ”» [44, с. 133–134; 67, с. 130].

Д. Ф. Щеглов пришел к выводу, что нельзя доверять сообщениям Толстого об иностранных народных школах: «Читая сужденія его о видѣнных им школах, вы прежде всего замѣчаете, что причина строгости сужденія, есть чисто-субъективная, что она находится в самом авторѣ, которой имѣет недовѣрчивость к тому, что́ люди выдают за полезное, гдѣ они выставляют себя дѣятелями на пользу общества. У нас примѣры подобнаго мизантропическаго настроенія очень нерѣдки...» [82, с. 64–65].

В подробном и в целом благожелательном отзыве на январский номер «Ясной Поляны» в педагогическом журнале «Воспитание» автор обратил внимание на декларацию Толстого о ненужности дисциплины в школе [19, с. 144].

Статью в журнале «Воспитание» прокомментировал обозреватель Тульских епархиальных ведомостей о. Г. Панов. Он отметил, что взгляды Толстого «принадлежат образованным педагогам „прошлаго столѣтія Ж. Ж. Руссо„ в Эмилѣ, Базедову и проч. Но крайности их взглядов на воспитаніе признаны еще их современниками. В какую бы форму — эти крайности не облекались, они не могут быть и для нас поразительною новостію» [46, с. 558].

Рецензентов удивило утверждение Толстого о ненужности приподавания истории и географии [7, с. 235; 55, с. 70]. У Толстого: «До университета, я не только не вижу никакой необходимости, я вижу большой вред в преподавании истории и географии. Дальше я не знаю.» [67, с. 109].

В майском номере «Русского Вестника» была опубликована статья Е. Л. Маркова [31]. На эту статью ссылались другие авторы, писавшие о «Ясной Поляне» [10, с. 23–24; 27, с. 700; 47, с. 211–212].

Статья Маркова интересна тем, что Марков был знаком с Толстым и посещал устроенную Толстым школу в Ясной Поляне. Марков мог сравнить личные впечатления со статьями Толстого и отмечал, что практическая деятельность Яснополянской школы отличается в лучшую сторону от публицистических деклараций Толстого [31, с. 188].

Марков указывает на противоречивость во взглядах Л. Н. Толстого: «*Ясная Поляна* относится совершенно отрицательно к педагогикѣ и к исторіи развитія че-

ловѣчества вообще; ея скептицизм самаго радикальнаго свойства. [...] ...главный недостаток графа Толстаго, замѣченный нами в изложенiи его взглядов на образованiе, есть непослѣдовательность самому себѣ. Она не раз приводит его к противорѣчiям.» [31, с. 152].

Марков указал на отсутствие ссылок у Толстого [этого не требуется от художественных произведений] и цитирует провокационные высказывания Толстого: «Не знаю, откуда граф Толстой берет свои данныя, утверждая, что „самая плохая школа средних вѣков была лучше самой лучшей школы нашего времени, ибо болѣе соотвѣтствовала своему времени и стояла все-таки наравнѣ с общим образованiем, ежели не впереди, тогда как наша школа стоит позади его.“Кто это сказал? Когда и почему? Гдѣ исслѣдованiе об этом?» [31, с. 161].

Похожую точку зрения Марков высказал и позднее в обстоятельном эссе о повести Толстого «Казаки»: «Он как будто с намѣренiем вызывает против себя общественное мнѣнiе и уже во всяком случаѣ пальцем не толкнет, чтобы предупредить его или услужить ему. Словно его радует и забавляет раздраженiе иномыслящих; словно нѣт для него в мiрѣ ничего отраднѣе, как проѣхаться сквозь приличную и многочисленную публику господствующих мнѣнiй верхом на каком-нибудь бѣшеном парадоксѣ, давя кругом народ, и хлестая плетью острой рѣчи направо и налѣво.» [32, с. 334].

Марков тепло и положительно отзывается о самой Яснополянской школе, и отмечает, что причина успеха Яснополянской школы – Л. Н. Толстой: «Граф Толстой живет с своею школой все равно как отец с семьей; он ей жертвует часто цѣлые дни и недѣли, а нам конечно не может не нравиться такая благородная и полезная прихоть; но все-таки это прихоть, то-есть страсть, зависящая от внутренняго настроенiя, ничѣм не обезпеченная, на которую разчитывать никто не имѣет права» [31, с. 179].

Прогноз-опасение Маркова оправдался. В письме своему брату 18 октября 1862 Толстой отметил, что собирается прекращать выпуск «Ясной Поляны». Журнал принес 3000 рублей убытка. Одновременно Толстой решил закрыть школу и уволить учителей [70, с. 455].

В обзоре первых трех номеров «Ясной Поляны» «Санкт-Петербургские Ведомости» обратили внимание на осуждение Толстым европейских школ: «Немцы, по уверению графа Толстого, ненавидят школу, сознают ее одуряющее влияние, для которого они придумали название «verdumen». Другое слово «schulfrei» (свободный от школы) достаточно выражает ту радость, которую ощущает немец по выходе из школы. Не в школе народ приобретает познания и образование, по словам графа Толстого, а из жизни.» [24, с. 620].

«Говоря о неудовлетворительности западных народных школ, граф Толстой гуртом осуждает все педагогические системы, называет странными и ни на чем неоснованными системы Руссо, Песталоцци, Фребеля. Вся западная педагогическая деятельность обращается в нуль перед судом беспощадного графа. [...] Там же, где наш автор пускается в отвлеченности, в теорию – он необыкновенно путается, противоречит сам себе и всей прожитой истории цивилизации» [24, с. 632].

Позднее на описание Толстым немецких школ обратил внимание Н. Н. Страхов [62, с. 158–159].

Стали появляться отзывы о «Ясной Поляне» в педагогических журналах.

По мнению С. Протопопова «Три вышедшие теперь в свет книжки этого нового педагогического органа вполне соответствуют предсказанию об нем в программе: та же импровизация в деле обучения, тот же натурализм во взгляде на воспитание и та же наконец неопределенность во всем, начиная от взгляда на обучение до обращения с учащимися.» [55, с. 69]. Протопопов хвалил стиль и язык многочисленных жанровых сцен-миниатюр в «Ясной Поляне» и язык книжек для чтения [56].

Толстой внимательно следил за откликами критики. В предисловии к статье «Воспитание и образование» («Ясная Поляна», № 7) Толстой отметил отзывы в журналах «Время», «Библиотека для чтения», «Воспитание» и «Современник» [67, с. 211]. В этой статье Толстой повторил все положения предыдущих выпусков «Ясной Поляны» [67, с. 211–246].

После выхода статьи Толстого «Воспитание и образование» рецензенты обратили внимание на то, что Толстой осуждает университеты и «приводит доказательства несостоятельности и безполезности экзаменов.» [10, с. 23; 18, с. 435; 57, с. 37].

А. А. Чумикова удивил софизм Толстого про синагоги и университеты: «Если да, – то жидовская синагога, дьячковское училище имѣют столь же законное право существовать, как всѣ ваши университеты.» [67, с. 217]. «В каком же цивилизованном государствѣ отказывается евреям в правѣ имѣть синагоги и обучать в них своих дѣтей?» [78, с. 175].

Оригинальность, противоречивость и неопределенность взглядов Толстого на все вопросы современности отметил А. Н. Пыпин. Пыпин нашел во взглядах Толстого мистицизм и славянофильство: «Граф Л. Толстой (в «Ясной Полянѣ») утверждает, что европейское образованіе не асимилируется (не усваивается тож), русским организмом, и что он развивается по каким-то другим законам, и воспитывается на какой-то другой пищѣ. Какіе это законы, и какая это пища, граф Толстой конечно не объясняет, как это постоянно случается с нашими натурофилософами.» [57, с. 45; 60, с. 225; 67, с. 239].

А. Н. Пыпин цитирует провокационные высказывания Толстого: «“Отчего на желѣзных дорогах рядчики-мужики завѣдывают тысячами работников, а не студенты?” – Оттого же, отчего студенты не предводительствуют полками или не строят печей» [57, с. 40; 67, с. 237].

«Ясная Поляна» стала предметом переписки между Министерством внутренних дел и Министерством просвещения. Министр внутренних дел П. А. Валуев направил министру просвещения адмиралу Путятину отношение с указанием на наличие ложных и эксцентричных убеждений у Л. Н. Толстого, и запрашивал мнение Министерства просвещения, не следует ли обратить внимание цензуры на «Ясную Поляну». Адмирал Путятин получил отчет о «Ясной Поляне» от сотрудников своего министерства и составил положительное мнение о педагогической деятельности графа Толстого. В ответном письме адмирал указал, что «крайности педагогических воззрений» могут обсуждаться в педагогических журналах, и не требуют вмешательства цензуры [75, с. 590–591].

Поэтому в Журнале Министерства Народного Просвещения отмечали как положительные стороны «Ясной Поляны», так и стремление Толстого к оригинальности [79, с. 25, 36].

К. Д. Ушинский в 1862–1863 находился в Швейцарии и изучал местные школы. Его впечатления о швейцарском образовании печатались в Журнале Министерства Народного Просвещения. Ушинский полемизировал с декларацией Толстого о ненужности обязательного образования, и отметил, что в народных школах Германии и Швейцарии улучшения стали возможны «только потому, что школа была обязательна, а учитель поставлен в самостоятельное положение в отношении родителей, невѣжественное требованіе которых навѣрное остановило бы всякій прогрес в школьном дѣлѣ.» [77, с. 285]. Ушинский отмечал, что утверждения Толстого об иностранных школах не соответствуют действительности:

«Нравятся ли графу Толстому эти школы, или нѣтъ — это его дѣло: школа такое явленіе, к пониманію котораго надо быть хотя нѣсколько приготовленным; но зачѣм же уродовать факты, зачѣм же говорить о той ненависти к школам и дѣтей и родителей, которой в Германіи нѣт, а в Швейцаріи, гдѣ всѣм распоряжается сам народ, и

быть не может? Граф Толстой, вѣроятно, позабыл, что за границу проведена теперь желѣзная дорога и что повѣрка привозимых из-за границы извѣстій стала чрезвычайно легкою» [77, с. 54–55].

Такое же мнение в отчете о командировке с целью ознакомления со школами Бадена высказал Л.Н. Модзалевскій, и посетовал, что публика верит сообщениям Толстого [38, с. 84, 95].

Так, например, принял на веру утверждения Толстого о тяжелом положении народного образования в Европе Е. М. Крыжановский [27, с. 657]. Как и другие рецензенты, Е. М. Крыжановский обратил внимание на софизм Толстого о противопоставлении воспитания и образования: «Но образование и воспитание до того тесно связаны между собою, что одно решительно невозможно без другого, и гр. Толстой в своих практических занятиях с учениками представляет, как увидим, совершенное противуречие с своею теориею воспитания» [27, с. 700].

Е. М. Крыжановский преподавал в Киевской Духовной Академии. Он подметил «противоречия и крайнюю нелогичность» декларируемых Толстым принципов отношения народной школы к религии, в частности дважды повторенной Толстым сентенции о насильственном преподавании религии в школе: «Кому же покажется логичною и для религии необидною такая уступка? Ей одной представляет он то, что в целой педагогии навал безобразием, т.е. насилие! […] Таким образом в этом выражении Гр. Толстого – и навязывание религии того, чего она о себе никогда не думала, и противоречие общему своему началу.» [27, с. 721–722; 67, с. 8, 219].

Любопытна оценка педагогической деятельности Толстого А. А. Григорьевым. А. А. Григорьев нашел пессимизм и пантеизм в статьях Толстого. Педагогические опыты и статьи в «Ясной Поляне» были по мнению А. Григорьева своеобразной формой художественного творчества Толстого. А. Григорьев отметил влияние Руссо на взгляды Толстого: «Этою педагогическою дѣятельностію мог он обмануть развѣ одних теоретиков. Для нас она была только органически необходимым исходом крайне своеобразнаго и даже капризнаго таланта […] Нас не удивило бы нисколько, если бы Л. Толстой выпустил в свѣт нѣчто в родѣ «Эмиля» Руссо или даже его contrat social; и в его крайне интересных, оригинально умных и парадоксально капризных статьях в «Ясной Полянѣ» — нам чуялось не без основаній только продолженіе психическаго момента, выразившагося в его послѣдних до того времени произведеніях.» [20, с. 6–7].

Следующий эпизод обращения Толстого к педагогической тематике связан с публикацией «Азбуки» и «Новой Азбуки». После выхода «Войны и мира» Толстой воспринимался как один из лучших писателей современности. Работу над «Азбукой» Толстой начал в сентябре 1871 и делился своими планами с родными и знакомыми [71, с. 264–265, 277, 283].

Предваряя выход «Азбуки», в журналах были напечатаны отдельные рассказы: «Кавказский пленник» и «Бог правду видит да не скоро скажет». В. Г. Авсеенко в рецензии на «Бог правду видит да не скоро скажет» оценивал рассказ с точки зрения его пригодности для чтения в народных школах. Его вывод отрицательный: «Отчаяние в правде, фаталистическая покорность судьбе – все это не такие элементы, на которых может развиваться здоровая жизнь.» [1, с. 1].

В благожелательной рецензии на «Кавказский пленник» рецензент написал о предстоящем выходе книги Толстого для сельских школ и отметил, что Толстого всегда были «своеобразныя воззрения на то, как следует вести дело народнаго образования и воспитания, взгляды, безтрепетно идущие в разрез почти всему, что выработано педагогическою наукою по этому вопросу…» [30, с. 402]. О том, что Толстой «издает букварь для народных школ» упомянул известный литературный критик А. М. Скабичевский [59, с. 47].

Большую часть «Азбуки» по объему составляли рассказы для чтения. Имелись разделы об обучении грамоте, арифметике, и рекомендации для учителей. В письме Н. Н. Страхову в начале октября 1872 Толстой писал, что «особенности книги рассердят педагогов» [71, с. 324].

Толстой отправил экземплр «Азбуки» с сопроводительным письмом вице-президенту Академии наук математику В. Я. Буняковскому с просьбой написать отзыв о математической части «Азбуки». В письме Толстой отмечал, что «Совершенная особенность изложения от обыкновенно принятого изложения непременно заставит обратить внимание педагогов на мою арифметику и, как я уверен, побудит их закидать ее каменьями, не разобрав, в чем дело». [71, с. 339].

Толстой таким образом старался привлечь внимание к «Азбуке» и вызвать критику. Буняковский написал Толстому доброжелательное письмо, но отказался оценивать методы обучения арифметике в начальной школе, поскольку не преподавал детям. Буняковский отметил, что предлагаемый Толстом способ изучения простых дробей отличается от общепринятых приемов, и то, что Толстой часто использует собственную терминологию вместо общепринятой. Буняковский считал излишним обучать детей вычислениям со славянскими и римскими числами [14].

Поскольку успех «Азбуки» в значительной степени зависел от того, будет ли она одобрена Министерством народного просвещения, то Толстой написал письмо министру просвещения, своему родственнику, Д. А. Толстому с просьбой обратить внимание на книгу [71, с. 338–339].

После выхода «Азбуки» пресса была единодушна в одобрении рассказов для чтения. Замечания вызвали педагогические рассуждения Толстого и запоминающиеся софизмы.

В числе недостатков «Азбуки» П. Н. Полевой отметил то, что Толстой «предписывает учителю следовать особой методе, преимущества которой остаются для нас совершенно темными» [52, с. 1]. Вывод П. Н. Полевого был поддержан другими изданиями [3, с. 1161].

Рецензенты вспоминали противоречивые утверждения и заблуждения Л. Н. Толстого в «Ясной Поляне» [4; 26, с. 49; 49, с. 3; 52, с. 1], указывали на пассаж Толстого о ненужности преподавать устройство солнечной системы. [3, с. 1161; 49, с. 3; 52, с. 1; 58, с. 63] и ошибки при переводе с церковно-славянского языка [5; 52, с. 2]. В одном из отзывов отмечено утверждение Толстого, что по его методу хороший ученик может выучить все буквы за один урок. Знакомый с историей педагогики автор пояснил, что метод Толстого не нов, а был предложен немецким педагогом XVIII века Базедовым [6, с. 2].

Толстой отправил письмо в защиту своего метода обучения грамоте в «Московские Ведомости» и в петербургскую газету «Голос». Толстой нападал на звуковой метод обучения, защищал свой и сообщил, что он предложил Московскому Комитету Грамотности провести проверку обоих методов [64; 65].

Звуковые методы обучения грамотности были популярны в России в середине XIX века [61].

Комитеты грамотности были общественными благотворительными организациями, учрежденными в царствование Николая I для содействия распространению народной грамотности. Толстой был знаком с председателем Московского комитета грамотности И. Н. Шатиловым. И. Н. Шатилов сообщил о предложении Толстого на заседании Московского комитета грамотности 23 октября 1873. С возражениями выступали члены комитета педагоги Д. И. Тихомиров, Н. П. Малинин. У них предложения Толстого вызывали сомнение. Метод, рекламировавшийся Толстым им был знаком, и не имел, по их мнению никаких проверенных практикой преимуществ перед

теми способами преподавания, которые успешно использовались. Комитет грамотности решил поддержать И. Н. Шатилова и согласиться с предложением Толстого. Членов комитета подкупило обещание Толстого, что его метод позволяет быстро обучать грамотности, и то, что по словам Толстого, Толстой использует этот метод успешно в течение 16 лет. [54, с. 376–377].

15 января 1874 состоялось экстраординароное заседание Московского комитета грамотности с участием Л. Н. Толстого. Толстой не появлялся на публике, и это событие привлекло внимание прессы. Подробный отчет о заседании появился в «Русских Ведомостях» [84]. Эта статья послужила источником для других периодических изданий [21, с. 184–185]. Полная стенограмма заседания была опубликована [54, с. 121–130].

Педагоги выступали в защиту звукового метода. Толстой прибегал к эмоциональным и легко запоминающимся аргументам: «мой способ есть способ народа русскаго, я ему выучился у народа,…». Толстой утверждал, что по его методу за два урока дети выучивали алфавит и склады. Когда Д. И. Тихомиров говорил о звуковом методе, Толстой перебил его и спросил, что будет, если ученик забудет звук, на что Тихомиров возразил, что звук забыть нельзя [54, с. 121].

Толстой вызвался дать уроки грамотности. Показательные уроки были назначены на 16 и 17 января в школе при фабрике члена Комитета грамотности С. В. Ганешина, который обещал подобрать учеников для этой цели [54, с. 130]. В письме С. А. Толстой, написанном сразу после заседания Комитета грамотности 15 января, Толстой сожалел об обещании дать два урока, и писал, что хватит и одного [73, с. 214]. 16 января Толстой не появился. Состоявшийся на следующий день показательный урок никаких результатов не дал. Тогда же Комитет грамотности решил провести более продолжительный эксперимент. Было решено создать две группы учеников и обучать одну группу по существующим методам преподавания грамоты и арифметики, а другую – по методу Толстого. Этот опыт продолжался семь недель [63, с. 69–70; 84].

По окончании эксперимента, в апреле 1874, было проведено испытание учеников обеих групп. Никаких заявленных Толстым преимуществ в его методе выявлено не было. В ходе обсуждения результатов испытаний выявились разногласия между председателем И. Н. Шатиловым и остальными членами комиссии. И. Н. Шатилов подал особое мнение [54, с. 1–4; 63, с. 76–77, 82].

Толстой позднее представил эту ситуацию в более выгодном для себя свете: «Но члены экзаминаціонной комиссіи раздѣлились в мнѣніях, каждый почти подал отдѣльное мнѣніе; и засѣданіе комитета грамотности не пришло ни к какому заключенію и вопрос оставлен открытым.» [66, с. 147].

После этого Толстой решил поднять кампанию в печати. Он просил известного журналиста А. С. Суворина выступить в газете «Санкт-Петербургские Ведомости»: «…я, к удивлению и ужасу своему, увидал, что то педантически-тупоумное немецкое отношение к делу народного образования, с которым я боролся в «Ясной Поляне», за последние 15 лет пустило корни и спокойно процветает, и что дело это не только не пошло вперед, но значительно стало хуже, чем было.» [72, с. 85–86]. В тех же словах, что и в письме к А. С. Суворину, Толстой обратился к министру просвещения Д. А. Толстому. Письмо Толстого было передано на рассмотрение в Ученый комитет при Министерстве народного просвещения [72, с. 81–82]. Толстой обратился с просьбой о поддержке к Н. Н. Страхову. Это письмо показывает, что Толстой рассчитывал на то, что его будут ругать [72, с. 83]. Н. Н. Страхов в 1874 стал членом Ученого комитета при Министерстве народного просвещения по приглашению председателя Ученого комитета А. И. Георгиевского [51, с. 132].

Страхов держал Толстого в курсе того, как «Азбука» обсуждалась в Ученом комитете. Отзывы своих членов об «Азбуке» Ученый комитет заслушал в заседании, состоявшемся 29 октября 1874 г. Художественная часть «Азбуки» была одобрена. К. К. Сент-Илер отметил, что в статьях научно-популярного характера Толстой «старается все свои объяснения делать языком народным, употребляя выражения ненаучные и сравнения, не всегда удачные». Мнение об арифметической части было негативным в значительной степени из-за того, что Толстой изобрел собственную терминологию, отличную от общепринятой [48, с. 48, 50–55; 68, с. 581–583].

В мае 1874 Толстой обратился к редактору «Отечественных записок» Н. А. Некрасову с предложением напечатать в «Отечественных записках» статью о своих разногласиях с педагогами. Дискуссия о способах преподавания грамоты в народной школе не очень интересовала Некрасова, но его привлекло обещанное Толстым сотрудничество с «Отечественными записками». Некрасов надеялся, что Толстой выберет «Отечественные записки» для публикации своего нового романа [37, с. 140; 72, с. 69–70, 91].

В письме Некрасову 15 августа 1874 Толстой просил о поддержке: «Очень благодарен вам за вашу готовность помочь мне в моей борьбе с педагогами. [...] Педагоги борются за существование, и нет гадости, которой бы они побрезгали для достижения своей цели. Они лгали, выдумывали и теперь тот протокол заседания К[омитета] г[рамотности], печатание которого было бы для них очень невыгодно, они умели так затянуть, что он до сих пор не вышел и едва ли выйдет» [72, с. 105–106].

Некрасов пообещал, что по поводу статьи Толстого выскажется сотрудник «Отечественных записок» Н. К. Михайловский [42, с. 89–90]. Статья Толстого «О народном образовании» вышла в сентябрьском номере «Отечественных записок» [66].

Толстой утверждал, что детей в возрасте 6 – 8 лет слишком рано учить грамоте, и обвинял педагогов в недобросовестности [66, с. 147]. Звуковой метод обучения Толстой называл немецким, а свой метод – народным [66, с. 150–151]. Объявив, что современная школа учит неправильно, Толстой писал, что правильная теория педагогики была им сформулирована 15 лет назад в статьях в «Ясной Поляне» [66, с. 176]. От имени народа Толстой объявлял, что в народных школах нужно учить грамоту, славянский язык, арифметику, а больше ничего не нужно. Учить детей и нанимать учителей нужно только на зиму. На лето учителя пусть ищут себе другую работу. В заключение Толстой назвал свою статью «педагогической исповедью», и указал, что у него нет времени на полемику [66, с. 181, 190, 204].

Статья Толстого вызвала бурную реакцию в периодике, на что и была рассчитана.

Оживленное обсуждение вызвал провокационный пассаж Толстого о немцах и готтентотах. [13, с. 141–142; 22, с. 55–56; 35, с. 180; 63, с. 68, 119–120; 66, с. 157]. В. П. Буренин похвалил Толстого за борьбу с немецким педантизмом [15, с. 1]. У В. Г. Авсеенко, Ф. Медникова и А. Н. Острогорского вызвали удивление нападки Толстого на немецкую педагогику, поскольку немецкая система образования служила образцом для всей Европы. [2, с. 2; 34, с. 18; 45, с. 27–28, 41–42].

Возражения обруганного Толстым педагога Н. Бунакова появились в педагогическом журнале [13].

Письмо Бунакова было сопровождено редакционным примечанием по поводу статьи Толстого, где в числе прочего отмечалось: «Будь эта статья помещена на страницах другого журнала, не будь она подписана именем гр. Л. Толстого, она прошла бы незаметною, на автора ее указывали бы пальцем, как на лицо, рассуждающее о предмете, совершенно ему чуждом, [...] но имя автора, репутация журнала, подкупают читателя, усыпляют в нем критическое отношение к статье, позволяют положиться на слово автора» [13, с. 140].

Бунаков уличает Толстого в недобросовестном цитировании педагогов, в том числе и самого Бунакова [13, с. 142–144].

В качестве примера Бунаков указывает на взятую Толстым из пособия Бунакова цитату из труда швейцарского педагога Песталоцци [66, с. 173] и пишет: «Гр. Толстой выхватывает этот отрывок, поучая при этом меня, что слова Песталоцци относятся к швейцарскому, а не к русскому населению, и подсмеиваясь над моей наивностью, как будто я привожу эти слова не в историческом очерке, а именно применяю их к русскому народу» [13, с. 143].

Эта цитата была воспроизведена писателем и публицистом В. Г. Авсеенко и обозревателем «Недели» [2, с. 2; 53, с. 1526]. Никто, кроме самого Бунакова, не мог заметить осуществленных Толстым передергиваний в тексте.

«Граф Толстой утверждает, что суслик – любимец нового обучения, и смеется, что без суслика новое обучение не может шагу ступить» [13, с. 143–144].

О суслике у Толстого: «Суслик любимое животное новой педагогіи, вѣроятно потому, что этого слова не знает ни один крестьянскій мальчик в срединѣ России» [66, с. 158].

«Очень естественно, что рядом с таким отношением к делу и к чужому труду у гр. Толстого уживается преувеличенное самоуважение, доходящее до последней крайности. Он так и сыплет голыми приговорами, словами – “безобразие”, “бессмыслица” и т. под. Детские сады, по его мнению, одно из безобразнейших изобретений новой педагогии, – почему? – того гр. Толстой не объясняет.» [13, с. 144].

О детских садах – «одно из самых безобразных порожденій новой педагогіи» [66, с. 167].

Педагог Ф. Медников прокомментировал пассаж Толстого о том, что школы можно размещать в курных избах [66, с. 189–190]: «А что же могут дать школы, так излюбленныя графом Толстым, в курных избах, с пьяными солдатами? Ничего, кромѣ плохой грамотности.» [34, с. 24].

С. Бобровская отметила пассаж из статьи Толстого, где он называет школу, использующую звуковой метод, немецкой школой, объединяет эту школу с церковной школой, и объявляет что обе школы основаны на принуждении: «Но если бы выбирать из двух, я бы выбрал все-таки церковную. Недостатки одинаковы, но на сторонѣ церковной школы 1000-лѣтняя привычка и авторитет церкви, имѣющій такую силу в народѣ» [66, с. 175–176].

С. Бобровская уловила фальшь в ссылке Толстого на авторитет церкви: «Что же касается авторитета церкви, то он тут не причем. Наша церковь не отстаивает старых методов и не сопротивляется введению новых» и привела несколько примеров из знакомой автору Курской епархии [11, с. 15].

Бобровская обратила внимание на фрагмент статьи, где Толстой от лица народа рассуждает о ненужности постоянных школ и удивилась, как можно «додуматься до такого курьеза» [11, с. 24; 66, с. 189].

Педагог и автор учебных пособий по математике В. П. Воленс рассмотрел приемы преподавания арифметики в «Азбуке» Толстого. В. П. Воленс пояснил, что его побудила к этому поднятая статьей Толстого полемика: «… мысли, проводимые графом Толстым в педагогической литературе, потому только и обратили на себя внимание публики, что высказаны знаменитым писателем, так как они происхождением своим единственно обязаны творчеству и силе фантазии автора и не подкреплены никакими серьезными доказательствами.» [17, с. 10]. Воленс обратил внимание, что Толстой «считает бесполезным давать ученикам те знания, которые облегчают производство умножения, напр. таблицу умножения.» [17, с. 10]. У Толстого: «Изученіе таблицы умноженія я считаю не только безполезным, […] но даже вредным, потому что знаніе наизусть произведенія затемняет ход вычисленія.» [69, с. 550–551].

В майском номере «Вестника Европы» за 1875 появилась статья Маркова [33]. Марков был знаком со статьями Толстого в «Ясной Поляне» и отметил, что Толстой в статье в «Отечественных Записках» повторяет то, что он писал в «Ясной Поляне» в 1862 г. Толстой стремится быть оригинальным. Марков приводит многочисленные цитаты бездоказательных, противоречивых и провокационных запоминающихся высказываний из статьи Толстого. Марков исходил из того, что Толстым руководили благие намерения [33, с. 293–295, 308, 317].

Как и обещал Некрасов, к обсуждению статьи Толстого подключился Н. К. Михайловский. Михайловский печатал в «Отечественных записках» серию эссе под общим заголовком «Записки профана», где высказывался на разные темы. Михайловский, как и другие современники, не усомнился в декларируемом Толстым двадцатилетнем педагогическом опыте, и противопоставил Толстого и никому неизвестных педагогов, обвинивших Толстого в дилетантизме [22, с. 30; 35, с. 135].

Михайловский использовал статью Маркова [33] и обвинил Маркова в недобросовестном цитировании статьи Толстого. У Маркова имеются мелкие неточности, но смысл высказываний Толстого передан верно [33, с. 311, 345; 36, с. 318; 66, с. 181]. Рассуждения Михайловского о противоречивости высказываний Толстого во многом совпадают с оценками Маркова [35, с. 329]. Михайловский ознакомился с теми статьями из «Ясной Поляны», которые были включены Толстым в вышедший в то время четвертый том собрания сочинений и пришел к выводу, что Толстой поддерживает взгляд на общество, который у социалистов называется классовым антагонизмом [36, с. 127–128; 67, с. 345–346]. Михайловский обратил внимание на сходство воззрений Толстого и известного теоретика социализма Прудона [36, с. 198].

После того, как «Азбука» не получила одобрения Министерства народного просвещения Толстой ее переработал с учетом высказанных замечаний и выпустил «Новую Азбуку» [68, с. 1–100].

Толстой обратился к Каткову с просьбой содействовать одобрению «Новой Азбуки» Ученым комитетом Министерства народного просвещения. Катков хорошо знал председателя Ученого комитета Министерства народного просвещения А. И. Георгиевского. В характерной манере Толстой хвалил «Азбуку» и демонстрировал ложную скромность: «Такой Азбуки не было и нет не только в России, но и нигде! И каждая страничка ее стоила мне и больше труда и имеет больше значения, чем все те писания, за которые меня так незаслуженно хвалят» [72, с. 185]. Катков выполнил просьбу Толстого и писал Толстому, что это дело можно считать улаженным [29, с. 206].

Отзывы на «Новую Азбуку» были положительными. Вспоминая статью Толстого, рецензенты отмечали, что на эту статью обратили внимание из-за фамилии автора, и подчеркивали, что в «Новой Азбуке» Толстой использовал звуковой метод [39; 40; 79, с. 3]. Не обошлось без замечаний. Критику Н. В. Шелгунову не понравилась Красная шапочка: «Гр. Толстой начинает рассказывать сказки, и если бы вы знали, какие это ужасные сказки! Гр. Толстой рассказывает детям сказку о красной шапочке» [81, с. 1185]. Шелгунов писал, что Красная шапочка нравится французским детям, но не нужна русским детям [80, с. 19].

В публицистических статьях Л. Н. Толстого 1860–1870 годов проявилась характерная закономерность. Общей темой публицистики Толстого были вопросы начального народного образования. Одновременно Толстой высказывался по самым разнообразным вопросам. Стремление к оригинальности у Толстого выражалось в том, что он часто формулировал точку зрения, противоречащую общепринятой или наиболее, по его мнению, распространенной. Обращаясь к определенной теме, Толстой объявлял, что изучил предмет и пришел к выводу, что все существующие взгляды на пред-

мет неверны. Далее Толстой предлагал, по его словам, новое, простое и народное решение вопроса. Статьи Толстого содержат многочисленные провокационные взаимоисключающие положения, противоречия и софизмы. Таким способом публицистика Толстого привлекала внимание периодики и вызывала бурное обсуждение в печати. Интерес к печатным выступлениям Толстого возрастал по мере роста его литературной славы. Оценка декларируемых Толстым взглядов была преимущественно критической. Степень критицизма зависела от знакомства авторов с обсуждаемым предметом. Педагогические статьи Толстого 1860–1870 годов дают нам ключ к пониманию публицистики Толстого более позднего периода 1880-х годов.

Список источников и литературы

1. *Авсеенко В. Г.* Очерки текущей литературы // Русский мир. 1872. № 109. С. 1–2.
2. *Авсеенко В. Г.* Очерки текущей литературы // Русский мир. 1874. № 277. С. 1–2.
3. *Азбука графа Л. Н. Толстого* // Неделя. 1872. № 39–40. С. 1160 – 1161.
4. *Азбука графа Л. Н. Толстого* // Вестник Европы. 1873. № 1. С. 450–456.
5. *Азбука графа Л. Н. Толстого* // Гражданин. 1873. № 1. С. 23–24.
6. *Азбука графа Л. Н. Толстого* // Современность. 1873. № 23. С. 1–2.
7. *Ясная Поляна : журнал педагогический, издаваемый гр. Л. Н. Толстым* // Отечественные записки. 1862. № 6. С. 226–236.
8. *Бабаев Э. Г.* Очерки эстетики и творчества Л. Н. Толстого. М.: Изд-во МГУ, 1981. 198 с.
9. *Бабаев Э. Г.* Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Изд-во МГУ, 1993. 285 с.
10. *Библиографический указатель* // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. № 5. С. 1–119.
11. *Бобровская С.* По поводу статьи графа Л. Толстого «О народном образовании» // Народная школа. 1875. № 2. С. 6–24.
12. *Боград В. Э.* Журнал «Современник» 1847–1866 : указатель содержания. М. ; Л. : ГИХЛ, 1959. 826 с.
13. *Бунаков Н. Ф.* Письмо к редактору по поводу статьи гр. Л. Толстого // Семья и школа. 1874. № 10. С. 139–146.
14. *Буняковский В. Я.* Письмо об арифметическом отделе «Азбуки» Л. Н. Толстого // Историко-математические исследования. Вып. 12. М.: Физматлит, 1959. С. 505–511.
15. *Буренин В. П.* Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1874. № 274. С. 1–2.
16. *Ведомость о состоянии приходских школ Тульской епархии к 1 января 1862 года* // Тульские епархиальные ведомости. 1862. № 9. С. 275–285.
17. *Воленс В. П.* Арифметика графа Толстого // Народная школа. 1875. № 3. С. 9–21.
18. *Воспитание и образование* // Книжный вестник. 1862. № 21. С. 435.
19. *Глебов И.* Новый взгляд на народное образование // Воспитание. 1862. № 4. С. 141–159.
20. *Григорьев А. А.* Отживающие в литературе явления // Эпоха. 1864. № 7. С. 1–26.
21. *Наши общественные дела : публицистика* // Отечественные записки. 1874. № 3. С. 162–185.
22. *Евтушевский В. А.* Ответ на статью графа Л. Толстого «О народном образовании». СПб. : Тип. В. Безобразова, 1874. 63 с.
23. *Иванов А.* К истории приходских школ в Тульской епархии // Прибавление к Тульским епархиальным ведомостям. 1862. № 16. С. 218–224.
24. *Из Москвы, о жизни и литературе : редакционная подборка* // Санкт-Петербургские ведомости. 1862. № 141. С. 619–620; № 144. С. 632–633.
25. *Кабашева О. В.* «Азбука» и «Новая азбука» Л. Н. Толстого в исследованиях отечественных авторов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 1 (22). С. 112–117.
26. *К. Л.* Азбука графа Л. Н. Толстого // Детский сад. 1873. № 1. С. 49–52.
27. *Крыжановский Е. М.* Новые начала для народной педагогии // Воскресное чтение. 1863. № 25. С. 608–616; № 27. С. 656–664; № 28. С. 675–687; № 29. С. 698–710; № 30. С. 718–733.

28. *Литературное наследство* : непериодическое научное издание. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 35–36. 567 с.
29. *Литературное наследство* : непериодическое научное издание. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 37–38. 775 с.
30. *Литературное обозрение* // Всемирная иллюстрация. 1872. № 181. С. 402–403.
31. *Марков Е. Л.* Теория и практика Яснополянской школы. Педагогические замѣтки тульскаго учителя // Русский вестник. 1862. № 5. С. 149–189.
32. *Марков Е. Л.* Народные типы в нашей литературе // Отечественные записки. 1865. № 1. С. 334–367.
33. *Марков Е. Л.* Последние могикане русской педагогии // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 291–360.
34. *Медников Ф.* «О народном образовании» гр. Л. Н. Толстого // Народная школа. 1875. № 1. С. 7–32.
35. *Михайловский Н. К.* Записки профана // Отечественные записки. 1875. № 1. С. 135–182; № 6. С. 300–334.
36. *Михайловский Н. К.* Десница и шуйца Льва Толстого // Отечественные записки. 1875. № 5. С. 106–137; № 7. С. 164–203.
37. *Михайловский Н. К.* Литература и жизнь // Русская мысль. 1892. № 2. С. 139–167.
38. *Модзалевский Л. Н.* Баденские школы // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. № 5. С. 77–95.
39. *Московские заметки* // Голос. 1875. № 173. С. 1–2.
40. *Мумрикова Л. И.* «Азбуки» Л. Н. Толстого // Вестник Православного Свято-Тихновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2007. № 1. С. 149–160.
41. *Мумрикова Л. И.* Духовно-нравственное воспитание в учебниках по обучению грамоте Л. Н. Толстого // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 2. С. 405–416.
42. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. СПб.: Наука, 2000. Т. 15, кн. 2. 640 с.
43. *Новая азбука графа Л. Н. Толстого* // Московские епархиальные ведомости. 1875. № 34. С. 297–299.
44. *Новые книги* // Современник. 1862. № 3. Отдел 2. С. 115–138.
45. *Острогорский А. Н.* Немецкая педагогия на русской почве // Педагогический листок. 1875. № 1. С. 25–44.
46. *Панов Г.* Заметки и выписки из журналов к вопросу о народном образовании // Прибавление к Тульским епархиальным ведомостям. 1862. № 10. С. 551–566.
47. *Панов Г.* Заметки и выписки из газет и журналов // Прибавление к Тульским епархиальным ведомостям. 1862. № 16. С. 209–217.
48. *Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым* // Современный мир. 1913. № 2. С. 33–64.
49. *Петербургская хроника* // Голос. 1872. № 242. С. 2–3.
50. *Петровицкая И. В.* Лев Толстой – публицист и общественный деятель. М.: Икар, 2013. 640 с.
51. *Письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому* // Русский вестник. 1901. № 1. С. 127–142.
52. *Полевой П. Н. Азбука графа Л. Н. Толстого* // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 330. С. 1–2.
53. *Проект школы гр. Л. Н. Толстого* // Неделя. 1874. № 42. С. 1525–1536.
54. *Протоколы заседаний Московского комитета грамотности* // Московские епархиальные ведомости. 1874. № 10. С. 121 –130; № 35. С. 375–377; № 38. Прил. С. 1–4.
55. *Протопопов С.* «Ясная Поляна» за март 1862 года // Воспитание. 1862. № 8. С. 69–79.
56. *Протопопов С.* По прочтении 4-й, 5-й и 6-й книжек журнала «Ясная Поляна» // Воспитание. 1863. № 1. С. 1–16.
57. *Пыпин А. Н.* Наши толки о народном воспитании // Современник. 1863. № 1. Отдел 2. С. 17–46.
58. *Резенер Ф.* «Азбука» графа Толстого // Народная школа. 1873. № 6. С. 59– 64.
59. *Скабичевский А. М.* Л. Толстой как художник и мыслитель // Отечественные записки. 1872. № 9. С. 1–48.

60. *Сокальский П. П.* Наши главные спорные пункты // Время. 1863. № 4. С. 221–262.
61. *Старцева Н. М.* Буквослагательный, слоговой и звуковой аналитический методы обучения чтению и письму в российских азбуках и букварях XIX века // Историко-педагогический журнал. 2017. № 3. С. 109–119.
62. *Страхов Н. Н.* Новая школа // Время. 1863. № 1. С.150–168.
63. *Тихомиров Д. И.* Граф Л. Н. Толстой «О народном образовании» // Семья и школа. 1875. № 2. С. 67–140.
64. *Толстой Л. Н.* Письмо к издателям // Московские ведомости. 1873. № 140. С. 3.
65. *Толстой Л. Н.* Письмо в редакцию // Голос. 1873. № 233. С. 2.
66. *Толстой Л. Н.* О народном образовании // Отечественные записки. 1874. № 9. С. 147–204.
67. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 8. М.: ГИХЛ, 1936. 665 с.
68. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 21. М.: ГИХЛ, 1957. 694 с.
69. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 22. М.: ГИХЛ, 1957. 789 с.
70. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 60. М.: ГИХЛ, 1949. 558 с.
71. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 61. М.: ГИХЛ, 1953. 421 с.
72. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 62. М.: ГИХЛ, 1953. 573 с.
73. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 83. М.: ГИХЛ, 1938. 635 с.
74. *Л. Н. Толстой как педагог* : сб. ст. Вып. 2 / Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого ; отв. ред. И. Т. Арискин. Тула: [б. и.] (тип. изд-ва газ. «Коммунар»), 1969. 159 с. URL: https://tsput.ru/fb/Tolstov_sb/Лев%20Толстой%20как%20педагог/1969/index.html.
75. *Усов П. С.* Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1884. № 3. С. 575–593.
76. *Успенский Д.* Архивные материалы для биографии Л. Н. Толстого // Русская мысль. 1903. № 9. С. 76–106.
77. *Ушинский, К. Д.* Педагогическая поездка по Швейцарии // Журнал Министерства Народного Просвещения. Декабрь 1862. Отдел I, С. 251–286; Август 1863. Отдел III, С. 41–60.
78. Э – г – м – т. *Педагогические парадоксы* / под ред. А. А. Чумикова // Воспитание. 1862. № 12. С. 169 –177.
79. *Шарловский Д.* Об обучении грамоте // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. № 11. С. 25–42.
80. *Шелгунов Н. В.* Вперед или назад? // Дело. 1875. № 9. С. 1–43.
81. *Шелгунов Н. В.* Заметки провинциального философа // Неделя. 1875. № 36. С. 1180–1186.
82. *Охочекомонный К.* [Щеглов Д. Ф.] Ясная Поляна // Библиотека для чтения. 1862. № 3. С. 57–82.
83. *Ясная Поляна* // Основа. Южно-русский литературно-научный вестник. 1861. № 8. С. 122–124.
84. *N.* Гр. Толстой о грамотности // Русские ведомости. 1874. № 31. С. 3.

References

1. Avseenko, VG 1872, Ocherki tekuschei literatury, *Russkii Mir*, no. 109, pp. 1–2. (in Russ.)
2. Avseenko, VG 1874, Ocherki tekuschei literatury, *Russkii Mir*, no. 277, pp. 1–2. (in Russ.)
3. 'Azbuka grafa L.N. Tolstogo', 1872, *Nedelia*, no. 39-40, pp. 1160–1161 (in Russ.)
4. 'Azbuka grafa L.N. Tolstogo', 1873, *Vestnik Evropy*, no 1, pp. 450–456 (in Russ.)
5. 'Azbuka grafa L.N. Tolstogo', 1873, *Grazhdanin*, no. 1, pp. 23–24 (in Russ.)
6. 'Azbuka grafa L.N. Tolstogo', 1873, *Sovriemennost*, no. 23, pp. 1–2. (in Russ.)
7. 'Yasnaia Poliana. Shkola. Zhurnal pedagogicheskii', 1862, *Otechestvennye Zapiski*, no. 6, pp. 226–236. (in Russ.)
8. Babaev, EG 1981, 'Ocherki estetiki i tvorchestva L.N. Tolstogo', Izdatelstvo MGU publ, Moscow. (in Russ.)
9. Babaev, EG 1993, 'Lev Tolstoy i russkaia zhurnalistika ego epokhi', Izdatelstvo MGU, Moscow. (in Russ.)
10. 'Bibliograficheskii ukazatel', 1863, *Zhurnal Ministerstva narodnogo Prosvescheniia*, no. 5. pp. 1–119. (in Russ.)

11. Bobrovskaya, S 1875, 'Po povodu statyi grafa L. Tolstogo o narodnom obrazovanii', *Narodnaia shkola*, no. 2, pp. 6–24. (in Russ.)
12. Bograd, VE 1959, 'Zhurnal «Sovriemennik» 1847–1866. Ukazatel soderzhaniia', Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury publ, Moscow. (in Russ.)
13. Bunakov, NF 1874, 'Pismo redaktoru po povodu statyi grafa Tolstogo', *Semia i Shkola*, no. 10, pp. 139–146. (in Russ.)
14. Bunyakovskiy, VYa 1959, 'Pismo ob arifmeticheskom otdele Azbuki L.N. Tolstogo', *Istoriko-matematicheskie issledovania*, Gosudarstvennoe izdatelstvo fiziko-matematicheskoi literatury publ, Moscow, no. 12. pp. 505–511. (in Russ.)
15. Burenin, VP 1874, 'Zhurnalistika', *Sankt-Peterburgskie Viedomosti*, no. 274, no. 1–2. (in Russ.)
16. 'Vedomost o sostoianii prikhodskikh shkol Tulskoi eparkhii k 1 ianvaria 1862 goda', 1862, *Tulskie eparkhialnye viedomosti*, no. 9, pp. 275–285. (in Russ.)
17. Volens, VP 1875, 'Arifmetika grafa Tolstogo', *Narodnaia shkola*, no. 3, pp. 9–21. (in Russ.)
18. 'Vospitanie i obrazovanie', 1862, *Knizhnyi Vestnik*, no. 21, pp. 435. (in Russ.)
19. Glebov, I 1862, 'Novyi vzgliad na narodnoe obrazovanie', *Vospitanie*, no. 4, pp. 141–159. (in Russ.)
20. Grigoryev, AA 1864, 'Otzhivayuschiey v literature yavleniya', *Epokha*, no. 7. pp. 1–26. (in Russ.)
21. 'Nashi obschestvennye dela', 1874, *Otechestvennye Zapiski*, no. 3, pp. 162–185. (in Russ.)
22. Evtushevsky, VA 1874, 'Otvet na statiu grafa Tolstogo „O narodnom obrazovanii"', St. Petersburg. (in Russ.)
23. Ivanov, A 1862, 'K istorii prikhodskikh shkol Tulskoi eparkhii', *Pribavlenie k Tulskim eparkhialnym viedomostiam*, no. 16, pp. 218–224. (in Russ.)
24. 'Iz Moskvy o zhizni i literature', 1862, *Sankt-Peterburgskie Viedomosti*, no. 141, pp. 619–620; no. 144, pp. 632–633. (in Russ.)
25. Kabasheva, OV 2015, '«Azbuka» i «Novaia azbuka» L. N. Tolstogo v issledovaniakh otechestvennykh avtorov', *Otechestvennaia I zarubezhnaia pedagogika*, no. 1, pp. 112–117. (in Russ.)
26. KL 1873, 'Azbuka grafa L. N. Tolstogo', *Detskii Sad*, no. 1, pp. 49–52. (in Russ.)
27. Kryzhanovskiy, EM 1863, 'Novye nachala dlia narodnoi pedagogii', *Voskresnoe chtenie*, no. 25, pp. 608–616; no 27, pp. 656–664; no. 28, pp. 675–687; no. 29, pp. 698–710; no 30, pp. 718–733. (in Russ.)
28. 'Literaturnoe nasledstvo' 1939, Izdatelstvo AN SSSR publ, Moscow, vol. 35–36, 567 p. (in Russ.)
29. 'Literaturnoe nasledstvo' 1939, Izdatelstvo AN SSSR publ, Moscow, vol. 37–38. 775 p. (in Russ.)
30. 'Literaturnoe obozrenie' 1872, *Vsemirnaia Illustratsia*, no. 181, pp. 402–403. (in Russ.)
31. Markov, EL 1862, 'Teoria i praktika Yasnopolianskoi shkoly'. *Russkii Vestnik*, no 5, pp. 149–189. (in Russ.)
32. Markov, EL 1865, 'Narodnye tipy v nashey literature', *Otechestvennye Zapiski*, no. 1, pp. 334–367. (in Russ.)
33. Markov, EL 1875, 'Posledniye mogikane russkoy pedagogii', *Vestnik Evropy*, no. 5, pp. 291–360. (in Russ.)
34. Mednikov, F 1875, 'O narodnom obrazovanii L.N. Tolstogo', *Narodnaya shkola*, no. 1, pp. 7–32. (in Russ.)
35. Mikhaylovskiy, NK 1875, 'Zapiski profana', *Otechestvennye Zapiski*, no. 1, pp. 135–182; no. 6, pp. 300–334. (in Russ.)
36. Mikhaylovskiy, NK 1875, 'Desnitsa i shuitsa Lva Tolstogo', *Otechestvennye Zapiski*, no. 5, pp. 106–137; no. 7, pp. 164–203. (in Russ.)
37. Mikhaylovskiy, NK 1892, 'Literatura i zhizn', *Russkaya mysl*, no. 2, pp. 139–167. (in Russ.)
38. Modzalevsky, LN 1863, 'Badenskiye shkoly', *Zhurnal Ministerstva narodnogo Prosvescheniya*, no. 5, section III, pp. 77–95. (in Russ.)
39. 'Moskovskiye zametki', 1875, *Golos*, no. 173, pp. 1–2. (in Russ.)
40. Mumrikova, LI 2007, '«Azbuki» L.N. Tolstogo', *Vestnik Pravoslavnogo Svieto-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta*. IV: *Pedagogika. Psykhologia*, no. 1, pp. 149–160. (in Russ.)

41. Mumrikova, LI 2011, 'Dukhovno-nravstvennoye vospitaniye v uchebnikakh po obucheniyu gramote L.N. Tolstogo', *Isvestia Tulskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 405–416. (in Russ.)
42. Nekrasov, NA 2000, 'Polnoye sobraniye sochineniy i pisem', Nauka publ, St. Petersburg, vol. 15(2). 640 p. (in Russ.)
43. 'Novaya azbuka grafa L.N. Tolstogo', 1875, *Moskovskie eparkhialnye vedomosti*, no. 34, pp. 297–299(in Russ.)
44. 'Novye knigi', 1862, *Sovremennik*, no. 3, pp. 115–138. (in Russ.)
45. Ostrogorsky, AN 1875, 'Nemetskaya pedagogia na russkoy pochve', *Pedagogicheskiy listok*, no. 1, pp. 25–44. (in Russ.)
46. Panov, G 1862, 'Zametki i vypiski iz zhurnalov k voprosu o narodnom obrazovanii', *Pribavleniye k Tulskim eparkhialnym vedomostiam*, no. 10, pp. 551–566. (in Russ.)
47. Panov, G 1862, 'Zametki i vypiski iz gazet i zhurnalov', *Pribavleniye k Tulskim eparkhialnym vedomostiam*, no. 16, pp. 209–217. (in Russ.)
48. 'Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym', 1913, *Sovremennyi Mir*, no. 2, pp. 33–64. (in Russ.)
49. 'Peterburgskaya khronika', 1872, *Golos*, no. 242, pp. 2–3. (in Russ.)
50. Petrovitskaya, IV 2013, 'Leo Tolstoy – publitsist i obschestvennyy deyatel', Ikar publ, Moskow. (in Russ.)
51. 'Pisma N.N. Strakhova k N.Ya. Danilevskomu', 1901, *Russkii vestnik.*, no. 1, pp. 127–142. (in Russ.)
52. Polevoy, PN 1872, 'Azbuka grafa Tolstogo', *Sankt-Peterburgskie Viedomosti*, no. 330, pp. 1–2. (in Russ.)
53. 'Proyekt shkoly L.N. Tolstogo', 1874, *Nedelia*, no. 42, pp. 1525–1536. (in Russ.)
54. 'Protokoly zasedanii Moskovskogo Komiteta Gramotnosti', 1874, *Moskovskiye eparkhialnye vedomosti*, no. 10, pp. 121–130; no. 35, pp. 375–377; no. 38, Prilozheniye, pp. 1–4. (in Russ.)
55. Protopopov, S 1862, '«Yasnaia Poliana» za mart 1862', *Vospitanie*, no. 8, pp. 69–79. (in Russ.)
56. Protopopov, S 1863, 'Po prochtenii knizhek zhurnala «Yasnaia Poliana»', *Vospitanie*, no. 1, pp. 1–16. (in Russ.)
57. Pypin, AN 1863, 'Nashi tolki o narodnom vospitanii', *Sovremennik*, no. 1, pp. 17–46. (in Russ.)
58. Rezener, F 1873, 'Azbuka grafa Tolstogo', *Narodnaia shkola*, no. 6, pp. 59–64. (in Russ.)
59. Skabichevski, AM 1872, 'Tolstoy kak hudozhnik i myslitel', *Otechestvennye Zapiski*, no. 9, pp. 1–48. (in Russ.)
60. Sokalsky, PP 1863, 'Nashi glavnye spornye punkty', *Vremia*, no. 4, pp. 221–262. (in Russ.)
61. Startseva, NM 2017, 'Bukvoslagatelnyi, slogovoi i zvukovoi analiticheskie metody obuchenia chteniu i pismu v rossiiskikh azbukakhi bukvariakh XIX veka', *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 109–119. (in Russ.)
62. Strakhov, NN 1863, 'Novaya shkola', *Vremia*, no. 1, pp.150–168. (in Russ.)
63. Tikhomirov, DI 1875, 'Graf Tolstoy O narodnom obrazovanii', *Semiya i Shkola*, no. 2, pp. 67–140. (in Russ.)
64. Tolstoy, LN 1873, 'Pismo k izdateliam', *Moskovskiye vedomosti*, no. 140, pp. 3 (in Russ.)
65. Tolstoy, LN 1873, '[Pismo v redaktsiu]', *Golos*, no. 233, pp. 2. (in Russ.)
66. Tolstoy, LN 1874, 'O narodnom obrazovanii', *Otechestvennye Zapiski*, no. 9, pp. 147–204. (in Russ.)
67. Tolstoy, LN 1936, 'Polnoe sobranie sochinenii', vol. 8, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury publ, Moscow. (in Russ.)
68. Tolstoy, LN 1957, 'Polnoe sobranie sochinenii', vol. 21, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury publ, Moscow. (in Russ.)
69. Tolstoy, LN 1957, 'Polnoe sobranie sochinenii', vol. 22, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury publ, Moscow. (in Russ.)
70. Tolstoy, LN 1949, 'Polnoe sobranie sochinenii', vol. 60, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury publ, Moscow. (in Russ.)
71. Tolstoy, LN 1953, 'Polnoe sobranie sochinenii', vol. 61, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury publ, Moscow. (in Russ.)
72. Tolstoy, LN 1953, 'Polnoe sobranie sochinenii', vol. 62, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury publ, Moscow. (in Russ.)

73. Tolstoy, LN 1938, 'Polnoe sobranie sochinenii', vol. 83, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury publ, Moscow. (in Russ.)
74. 'Tolstoy kak pedagog', 1969, Tulskii Gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni Tolstogo. Izdatelstvo «Kommunar» publ, Tula. (in Russ.)
75. Usov, PS 1884, 'Iz moikh volpominanii', *Istoricheskii viestni,* no. 3, pp. 575–593. (in Russ.)
76. Uspenskiy, D 1903, 'Arkhivnye materialy dlia biografii L.N. Tolstogo', *Russkaya mysl*, no. 9, pp. 76–106. (in Russ.)
77. Ushinski KD 1862, 'Pedagogicheskaia poezdka po Shveitsarii. Zhurnal Ministerstva narodnogo Prosvescheniia'. Dekabr, Otdel I, p. 251–286; Avgust, Otdel III, p. 41–60.
78. Chumikov, AA 1862, 'Pedagogicheskiye paradoksy', *Vospitaniye*, no. 12, pp. 169–177. (in Russ.)
79. Sharkovsky, D 1862, 'Ob obuchenii gramote', *Zhurnal Ministerstva narodnogo Prosvescheniya*, no. 11, section III, pp. 25–42. (in Russ.)
80. Shelgunov, NV 1875, 'Vpered ili nazad?', *Delo*, no. 9, pp. 1–43. (in Russ.)
81. Shelgunov, NV 1875, 'Zametki provintsialnogo filosofa', *Nedelia*, no. 36, pp. 1180–1186. (in Russ.)
82. Scheglov, DF 1862, 'Yasnaia Poliana', *Biblioteka dlya chteniya*, no. 3, pp. 57–82. (in Russ.)
83. 'Yasnaia Poliana', 1861, *Osnova*, no. 8, pp. 122–124. (in Russ.)
84. N 1874, 'Gr. Tolstoy o gramotnosti', *Russkiye Vedomosti*, no. 31, pp. 3. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.12.2021
Одобрена после рецензирования: 15.12.2021
Принята к публикации: 17.12.2021

The article was submitted: 03.12.2021
Approved after reviewing: 15.12.2021
Accepted for publication: 17.12.2021

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 36–46.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2021. Issue 4 (8). P. 36–46.

Научная статья
УДК 94(47).084
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-36-46

«И РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛУЧИЛИСЬ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ. ПРЕЖНИЕ «ОТПЕТЫЕ» МАЛЬЧИКИ… ИЗМЕНИЛИСЬ ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ»: ИЗ ОПЫТА ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920 – 1934 ГГ.)

Елена Ивановна Белянкова

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, helena-2106@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-9514-9742

Аннотация. Статья посвящена теме детской преступности в Советской России периода 1920- х – начала 1930-х гг. Автор исследует практику создания воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников. Приводятся статистические данные о росте числа беспризорников и преступников среди детей и подростков в то время, которые свидетельствуют об актуальности этой проблемы. В статье обращается внимание на то, что в основе системы воспитания в детских домах и трудовых колониях, созданных для несовершеннолетних правонарушителей, лежали идеи коллективизма и самоуправления. Огромная роль в деле профилактики преступности среди подрастающего поколения отводилась труду и строгой дисциплине. Воспитательно-исправительные учреждения, которые организовывались для данной категории детей, столкнулись со многими трудностями: недостаточность финансирования; одновременное пребывание в детских домах, как несовершеннолетних правонарушителей, так и детей с психическими отклонениями в развитии и умственной отсталостью; нехватка квалифицированного персонала и добросовестных руководителей. В статье приводится информация о работе некоторых учреждений, в частности Пермской трудовой колонии, Араповском детском приюте Тамбовского уезда, Ульяновской трудовой школе-коммуне при селе Максимовка. В начале 1930-х гг. произошла реорганизация воспитательно-исправительных заведений, которая привела к укрупнению детских домов и трудовых колоний, улучшению оборудования мастерских, повышению материального благосостояния воспитателей и преподавателей с целью привлечения более квалифицированных и заинтересованных в результатах своего труда кадров, организации шефства общественности и профессионального сообщества, привлечению рабочих фабрик и заводов для профессиональной подготовки детей.

Ключевые слова: Советская Россия, 20 – 30-е годы XX века, несовершеннолетние правонарушители, профилактика преступности несовершеннолетних, воспитательно-исправительные учреждения, трудовые колонии, детские дома, моральная дефективность, трудовое воспитание.

Для цитирования: Белянкова Е. И. «И результаты получились поразительные. прежние «отпетые» мальчики… изменились до неузнаваемости»: из опыта профилактики преступности несовершеннолетних в Советской России (1920–1934 гг.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 36–46. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-36-46

Сведения об авторе: *Е. И. Белянкова* – доцент, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Белянкова Е. И., 2021

Scientific Article
UDC 94(47).084
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-36-46

"AND THE RESULTS ARE AMAZING. FORMER "INVETERATE" BOYS… HAVE CHANGED BEYOND RECOGNITION ": FROM THE EXPERIENCE OF PREVENTING JUVENILE DELINQUENCY IN SOVIET RUSSIA (1920 – 1934)

Elena I. Belyankova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, helena-2106@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-9514-9742

Abstract. The article looks into the topic of child delinquency in Soviet Russia during the period of 1920s – 1930s. The author examines the practice of creating educational and correctional institutions for juvenile criminals. The work sites statistical data on the increase in the number of street children and delinquents among children and adolescents at that time, which indicates the urgency of this problem. The article draws attention to the fact that the system of education in orphanages and labor colonies created for juvenile offenders was based on the ideas of collectivism and self-government. Work and strict discipline were thought to play a huge role in the prevention of child delinquency. The educational and correctional institutions that were organized for this category of children faced many difficulties: insufficient funding; simultaneous stay in orphanages both juvenile delinquents and children with mental developmental disabilities and mental retardation, lack of qualified personnel and conscientious managers. The article provides information about the work of some institutions, in particular the Perm Labor Colony, the Arapov orphanage of the Tambov County, and the Ulyanovsk Labor School-Commune in the village of Maksimovka. At the beginning of the 1930s there was a reorganization of correctional educational institutions aimed at enlarging orphanages and labour colonies, improving the equipment of workshops, increasing the material well-being of teachers and educators in order to attract more qualified and interested in the results of their work staff, organizing patronage of the public and professional community, bringing factories and plants workers to train children.

Keywords: Soviet Russia, 20–30 years of the twentieth century, juvenile delinquents, juvenile delinquency prevention, educational and correctional institutions, labor colonies, orphanages, moral defectiveness, labor education.

For citation: Belyankova, EI 2021, "And the results are amazing. Former "inveterate" boys… have changed beyond recognition": from the experience of preventing juvenile delinquency in Soviet Russia (1920–1934)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (8), pp. 36–46, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-36-46 (in Russ.)

Information about the Author: *Elena I. Belyankova* – Associate Professor, PhD in Pedagogy, Head of the Chair of Legal Disciplines, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia.

© Belyankova E. I., 2021

Проблема профилактики преступности несовершеннолетних являлась актуальной в разные исторические эпохи и относилась к приоритетным задачам государства как в период экономических кризисов, политических потрясений, так и в ситуации благополучного развития страны. Острота проблемы и подходы к ее решению зависят от многих факторов. Немаловажную роль здесь играет форма государства, идеологическое состояние общества, уровень жизни населения и развитие науки, в том числе социально-гуманитарной.

После 1917 г. в Советской России проблема роста детской преступности была особенно актуальной. Так, максимальный количественный рост преступности среди несовершеннолетних приходился на 1921–1922 гг. Только зарегистрированных правонарушителей, прошедших через комиссии по делам несовершеннолетних, насчитывалось за 1921 г. – 54906, за 1922 г. – 53374. Но далеко не все правонарушения регистрировались и, тем более, раскрывались. По данным местных отделов народного образования, в эти годы из каждых 100 беспризорных детей 81 совершал какое-либо правонарушение. Подавляющую часть преступлений составляли кражи (до 91 %), но кроме них детьми совершались и более серьезные проступки – разбои, изнасилования, убийства [11, с. 897–900].

В статье автор рассматривает актуальные для 1920-х – начала 1930-х гг. вопросы: каким образом государство пыталось прекратить это «стихийное бедствие»; как организовывало эффективную воспитательную работу по профилактике преступности несовершеннолетних; с какими трудностями столкнулись воспитательно-исправительные учреждения, создаваемые для данной категории детей?

Ситуация, сложившаяся с преступностью несовершеннолетних, активно обсуждалась на различных уровнях, как государственными чиновниками, так и научным сообществом. Так, в 1920 г. этот вопрос был рассмотрен на I Всероссийском съезде деятелей по борьбе с детской дефективностью. Несовершеннолетние правонарушители, согласно терминологии того времени, относились именно к этой категории детей. В результате обсуждения было принято предложение П. Г. Бельского о создании следующих типов учреждений [9, с. 69]:

1) для морально-дефективных малолетних как чисто социального, так и смешанного происхождения (предрасположенных к правонарушениям по своей психической конституции, и потому особенно легко реагирующих на неблагоприятные социальные условия) – приюты (детские дома) и колонии;

2) для нервно- и душевнобольных несовершеннолетних – лечебно-воспитательные заведения;

3) для особенно трудных в воспитательном отношении в случае безуспешности всех ранее применявшихся мер перевоспитания – изоляционно-воспитательные дома [13, с. 281].

Следует отметить, что одним из дискуссионных вопросов того времени был вопрос о том, кто в первую очередь должен заниматься профилактической работой с несовершеннолетними правонарушителями: педагоги, медики или правоохранительные органы. В результате было принято решение о том, что работу с морально-дефективными детьми до 18 лет следует сделать подведомственной Народному комиссариату просвещения и направить усилия на отмену использования тюремного заключения в отношении несовершеннолетних [9, с. 47].

Важно отметить, что термин «морально-дефективный» просуществовал недолго. От него отказались примерно через четыре года после того, как ввели. Большой вклад в уточнение используемой тогда терминологии был сделан Вторым Всероссийским съездом социально-правовой охраны несовершеннолетних, который состоялся в ноябре 1924 года [8]. В то время наблюдался угрожающий рост беспризорности и преступности среди детей, которая перешла в разряд социального бедствия. Юристы,

психологи, педагоги (С. С. Тизанов, Е. С. Лившиц, О. Л. Бем, М. В. Крупенина, С. С. Моложавый, А. Е. Залкинд и др.) в ходе обсуждения этой проблемы пришли к выводу, что несовершеннолетнего правонарушителя, беспризорника нельзя рассматривать как «морально-дефективного» неполноценного ребенка. Среди участников съезда стало преобладающим мнение о том, что причинами роста преступности является жизненная, социально-экономическая ситуация, в которой они оказались, а не психические особенности или черты характера детей, поэтому им надо помочь выжить в сложных обстоятельствах, адаптироваться к условиям существования, а не относиться к ним, как к дефективным детям. Важнейшим итогом работы съезда является отказ от теории «моральной дефективности», поэтому воспитательно-исправительные учреждения для этой категории стали частью системы учреждений для нормальных детей.

Если говорить о практической реализации мероприятий в области профилактики преступности несовершеннолетних, важно отметить, что для этого первоначально необходимо было разработать соответствующую нормативно-правовую базу. Поэтому органами власти были приняты «Общие руководящие указания» и специальные инструкции по созданию воспитательно-исправительных заведений для данной категории детей. Важно отметить, что во всех указанных документах прослеживалась мысль о том, что эти учреждения, должны быть ориентированы на перевоспитание правонарушителей, они должны выполнять не карательную функцию, подобно тюрьмам, а оказывать морально-психологическую поддержку, помогать в адаптации к нормальной жизни, сформировать определенные трудовые навыки. Воспитатели должны помнить, что они работают не с преступниками, а с детьми, которые попали в сложную жизненную ситуацию. Для реализации этих функций в детских домах, приютах, трудовых колониях должны быть организованы психологическая лаборатория, мастерские, учебные кабинеты и библиотека.

В работе с такими детьми необходимо опираться на то, что подросткам нужно предоставить максимальную возможность участвовать в организации жизни в воспитательно-исправительном учреждении, используя механизмы самоуправления и идеи коллективизма. Такой подход был связан с тем, что «уличная беспризорность формирует у детей способность к объединению и умение жить организованно в группах» [2, с. 15]. В случае, если эту «энергию» удастся направить в правильное русло, можно добиться успехов в реализации профилактической работы. Акцент на трудовом воспитании должен был помочь подросткам увидеть значимость своей деятельности и быстрее избавиться от «моральной дефективности».

Одним из методов воспитательного воздействия на несовершеннолетних являлся строгий режим дня, который способствовал формированию дисциплины и установлению порядка. В различных заведениях устанавливались свои собственные правила, которые учитывали особенности детей, находящихся в них, возможности материально-технической базы, специфику персонала, работающего с несовершеннолетними правонарушителями. В распорядке дня отводилось время учебным занятиям, обучению ремеслу, занятиям по интересам и развлечениям.

Например, рабочий день в Пермской трудовой колонии был распределен таким образом: подъем в 8. 00; одевание, умывание, приборка до 8.30; с 8.30 до 9.00 – чай, с 9.00 до 12.30 – школьные занятия, с 12.30 до 13.00 – приготовление к обеду, с 13.00 до 14.30 – обед и отдых, с 14.30 до 18.00 – работа в мастерских для старших ребят, для младших воспитанников мелкая работа по хозяйству до 16.30 и свободный отдых. С 18.00 до 18.30 – чай, 18.30 – 20.30 – клубная работа, в 20.30 – 21.00 – ужин и приготовление ко сну и с 22.00 – сон для младших и с 23.00 – сон для старших. В воскресение и праздничные дни – полный отдых и занятия в соответствии с личными интересами [2, с. 24].

Таким образом, идеи трудового воспитания, коллективных начал и самоуправления, жесткий распорядок дня были положены в основу работы воспитательно-исправительных учреждений. Однако нельзя сказать, что этот подход срабатывал в 100 % случаев. В частности, есть свидетельства о том, что в некоторых регионах хоть и были созданы приюты, куда помещались несовершеннолетние правонарушители, однако их воспитанием и обучением никто не занимался. Дети занимались бродяжничеством и просили милостыню. Так было, например, в Араповском детском приюте Тамбовского уезда, в учреждениях, находившихся в Велибеевском уезде Уфимской губернии, Усманском уезде Тамбовской губернии и др. [3].

Известны случаи, когда появление воспитательно-исправительного учреждения для данной категории детей в отдельных городах способствовала не сокращению детской преступности, а ее росту. «Помещающиеся в доме Жохова на одном дворе с заводом малолетние преступники занимаются расхищением заводского имущества и разрушают принадлежащие заводу сооружения». Ввиду этого, «колония преступников является крайне нежелательным и опасным явлением для целостности единственного меднолитейного завода в Иваново-Вознесенске». Местные жители, также страдали от «налетов колонистов» этого детского дома, выражавшихся в постоянной ругани в адрес проходящих граждан, нанесении оскорблений действием, совершении краж [5].

В итоге, вслед за современниками [2, с. 16–17] можно выделить следующие трудности, с которыми пришлось столкнуться воспитательно-исправительным учреждениям для несовершеннолетних правонарушителей:

Во-первых, это нехватка финансирования. Всех помещаемых в них детей, нужно было одеть, обуть, накормить, то есть удовлетворить хотя бы элементарные их потребности. Особенно часто эта проблема недостаточного финансирования возникала в тех учреждения, где по каким-либо причинам невозможно было создать условия для трудового обучения, так как мастерские, созданные при приютах, могли приносить самостоятельный доход, который расходовался, в том числе, и на содержание воспитанников. Если такие мастерские невозможно было создать, то дополнительного дохода у заведения не было.

Во-вторых, создание детских домов для различных категорий детей (сирот, беспризорников, правонарушителей, душевнобольных, умственно-отсталых) – дело очень трудозатратное и, опять же, дорогостоящее. Учитывая растущую отрицательную динамику в этом вопросе, зачастую сначала создавались заведения для беспризорников и правонарушителей, а потом, вследствие нехватки мест в детских домах различных типов, в них помещались и другие категории детей. В результате построить эффективную профилактическую работу с малолетними преступниками было проблематично.

В-третьих, еще одной проблемой была нехватка квалифицированных кадров. Важно было не только найти работников, готовых работать с несовершеннолетними правонарушителями, которые были бы заинтересованы в результатах своей работы, но и сохранить персонал, который хоть и хотел помочь таким детям, однако условия труда и низкая заработная плата заставляли их искать другое место работы [6].

В-четвертых, чтобы заведение эффективно и качественно выполняло поставленные перед ним задачи, необходим грамотный руководитель. Однако найти таких было крайне сложно. Так, в докладной записке НК РКИ РСФСР, подготовленной Комиссией по улучшению жизни детей, отмечалось, что «администрация и воспитательный персонал многих учреждений оставляет желать лучшего, в большинстве случаев по своим нравственным качествам он не соответствует своему назначению. Заведующий трудовой колонией в Оренбурге в момент обследования был пьян. По данным из Томской губернии администрация старается создать за счет детей лучшие условия

жизни для себя и потому обкрадывает ребят, ворует отпускаемое для них продовольствие. По данным Тамбовской губернии отмечается тоже самое, при чем детей обворовывают не только близко стоящие, но и ответственные сотрудники отделов народного образования» [4].

По данным П. И. Люблинского всего в 1923 г. в России действовали 168 учреждений для морально-дефективных детей. Из них школы функционировали более или менее правильно в 27, работали с перебоями – в 72 учреждениях, работали менее правильно – в 47, совсем не велось школьных занятий в 49. Руководители специалисты по дефективности с тем или иным стажем имелись всего в 60 учреждениях. В 47 руководители имели общее педагогического образование и в 61 учреждении руководителями являлись лица без всякой педагогической подготовки. Что касается трудового воспитания, то в 47 имелись мастерские (преимущественно сапожные, переплетные, столярные, слесарные, кузнечные), в 28 дети обучались тому или иному труду, в 64 практиковалось самообслуживание, в 29 не было отмечено никаких трудовых процессов. В тех учреждениях, в которых имелись мастерские, работа шла не всегда гладко, причиной тому была нехватка материалов, инструментов, инструкторов-руководителей. В 20 учреждениях имелись огороды. В 16 учреждениях, колониях сельскохозяйственного типа, имелась пахотная земля, ремесленные мастерские. Большинство из этих колоний были преобразованы из сельскохозяйственных исправительно-воспитательных заведений [13, с. 255–278].

Существовавшие детские дома были переполнены иногда на 30 – 40 %, а для открытия новых не было средств ни в центре, ни на местах [15]. Из-за нехватки финансирования количество детских учреждений началось сокращаться. По отдельным губерниям их число уменьшилось на 30 – 60 %, а в целом по стране в 1923 г. по сравнению с 1922 г. сеть детдомов сократилась с 6063 до 3971, детей в них – с 540 тыс. до 253237 человек. В последующие пять лет эти показатели уменьшились еще вдвое [7].

Кроме детских домов в 1920-е гг. начали создаваться трудовые коммуны. Первые учреждения такого типа появились в 1924 г. Учитывая то, что они были ориентированы на самостоятельное «зарабатывание» денег и частичное самообеспечение, в условиях нехватки финансовых ресурсов такой тип воспитательно-исправительных учреждений стал достаточно распространенным и востребованным. Положение о трудовых коммунах, документ заложивший правовые основы для заведений такого типа, было принято в 1925 г. [14]. Кроме того, определенную регламентацию деятельности проводило Инструктивное письмо Главного управления социального воспитания и политехнического образования, которое устанавливало порядок реорганизации учреждений для несовершеннолетних правонарушителей и правила работы с этой категорией детей [10, с. 230–238].

Начальник Главсоцвоса М. Эпштейн, опираясь на опыт работы существующих учреждений для трудных детей, отмечал, что в них, главным образом, попадают подростки, оторвавшиеся от трудовой среды, и беспризорные, перед которыми стоит вопрос о самостоятельном заработке. Отсутствие возможности поддержать свое, существование обычным путем направляет этих ребят по пути правонарушений, нередко становящихся у подростков привычными [10, с. 233].

Коммуны организовывались для детей обоего пола в возрасте от 12 до 16 лет из числа: а) переростков, не прошедших нормальной школы, как беспризорных, так и из детских домов; б) подростков, которые в результате тяжелых социальных и материальных условий жизни приобрели социально вредные навыки; в) подростков, прошедших через Комиссию по делам несовершеннолетних [1].

Обязательным условием создания трудовой коммуны являлось то, что-либо в ней должна быть организована специальная «база», на которой подростки могли получить трудовые навыки и возможность зарабатывать. К таким «базам» относились

производственные мастерские, места для организации сельскохозяйственных работ (сельхозы). Количество отработанного воспитанниками времени строго фиксировалось, так как от этого зависела их заработная плата. Она не поступала лично в руки, а помещалась в общий фонд коммуны. Как правило, заработанные воспитанниками деньги использовались для удовлетворения элементарных потребностей детей (одежда, обувь, продукты питания), на покупку оборудования и необходимых материалов для мастерских и сельхозов, улучшение условий труда в них. Кроме того, часть средств тратилась на личные нужды детей и формирование фонда денежных средств, который воспитанники могли получить, когда покидали коммуну.

Таким образом, образовательный процесс в таких заведениях строился с преобладанием трудового обучения, однако он не исключал и передачу некоторых общественно-политических знаний, которые могут быть полезны ребенку после выхода из коммуны как для полноценной трудовой деятельности, так и, в случае необходимости, получения дальнейшего образования. Учитывая идеологическую ситуацию в молодом советском государстве, такие знания имели особое значение.

В трудовых коммунах, также как и в детских домах для несовершеннолетних правонарушителей, правила совместного сосуществования, распорядок дня не спускался «сверху», а принимался ее членами с учетом указанной выше нормативной базы. После обсуждения эти правила утверждались местными отделами народного образования. Таким образом, и здесь создавались возможности для организации самоуправления. В результате все жизнеобеспечение ложилось на плечи самих воспитанников: от самообслуживания до охраны территории и имущества коммуны, от установления режима дня до уборки и ремонта помещений.

В большинстве случаев в качестве органа, осуществляющего руководство, являлось общее собрание. В нем принимали участие как сами воспитанники коммуны, так и воспитатели, технический персонал и руководители коммуны, представители отдела народного образования и инициативная общественность, которая в определенных случаях участвовала в работе этих учреждений.

На общем собрании решались следующие вопросы:

- обсуждался и утверждался режим дня;
- распределялись обязанности между членами коммуны;
- обсуждалось поведение членов коммуны и, в случае необходимости, принимались меры дисциплинарного взыскания, вплоть до удаления;
- происходили выборы специальных органов, комиссий, лиц, на которых возлагалось исполнение решений общего собрания;
- обсуждался бюджет коммуны, планировались ее доходы и расходы;
- подводились итоги работы коммуны, заслушивались отчеты [14].

В любом случае акцент в работе с несовершеннолетними правонарушителями в учреждениях такого рода был сделан именно на трудовом обучении и воспитании. Не случайно наличие мастерских и/или сельхозов было обязательным. Идея высокого значения труда в деле «перевоспитания» трудных подростков была заложена еще традициями дореволюционными воспитательно-исправительными учреждениями. В молодой Советской России эта идея приобрела особую ценность. «В отношении социально-опасных подростков приходится возлагать надежды на дисциплинирующую роль организованного труда, на пробуждение заинтересованности в этом труде. Этот подход к тяжелым детям, за самыми редкими исключениями, дает положительные результаты и пока нас не обманывал. Метод длительный, требует громадного запаса терпения, но неуклонно указывает верный путь. Заинтересованность в продукции своих работ избавляет нас и от случаев присвоения казенного имущества и намеренной порчи вещей, так как это присвоенное, или испорченное пополняется из специальных средств, т.е. из сумм, заработанных самими ребятами» [2, с. 46]. В

данном случае речь идет об Ульяновской трудовой школе-коммуне, которая находилась в селе Максимовка. При ней были созданы производственные мастерские, в которых работали воспитанники, начиная с четырнадцати лет. При этом важно отметить, что в мастерских не только выполнялись работы, необходимые для самой коммуны, но и удовлетворялись потребности местного населения, которые обращались с частными заказами. Этот опыт был достаточно эффективным, так как у детей таким образом в большей степени развивалась ответственность за результаты своего труда, повышался интерес, улучшалось качество выполнения работ.

Большое значение в достижении эффективности профилактической работы и положительного воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей имели отношения, которые складывались между детьми и педагогическим персоналом. Только ответственный человек, который «душой» радеет за результаты своей работы, максимально участвует в жизни воспитанников, может достигнуть высоких результатов. В связи с этим, интересным является мнение заведующего коммуны «Новые Горки»:

«…Для детей надо уметь быть хорошим товарищем. Тут не нужна систематическая административная официальность. Надо чаще бывать с ними, уметь ловить их настроения. Нельзя придавать большого значения в присутствии их тому, или иному проступку в момент происшествия. Надо опасаться обещаний, которые впоследствии не могут сбыться – этим больше всего подрывается авторитет старшего товарища. В случае применяемых к детям административно, или через исполком, наказаний, нужно стараться сделать так, чтобы ребенок понял, что старший товарищ старается смягчить наказание. Не всегда можно доверить самостоятельное применение мер воздействия исполкому, иногда чрезмерность или неправильный подход в наложении взыскания могут повлечь за собою уход ребенка из коммуны. Нельзя иметь любимчиков или, как они говорят, подлиз. Надо стараться быть, как можно больше откровенным с ними. А самое главное, что их приближает к взрослым и старшим товарищам, – это активное участие во всех работах, какие бы они ни были; этим завоевывается авторитет, и доверии и уважение» [2, с. 64].

В качестве примера о типах воспитателей в трудовых коммунах можно привести еще одно мнение: «Желательно присутствие в одном учреждении двух типов воспитателей, объединенных единством цели, но по-разному ее достигающих. Один – строгий, грубоватый, наводящий порядок, олицетворение немедленного воздействия в случае сопротивления. Второй – мягкий, ровный, ласковый. По закону контрастов оба необходимы, они дополняют друг друга. Оба должны быть всесторонне развиты» [12, с. 67].

Но, несмотря на все усилия и широкое распространение трудовых коммун, средств на качественное обеспечение работы воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей выделялось недостаточно. В результате в 1928 г. было принято постановление «О мерах к улучшению положения и работы детских домов» [16], согласно которым ответственность за организацию работы в этих заведения возлагалась на местные комитеты. В данном документе указывались следующие меры:

1. С целью улучшения материально-технического обеспечения учебно-производственные мастерские для несовершеннолетних укрупнить.

2. Организовать работы в мастерских для детей, начиная с тринадцатилетнего возраста.

3. Для привлечения квалифицированного персонала, в том числе мастеров из числа рабочих фабрик и заводов, повысить заработанную плату персоналу данных учреждений.

4. Создать условия для привлечения предприятий, общественных объединений по принципу «шефства» с целью оказания как материальной помощь воспитательно-исправительным учреждениям, так и организации общественного контроля.

Однако, несмотря на все приложенные усилия, положение трудовых коммун и детских домов нельзя считать хорошим. Например, в Постановлении ВЦИК от 10 мая 1934 г. «О состоянии детских домов в Центрально-Черноземной области», отмечалось, что значительная часть детских домов находилась в чрезвычайно тяжелом положении, вследствие невыполнения директив правительства о детских домах и неудовлетворительном руководстве со стороны областного отдела народного образования. Комиссией были выявлены некоторые недостатки: плохая организация профессиональной подготовки воспитанников, не поставлена работа по патронированию детей в колхозах, не организовано шефство предприятий и учреждений над детскими домами. В итоге ВЦИКом были разработаны соответствующие меры по устранению указанных недостатков, кроме того, некоторым руководителям были объявлены выговоры за неисполнение директив правительства, часть из них были сняты с занимаемых постов [15].

Процесс создания воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Советской России начался в 1920-е г., что было связано с угрожающим ростом числа беспризорников, которые появились после революции и гражданской войны. Разветвлённая сеть специализированных детских домов и трудовых коммун способствовала решению проблемы профилактики преступности несовершеннолетних, которая стояла особенно остро. Однако возникали и определенные трудности, связанные с недостатком финансирования, проблемами кадрового состава, как среди воспитателей, так и среди руководителей. Тем не менее, в целом этот опыт, с учетом социально-экономической и политической ситуации того времени, можно считать эффективным.

Список источников и литературы

1. *Бендер Е. А.* Правовые основы борьбы с детской беспризорностью в РСФСР в 1920–1930- е годы // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 177–188. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-borby-s-detskoy-besprizornostyu-v-rsfsr-v-1920-1930-e-gody (дата обращения: 05.12.2021).
2. *Беспризорные в трудовых коммунах: Практика работы с трудными детьми* : сб. статей и материалов / под ред. В. Л. Швейцер и С. М. Шабалова ; Наркомпрос РСФСР, Главсоцвос, Отд. соц.-прав. охраны несовершеннолетних. М.: Главсоцвос НКП, 1926. 215 с.
3. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.
4. *ГАРФ*. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 19.
5. *ГАРФ*. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 25.
6. *ГАРФ*. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 740.
7. *ГАРФ*. Ф. Р-1235. Оп. 71. Д. 750. Л. 12.
8. *Детская беспризорность и детский дом* : сб. статей и материалов II Всероссийского съезда СПОН по вопросам детской беспризорности, детского дома и правовой охраны детей и подростков / под ред. С. С. Тизанова, В. Л. Швейцер, В. М. Васильевой ; Наркомпрос РСФСР, Главсоцвос. М.: Отд. соц.-прав. охраны несовершеннолетних, 1926. 215 с.
9. *Детская дефективность, преступность и беспризорность* : по материалам I Всероссийского съезда деятелей по борьбе с детской дефективностью 24/VI-2/VII 1920 г. / ред. Бюро мед.-пед. консультации Наркомпроса. М.: Гос. изд-во, 1922. 100 с.
10. *Инструктивное письмо Главсоцвоса о реорганизации учреждений для трудных детей и о постановке в них работы* // Детская беспризорность и детский дом : сб. ст. и материалов II Всерос. съезда СПОН. М., 1926. С. 230–238.

11. *Левитина М. И.* (Маро) Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. М., 1925. 466 с.
12. *Лилиенберг. Работа с морально-дефективными подростками в условиях настоящего времени* // Детская дефективность, преступность и беспризорность : по материалам I Всерос. съезда деятелей по борьбе с детской дефективностью. М., 1922. С. 67.
13. *Люблинский П. И.* Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 302 с.
14. *Положение о трудовых коммунах* // Еженедельник НКП. 1926. № 8. Ст. 52.
15. *Постановление ВЦИК «О состоянии детских домов в Центрально-Черноземной области»* // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1934. № 21. Ст. 124.
16. *Постановление ВЦИК и СНК «О мерах к улучшению положения и работы детских домов»* // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1928. № 117, отд. 1. Ст. 734.

References

1. Bender, EA 2013, ‘Pravovyye osnovy bor'by s detskoy besprizornost'yu v RSFSR v 1920–1930- ye gody’ (Legal framework for combating child homelessness in the RSFSR in the 1920s-1930s), *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta,* vol. 14, pp 177-188, viewed 5 December 2021, https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-borby-s-detskoy-besprizornostyu-v-rsfsr-v-1920-1930-e-gody (In Russ.)
2. Shveytser VL & Shabalova SM (eds) 1926, *Besprizornyye v trudovykh kommunakh: Praktika raboty s trudnymi det'mi* (Homeless children in labor communes: Practice of working with difficult children: collection of articles. articles and materials), Glavsotsvos NKP Publ., Moscow. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* (Sate Archive of the Russian Federation), fund 5207, inventory 1, file17, sheet 18. (In Russ.)
4. *GARF*, fund 5207, inventory 1, file 17, sheet 19, Moscow. (In Russ.)
5. *GARF*, fund 5207, inventory 1, file 17, sheet 25, Moscow. (In Russ.)
6. *GARF*, fund 5207, inventory 1, file 740, Moscow. (In Russ.)
7. *GARF*, fund P-1235, inventory 71, file 750, sheet 12, Moscow. (In Russ.)
8. Tizanov, SS, Shveytser, VL, & Vasilyeva, VM (eds) 1926, *Detskaya besprizornost' i detskiy dom : sb. statey i materialov II Vserossiyskogo s"yezda SPON po voprosam detskoy besprizornosti, detskogo doma i pravovoy okhrany detey i podrostkov* (Children's homelessness and orphanage: collection of articles. articles and materials of the II All-Russian Congress of the SPON on the issues of child homelessness, orphanage and legal protection of children and adolescents), Otdel sotsialno-pravovoy okhrany nesovershennoletnikh Publ., Moscow. (In Russ.)
9. Byuro mediko-pedagogicheskoy konsul'tatsii Narkomprosa (ed) 1920, ‘Detskaya defektivnost, prestupnost i besprizornost’ (Childhood Defectiveness, Crime and Homelessness), *po materialam I Vserossiyskogo syezda deyateley po borbe s detskoy defektivnostyu* (based on the materials of the I All-Russian Congress of Figures against Childhood Defectiveness), 26 June-2 July, Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., Moscow. (In Russ.)
10. ‘Instruktivnoye pis'mo Glavsotsvosa o reorganizatsii uchrezhdeniy dlya trudnykh detey i o postanovke v nikh raboty’ (Instructional letter of Glavsotsvos on the reorganization of institutions for difficult children and on the setting of work in them) 1926, *Detskaya besprizornost i detskiy dom* (Child homelessness and orphanage), pp. 230–238, Moscow. (In Russ.)
11. Levitina, MI (Maro) 1925, *Besprizornyye. Sotsiologiya. Byt. Praktika raboty* (Homeless children. Everyday life. Sociology. Be. Work practice), Moscow. (In Russ.)
12. ‘Lilienberg. Rabota s moral'no-defektivnymi podrostkami v usloviyakh nastoyashchego vremeni’ (Lilienberg. Working with mentally handicapped adolescents in the present conditions) 1922, *Detskaya defektivnost, prestupnost i besprizornost* (Childhood Defectiveness, Crime and Homelessness), Moscow. (In Russ.)

13. Lyublinskiy, PI 1923, *Borba s prestupnostyu v detskom i yunosheskom vozraste (sotsialno-pravovyye ocherki)* (The fight against crime of children and adolescents (social and legal essays)), Yuridicheskoye izdatelstvo Narkomyusta Publ., Moscow. (In Russ.)
14. 'Polozheniye o trudovykh kommunakh' (Regulations on labor communes) 1926, *Yezhenedel'nik NKP,* vol. 8, art. 52. (In Russ.)
15. 'Postanovleniye VTSIK «O sostoyanii detskikh domov v Tsentral'no-Chernozemnoy oblasti»' (Resolution of the All-Russian Central Executive Committee "On the state of orphanages in the Central Black Earth Region") 1934, *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR* (Resolution of the All-Russian Central Executive Committee "On the state of orphanages in the Central Black Earth Region"), vol. 21, art.124. (In Russ.)
16. Postanovleniye VTSIK i SNK «O merakh k uluchsheniyu polozheniya i raboty detskikh domov» (Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On measures to improve the situation and work of orphanages") 1928, *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR* (Resolution of the All-Russian Central Executive Committee "On the state of orphanages in the Central Black Earth Region"), vol. 117, dep. 1, art. 734. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.12.2021
Одобрена после рецензирования: 20.12.2021
Принята к публикации: 21.12.2021

The article was submitted: 16.12.2021
Approved after reviewing: 20.12.2021
Accepted for publication: 21.12.2021

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 47–56.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2021. Issue 4 (8). P. 47–56.

Научная статья
УДК 94(4+05)"1939/45"
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-47-56

ЖУРНАЛ «БРИТАНСКИЙ СОЮЗНИК» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Виктор Владимирович Алексеев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия, morehod800@mail.ru

Аннотация: Целью статьи является рассмотрение источникового потенциала материалов, опубликованных в журнале «Британский союзник», для изучения различных аспектов истории Второй мировой войны. Актуальность исследования обусловлена потребностью расширения источниковой базы исторической науки. Рассматриваемый еженедельник являлся официальным органом Министерства информации Великобритании, издававшемся на русском языке и распространявшемся на территории Советского Союза с августа 1942 по август 1950 года. Появление этого средства массовой информации стало возможным после заключения в мае 1942 г. союзного договора между правительствами Великобритании и СССР. Свою основную задачу редакторы журнала видели в том, чтобы всемерно укреплять союзнические отношения в рамках антигитлеровской коалиции, для чего считали необходимым информировать советских читателей о военных усилиях Великобритании в годы войны, а также о государственной, политической, социально-политической, экономической, культурной, научной и повседневной жизни страны и Британского Содружества. Автор проанализировал содержание более 170 выпусков «Британского союзника» за период с 1942 по 1945 гг. Установлено, что опубликованные на его страницах материалы принадлежат к разнообразным жанрам журналистики: информация, хроникальная корреспонденция, аналитическая статья, обзорная статья, очерк, художественное произведения, статистические данные и т.п. Сделан вывод о том, что большинство изложенных фактов можно считать вполне достоверными. Они позволяют реконструировать многоплановую картину событий Второй мировой войны и дают представления о военных усилиях стран-союзниц по разгрому гитлеровской Германии, героических свершениях на фронте и в тылу, организации производства, сельского хозяйства и прочих аспектах экономики, государственно-политической, социальной, культурной, научной и повседневной жизни. Ценные сведения содержатся о военно-стратегическом сотрудничестве Великобритании и СССР, гуманитарных контактах британской общественности и советских людей. Тем самым открываются возможности осуществления исследований по широкому спектру изучаемых проблем.

Ключевые слова: военная история, Вторая Мировая война, источниковедение, средства массовой информации, журнал «Британский союзник».

Для цитирования: Алексеев В. В. Журнал «Британский союзник» как источник по истории Второй Мировой войны // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 47–56. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-47-56

Сведения об авторе: *В. В. Алексеев* – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

© Алексеев В. В., 2021

Scientific Article
UDC 94(4+05)"1939/45"
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-47-56

THE BRITANSKIY SOYUZNIK (BRITISH ALLY) MAGAZINE AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE WORLD WAR II

Victor V. Alekseev

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, morehod800@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the source potential of materials published in the journal "Britanskiy soyuznik" (British Ally) to study various aspects of the history of the World War II. The relevance of the research is due to the need to expand the source base of historical science. The weekly in question was an official body of the UK Ministry of Information. It was published in Russian and distributed on the territory of the Soviet Union from August 1942 to August 1950. The appearance of this mass media became possible after the conclusion of the Union treaty between the governments of Great Britain and the USSR in May 1942. The editors of the magazine saw their main task in strengthening allied relations in every possible way within the framework of the anti-Hitler coalition, for which they considered it necessary to inform Soviet readers about the most diverse aspects of the war effort, state, political, socio-political, economic, cultural, scientific and everyday life of England itself and the countries of the British Commonwealth. The author analyzed the contents of more than 170 issues of "Britanskiy soyuznik" (British Ally) for the period from 1942 to 1945. It is established that the materials published on its pages belong to various genres of journalism: information, chronicle correspondence, analytical article, review article, essay, fiction, statistical data, etc. The author concludes that most of the facts presented can be considered quite reliable. The facts presented in the journal allow us to reconstruct a multifaceted picture of the events of the Second World War. They give an idea of the military efforts of the allied countries to defeat Hitler's Germany, heroic achievements at the front and in the rear, the organization of production, agriculture and other aspects of the economy, state-political, social, cultural, scientific and everyday life. There is valuable information about the military-strategic cooperation of Great Britain and the USSR, humanitarian contacts of the British public and Soviet people. This opens up the possibility of carrying out research on a wide range of studied problems.

Keywords. Military history, the World War II, mass media, "Britanskiy soyuznik" (British Ally) journal.

For citation: Alekseev, VV 2021, 'The Britanskiy soyuznik (British Ally) Magazine as a source on the history of the World War II', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (8), pp. 47–56. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-47-56 (in Russ.)

Information about the Author: *Victor V. Alekseev* – Associate Professor, PhD in History, Associate Professor of the Department of Source Studies, Lomonosov Moscow State University, 27-4, Lomonosovsky Prospekt, Moscow, 119192, Russia.

© Alekseev V. V., 2021

Историческая наука всегда ориентирована на расширение круга источников, на основании которых можно изучать разные аспекты прошлого. Не является исключением Вторая мировая война, в истории которой, несмотря на огромную историографию, до сих пор остаётся не мало «белых пятен» или малоисследованных фактов, нуждающихся в уточнении. В этом плане интерес представляет журнал «Британский союзник», долгое время не попадавший в поле зрения специалистов. Лишь в последние годы исследователи стали обращать на него внимание. В. М. Симперович попытался осуществить источниковедческий анализ опубликованных в «Британском союзнике» материалов, выявить их направленность, особенности содержательного контента, дать первичную классификацию размещённых статей [27]. С. П. Вачаев сосредоточил своё внимание на смысловой нагрузке публикаций в журнале, на их проблематике с точки зрения укрепления союзнических связей [5]. Е. А. Котеленец и М. Ю. Лаврентьева рассмотрели, каким образом «Британский союзник» использовался в качестве инструмента информационной войны против СССР в годы Второй мировой войны [17].

Цель представленной статьи заключается в том, чтобы выявить информационный потенциал журнала «Британский союзник» для изучения истории Второй мировой войны. «Британский союзник» являлся официальным органом британского Министерства информации и печатался на русском языке. Его публикация и распространение на территории СССР стали возможными после заключения в мае 1942 г. союзного договора между правительствами Великобритании и Советского Союза. Но ещё ранее, в ноябре 1941 г., на уровне министерств иностранных дел была достигнута договорённость о тесном сотрудничестве между Британским министерством информации и Советским информационным бюро.

«Британский союзник» выходил с августа 1942 г. по август 1950 г. Данное периодическое издание в библиотечных каталогах учитывается именно как журнал, хотя по внешней форме – отсутствие обложки – оно скорее близко к многостраничной газете, нечто вроде «Недели», издаваемой в советскую эпоху как еженедельное приложение к газете «Известия» (Рис. 1).

Редактором «Британского союзника» значился пресс-атташе посольства Великобритании сэр Джон Лоуренс, будущий председатель ассоциации «Великобритания – СССР». Первоначально журнал печатали в типографии имени Мяги в г. Куйбышев, куда в первые месяцы Великой Отечественной войны были эвакуированы иностранные посольства и основные государственные учреждения. После реэвакуации в Москву, с июля 1943 г., тиражи печатались в типографии «Красный пролетарий» ОГИЗ РСФСР треста «Полиграфкнига».

За годы Великой Отечественной войны свет увидели 177 обычных номеров и один спецвыпуск от 7 июля 1944 г., посвящённый высадке англо-американских войск в Нормандии. Главной задачей руководство редакции журнала декларативно заявило предоставление народам Советского Союза

БРИТАНСКИЙ СОЮЗНИК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК № 1. 16 августа 1942

...ДЕЛО КАЖДОГО РУССКОГО, БОРЮЩЕГОСЯ ЗА СВОЮ ЗЕМЛЮ И ДОМ, ЯВЛЯЕТСЯ ДЕЛОМ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ И СВОБОДНЫХ НАРОДОВ В ЛЮБОЙ ЧАСТИ ЗЕМНОГО ШАРА. УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

К ЧИТАТЕЛЯМ

БРЕНДОН БРЭКЕН

Министр информации Великобритании

Помните, мы никогда не прекратим борьбы, никогда не уставим в борьбе, никогда не сложим оружия. Весь мир знает, вся империя клятвенно обязалась очистить Европу от фашистской чумы и спасти мир от мрачных времен нового средневековья. Мы стремимся лишь к одному — добить зверя в логову его Гитлера и фашизма — пренебрегая только к этому, все время и до конца. Мы на на что не поспеем, нам ничего не нужно от других народов кроме их уважения.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

БОЛЬШЕ ЗНАТЬ ДРУГ О ДРУГЕ

АНТОНИ ИДЕН

Министр иностранных дел Великобритании

Рис. 1. Первый номер журнала «Британский союзник» (фото – В. В. Алексеев, 2021 г.)

фактической информации о военных усилиях вооружённых сил Британского Содружества наций, о боевой деятельности Королевского военно-морского флота, военной авиации и сухопутной армии, работе британской промышленности, сельском хозяйства, жизни и быте рядовых англичан, различных явлениях культуры, достижениях науки и т.п. Основная цель заключалась в том, «*чтобы заложить фундамент тесного сотрудничества в борьбе за победу теперь и за мир и реконструкцию после войны…*» [4, с. 1]. Поэтому, будучи, по сути, идеологическим рупором английского правительства, «Британский союзник» публиковал материалы, которые должны были способствовать укреплению антигитлеровской коалиции (Рис. 2).

Рис. 2. Логотип журнала «Британский союзник»
(фото – В. В. Алексеев, 2021 г.)

Также редакторы старались наладить обратную связь с потенциальными читателями, предлагая обращаться с запросами о конкретной тематике, которую желательно было бы осветить. «*Критические замечания и предложения*, – писалось в передовице, – *полученные нами от читателей со всех концов обширного Советского Союза будут приняты во внимание при редактировании последующих номеров газеты*» [3, с. 7].

Журнал «Британский союзник» выходил в свет еженедельно. Изначально номера печатались по мере подготовки, но уже с семнадцатого номера (25 апреля 1943 г.) стали появляться строго по воскресеньям. В первые годы публикуемые материалы размещались на 8 страницах, в дальнейшем – с 4 июля 1944 г. – их число увеличилось до 12. Одновременно вырос тираж. Если первоначально он составлял 25 тысяч экземпляров, то отныне цифра увеличилась до 50 тысяч. Расширение объёма объясняли «*постоянным ростом дружбы и взаимоотношения между народами СССР и Великобритании*» [3, с.7]. Имеющиеся в литературе данные позволяют установить, что «Британский союзник» распространялся посредством лимитированной подписки, главным образом, среди ответственных работников центральных партийных и государственных учреждений, республиканских, краевых и областных партийных и советских органов, через розничную сеть Союзпечати в пятнадцати городах СССР: Москве, Архангельске, Куйбышеве, Молотове, Ленинграде, Мурманске, Новосибирске, Омске, Свердловске, Челябинске, Владивостоке, Ташкенте, Баку, Тбилиси, Ереване.

Часть номеров направлялась на комплектование ведущих библиотек [17, с. 491]. Цена отдельного номера составляла всего 1 рубль. Затем, с № 23 (95), она поднялась до двух рублей, но в масштабе военных цен всё равно оставалась чисто символичной.

Большинство материалов, представленных на страницах «Британского союзника», являлись перепечатками из других крупных английских столичных и региональных газет, таких как «Таймс», «Санди Таймс», «Дейли Мэйл», «Дэйли Уоркер», «Ньюс Кроникл» и т.д. Вместе с тем публиковались специально подготовленные для «Британского союзника» статьи, которые были написаны по редакционному заказу

видными государственными и общественными деятелями, военачальниками, правительственными чиновниками, деятелями культуры, крупными учёными. Достаточно назвать имена министра иностранных дел Антони Идена, министра реконструкции сэра Уильяма Джоуитта, министра продовольствия лорда Вультона, министра экономической войны лорда Сельборна, главнокомандующего бомбардировочной авиацией маршал авиации сэра Артура Гарриса, первого лорда и начальника морского штаба адмирала флота Дэдли Паунда, генерального секретаря Британских профсоюзов Уолтера Ситрина, дирижёра сэра Генри Вуда, писателя Джона Бойнтон Пристли и др. Регулярно приводились публичные речи и официальные заявления ведущих политиков Великобритании, прежде всего премьер-министра Уинстона Черчилля. Вместе с тем в журнале сложился свой круг постоянных авторов и специальных корреспондентов. Среди них следует назвать Лену Чиверс – вице-президента британского Национального союза студентов; одного из ведущих специалистов по артиллерии генерал-майора Г. Роуэн-Робинсон, который вёл рубрику «Оружие британской армии»; военного обозревателя подполковника авиации Л. В. Фрэзера, Викторию Чаппель, Люкоум Уайт, Аллена Хотта, Ритчи Колдера.

Тематика и жанры публикаций отличались разнообразностью в широких пределах. С. П. Вачаев группирует статьи в «Британском союзнике» по конкретной направленности: военные, международные, общественно-политические, социально-экономические, культурные, технические и научные [5]. Вполне естественно, что в первую очередь освещались сражения, которые англо-американские армии вели в Северной Африке и Европейском континенте, но также не упускалась из виду ситуация на других театрах военных действий, в первую очередь в Индокитае и Тихоокеанском регионе. Не малую долю составляли статьи, очерки, корреспонденции, репортажи на темы государственного устройства, культуры и искусства, о гражданской жизни и повседневном быте Англии и стран Британского содружества. Подчас рассказывалось о спортивных мероприятиях. Особенно подробно освещалось турне по Англии советской футбольной команды «Динамо» в конце 1945 г. Публикации основательно иллюстрировались фотографиями, рисунками, карикатурами. Как правило, в каждом номере минимум пара страниц отводилась фоторепортажам и фотоочеркам, что представляет визуальную картину войны. Для удобства ориентации читателей в номерах применялась рубрикация материалов. Названия и число рубрик менялись в зависимости от конкретных обстоятельств. Но имелись стабильно воспроизводимые рубрики, такие как «События недели», «Обзор событий за неделю», «Дневник событий», «Обзор британской прессы», «Цифры и факты», «В тылу, как на фронте», «Знаете вы, что…», «Отвечаем на вопросы» и пр.

На страницах журнала подробно описывались боевые действия английского Королевского Воздушного флота, Военно-морского флота и сухопутных сил, сообщалось об их ситуативных реорганизациях, вооружении, мероприятиях по организации военного и гражданского производства в Великобритании, усилиях по разрушению экономики и инфраструктуры гитлеровской Германии и её сателлитов. Журналисты не раз излагали биографии крупных военачальников [6, с. 3; 16, с. 2], писали о доблестных поступках офицеров, солдат, гражданских лиц [8, с. 6; 23, с. 3; 24, с. 2].

Нередко в журнале появлялась информация о британских военных, которые были награждены советскими орденами и медалями, и соответственно о советских людях, удостоенных наградами Великобритании [9, с. 2; 30, с. 4–5; 32, с. 6]. На основании этого можно установить, что собой представляло реальное боевое братство армий двух стран. Иногда оно принимало неожиданные формы. Например, с десяток советских военных лётчика, среди которых были капитаны Майборода и Сазонов, в Индии в составе специальной британской авиаэскадрильи участвовали в спасении

сельскохозяйственных посевов от саранчи. Старший лейтенант Королевского Воздушного флота Фильд Гэйт отозвался об их работе следующим образом: «*Русские офицеры произвели на нас впечатление закалённых воинов, прекрасно знающих своё дело. Некоторые из них участвовали в боях на Восточном фронте*» [29, с. 2].

Ценными оказываются сведения о сотрудничестве СССР и Великобритании в рамках союзной коалиции. Довольно часто говорилось о том, какую помощь военной техникой и вооружениями, стратегическим сырьём, станками, техническим оборудованием, поставками медицинских препаратов и инструментов, иными материалами Англия оказывала Советскому Союзу. В связи с этим назывались конкретные цифры, что даёт возможность оценить масштабы такой поддержки [13, с. 8; 15, с. 7; 18, с. 6]. Также нередко писалось о проводке союзных конвоев в северные советские порты – Мурманск и Архангельск, о том, какие опасности встречались на этом пути [22, с. 2]. Причём, помимо рассказа о героических буднях караванов судов, подчас сообщались курьёзные подробности, которые придают человеческое измерение событиям войны. Так, однажды два американских парохода сели на мель. Если один удалось снять с неё достаточно быстро, то со вторым это никак не получалось. Тогда на помощь пришёл советский тральщик «Киров». Проблема заключалась в том, среди обоих экипажей никто не говорил на иностранном языке, и объясняться пришлось жестами. Первый помощник американского судна лейтенант Эйлсден не без юмора поведал: «*На борту корабля я был единственным человеком, который хоть что-нибудь знал по-русски, но все мои знания заключались в одной фразе: “Не хотите ли вы большую бутылку пива”. Пользы от этой фразы было мало, но она, по крайней мере, поддерживала хорошее настроение у людей*» [11, с. 6].

«Британский союзник», в отличие от других СМИ почти не подвергался цензуре со стороны советских властей, и потому мог позволить себе печатать материалы о военнослужащих РККА, которые оказались в немецком плену и затем были освобождены англичанами. Это позволяет под новым ракурсом взглянуть на трагические судьбы тех, кто оказался брошен в горнило войны. При этом на британцев производил огромное впечатление патриотизм советских граждан, когда во время общения с английскими солдатами бывшие военнопленные выражали горячее желание поскорее вернуться в ряды Красной армии, чтобы с оружием в руках продолжить громить ненавистного врага [2, с. 2; 14, с. 2; 28, с. 1].

Борьба с общим врагом заставила правительства Великобритании и СССР на время забыть о политических разногласиях. Самые разные слои английского общества проявляли живой интерес ко многим сторонам жизни Советского Союза. Известный английский писатель Дж. Б. Пристли констатировал: «*Вести с советско-германского фронта, статьи и книга о Советском Союзе, документальные фильмы, лекции и дебаты о русской жизни – всё это жадно читают и слушают по всей стране*» [25, с. 2]. Учитывая такие настроения, государственные и общественные институции Великобритании постарались наладить информирование всех интересующихся сведениями об истории, общественно-политической жизни и экономических успехах СССР, обеспечить знакомство с русской и советской литературой, музыкой, живописью, наукой. Публикации «Британского союзника» позволяют проследить, как и в каких формах это происходило. Основные неформальные контакты курировали Общество культурной связи стран Британского содружества с СССР (возникшее ещё в 1924 г.), Союз англо-советской дружбы молодёжи и Национальный Совет англо-советского единства. Председатель последнего – епископ Челмсфордский – выдвинул в конце декабря 1944 г. инициативу создать в Лондоне постоянный центр, координирующий в масштабах Британии всю деятельность, направленную к укреплению англо-советской дружбы. Названные организации совместно с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС), Антифашистским комитетом советской

молодёжи, сотрудниками посольства СССР в Лондоне устраивали различные выставки (прежде всего фотовыставки), освещающие советскую повседневность, трудовые и военные усилия Советского Союза, проводили митинги солидарности, обычно приуроченные к праздничным датам советского календаря (7 ноября, 23 февраля), производили обмен делегациями посланцев от молодёжных, студенческих, профсоюзных, учёных кругов, собирали книги для пополнения библиотек Наркомпроса РСФСР, отправляли подарки бойцам и командирам Красной армии, воспитанникам детских садов и т.п. Трансляция некоторых компонентов русской и советской культуры из СССР в Великобританию в годы Великой Отечественной войны стало важным средством укрепления союзнических связей [1, с. 8; 10, с. 1; 12, с. 12; 31, с. 7; 34, с. 7]. Простые британцы, посредством приобщения к культуре многонационального Советского Союза, начинали лучше понимать «русских» людей, проникались глубокой симпатией к ним. Это побуждало англичан трудиться с большими усилиями на производстве, чтобы оказать экономическую и иную помощь своим собратьям по антигитлеровской коалиции ради достижения скорейшего разгрома и безоговорочной капитуляции фашистского агрессора.

Не обходил «Британский союзник» вниманием установление контактов и взаимодействия между Русской православной церковью и Англиканской церковью, которые наладили между собой религиозные иерархи [7, с. 8; 26, с. 10].

Журнал не проигнорировал данные о разработке и применении немцами «оружия возмездия», т.е. о секретных проектах принципиально новых видов вооружений, которые, как ожидалось, позволило бы изменить ход войны и в сжатые сроки обеспечить победу Третьего рейха. Сообщаемые факты отражают наиболее ранние представления английских специалистов о направлениях работы нацистов над «вундерваффе», пресловутым «Фау» [19, с. 4; 20, с. 8; 21, с. 2; 33, с. 3].

На основании вышеизложенного следует признать, что журнал «Британский союзник» может служить важным источником информации, позволяя рассмотреть самые разные сюжеты в истории Второй мировой войны. Многие приведённые на его страницах факты можно считать достаточно достоверными, хотя, безусловно, искажения, преувеличения и приукрашивания действительности журналистами и иными авторами допускались. Поэтому при работе с «Британским союзником» не следует пренебрегать источниковедческим анализом и перепроверкой с привлечением иных источников. Тем не менее, на основе публикаций можно уточнять ход боевых действий на разных театрах военных действий, применяемые тактические приёмы, устанавливать тактико-технические характеристики отдельных образцов и целых систем вооружений, изучать состояние регулярных вооружённых сил Великобритании и вспомогательных военизированных формирований типа Женского Королевского морского корпуса, Корпуса подсобных территориальных войск, Женской Добровольческой армии, Земледельческой армии и т.п. Представленные материалы дают возможность отследить разнообразные социально-политические и экономические процессы, организацию производства, развитие инфраструктуры воюющих стран в период наиболее крупного военного конфликта XX века, прояснить малоизвестные и забытые детали сотрудничества Великобритании и СССР.

Список источников и литературы

1. *Блэкстон Т.* Русская музыка и молодёжь // Британский союзник. 1944. 31 дек. (№ 53 (125)).
2. *Бортуин Дж.* Восьмая армия наступает // Британский союзник. 1943. 26 дек. (№ 52 (72)).
3. *Британский союзник*. 1944. 4 июля (№ 23 (95)).

4. *Брэнен Б.* К читателям // Британский союзник. 1942. 16 авг. (№ 1).
5. *Вачаев С. П.* Тематические особенности изданий, ориентированных на союзников антигитлеровской коалиции // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2015. № 2. С. 25–30.
6. *Генерал Александер* // Британский союзник. 1942. 22 нояб. (№ 15).
7. *Гирбертт С.* Что я видел в СССР // Британский союзник. 1943. 31 окт. (№ 44 (64)).
8. *Два брата – два героя* // Британский союзник. 1943. 21 февр. (№ 8 (28)).
9. *Двенадцать орденоносцев* // Британский союзник. 1942. 1 нояб. (№ 12).
10. *Делегация британской молодёжи в СССР* // Британский союзник. 1945. 9 дек. (№ 49 (174)).
11. *Дружными усилиями* // Британский союзник. 1943. 2 мая (№ 18 (38)). С. 6.
12. *Дэвис У. Е.* Школьники изучают жизнь в СССР // Британский союзник. 1945. 27 мая (№ 21 (146)).
13. *Заявление Черчилля о поставках СССР* // Британский союзник. 1944. 21 мая (№ 21 (93)).
14. *Из Харькова в Сицилию и на свободу* // Британский союзник. 1943. 19 сент. (№ 38 (58)).
15. *Империя помогает СССР* // Британский союзник. 1944. 30 янв. (№ 5 (77)).
16. *Командиры, руководящие вторжением союзных войск в Западную Европу* // Британский союзник. 1944. 11 июня (№ 24 (96)).
17. *Котеленец Е. А., Лаврентьева М. Ю.* Еженедельник «Британский союзник» – инструмент информационной войны против СССР в годы Второй мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24, № 3. С. 486–498.
18. *Лэман Л.* Медикаменты для СССР // Британский союзник. 1944. 2 янв. (№ 1 (73)).
19. *Люди, раскрывшие тайну «ФАУ-1»* // Британский союзник. 1945. 1 июля (№ 26 (151)).
20. *Находка в Травемюнде* // Британский союзник. 1945. 26 авг. (№ 34 (159)).
21. *Новые данные о «Фау-2»* // Британский союзник. 1945. 29 апр. (№ 17 (142)).
22. *Они доставляют оружие в СССР* // Британский союзник. 1943. 7 февр. (№ 6 (26)).
23. *Отважные люди* // Британский союзник. 1942. 23 авг. (№ 2).
24. *Подвиг* // Британский союзник. 1943.10 янв. (№ 2 (22)).
25. *Пристли Дж. Б.* Учиться друг у друга // Британский союзник. 1942. 6 сент. (№ 4).
26. *Русская церковная делегация в Британии* // Британский союзник. 1945. 29 июля (№ 30 (155)). С. 10.
27. *Сімперович В. М.* Газета «Британский союзник» як джерело вивчення історії Другої світової війни // Архіви України. 2013. № 3. С. 105–114.
28. *Советские пленные освобождены из рабства* // Британский союзник. 1943. 27 июня (№ 26 (46)).
29. *Совместная работа* // Британский союзник. 1944. 30 апр. № 18 (90). С. 2.
30. *182 героя, награждённых королём Георгом VI* // Британский союзник. 1941. 21 мая (№ 21 (93)).
31. *Уайт Л. А.* Пятьдесят книг о Советском Союзе // Британский союзник. 1942. 4 окт. (№ 8).
32. *Чаппель К.* Британские ордена и медали советским бойцам // Британский союзник. 1942. 20 июня (№ 25 (45)).
33. *Чудовищные планы* // Британский союзник 1945. 15 июля (№ 28 (153)).
34. *Эльвин Дж.* Советские фильмы в Великобритании // Британский союзник. 1942. 13 дек. (№ 18).

References

1. Bakstone, T 1944, ‘Russkaia muzyka i molodezh’ (Russian Music and Youth), *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 53, no. 125. (in Russ.)
2. Borthwin, J 1943, ‘Vosmaya armiya nastupayet’ (The Eighth Army is advancing), *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 52, no. 72. (in Russ.)
3. *Britanskiy soyuznik* (British Ally), 1944, vol. 23, no. 95. (in Russ.)

4. Branen, BK 1942, 'Chitatelyam' (To the readers), *Britanskiy soyuznik* (British Ally), no. 1. (in Russ.)
5. Vachayev, SP 2015, 'Tematicheskiye osobennosti izdaniy, oriyentirovannykh na soyuznikov antigitlerovskoy koalitsii' (Thematic features of publications aimed at the allies of the anti-Hitler coalition), *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta* (Vestnik MHEI), no. 2, pp. 25–30. (in Russ.)
6. 'General Aleksander' (General Aleksander) 1942, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), no. 15. (in Russ.)
7. Girbertt, S 1943, 'Chto ya videl v SSSR' (What I saw in the USSR), *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 44, no. 64. (in Russ.)
8. 'Dva brata – dva geroya' (Two brothers - two heroes) 1943, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 8, no. 28. (in Russ.)
9. 'Dvenadtsat ordenonostsev' (Twelve order bearers) 1942, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 12. (in Russ.)
10. 'Delegatsiya britanskoy molodyozhi v SSSR' (Delegation of British youth in the USSR) 1945, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 49, no. 174. (in Russ.)
11. 'Druzhnymi usiliyami' (By the common efforts) 1943, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 18, no. 38. (in Russ.)
12. Davis, UE 1945, 'Shkol'niki izuchayut zhizn' v SSSR (Schoolchildren study life in the USSR), *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 21, no. 146. (in Russ.)
13. 'Zayavleniye Cherchillya o postavkakh SSSR' (Churchill's statement on supplies to the USSR) 1944, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 21, no. 93. (in Russ.)
14. 'Iz Kharkova v Sitsiliyu i na svobodu' (From Kharkov to Sicily and to freedom) 1943, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 38, no. 58. (in Russ.)
15. 'Imperiya pomogayet SSSR' (The Empire helps the USSR) 1944, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 5, no, 77. (in Russ.)
16. 'Komandiry, rukovodyashchiye vtorzheniyem soyuznykh voysk v Zapadnuyu Yevropu' (Commanders leading the Allied invasion of Western Europe) 1944, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 24, no. 96. (in Russ.)
17. Kotelenets, YeA 2019, 'Lavrent'yeva M. Yu. Yezhenedel'nik «Britanskiy soyuznik» – instrument informatsionnoy voyny protiv SSSR v gody Vtoroy mirovoy voyny' (The British Weekly: a case study of British propaganda to the Soviet Union during World War II), *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika* (RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism), vol. 24, no 3, pp. 486–498. (in Russ.)
18. Leman, L 1944, 'Medikamenty dlya SSSR' (Medicines for the USSR), *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 1, no. 73. (in Russ.)
19. 'Lyudi, raskryvshiye taynu «FAU-1»' (People who revealed the secret of the "FAU-1"), 1945, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 26, no. 151. (in Russ.)
20. 'Nakhodka v Travemyunde' (Find in Travemunde) 1945, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 34, no. 159. (in Russ.)
21. 'Novyye dannyye o «Fau-2»' (New data on "Fau-2") 1945, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 17, no. 142. (in Russ.)
22. 'Oni dostavlyayut oruzhiye v SSSR' (They deliver weapons to the USSR) 1943, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 6, no. 26. (in Russ.)
23. 'Otvazhnyye lyudi' (Brave people) 1942, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 2. (in Russ.)
24. 'Podvig' (Feat) 1943, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 2, no. 22. (in Russ.)
25. Priestley, JB 1942, 'Uchit'sya drug u druga' (Learn from each other), *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 4. (in Russ.)
26. 'Russkaya tserkovnaya delegatsiya v Britanii' (Russian church delegation in Britain) 1945, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 30, no. 155. (in Russ.)
27. Simperovich, VM 2013, 'Hazeta «Brytanskyy soyuznyk» yak dzherelo vyvchennya istoriyi Druhoyi svitovoyi viyny' (The newspaper "Britanskiy soyuznik" as a source for studying the history of World War II), *Arkhivy Ukrayiny* (Archives of Ukraine), vol. 3, pp. 105-114. (In Ukr.)
28. 'Sovetskiye plennyye osvobozhdeny iz rabstva' (Soviet prisoners freed from slavery) 1943, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 26, no. 46. (in Russ.)

29. ‘Sovmestnaya rabota’ (Collaboration) 1944, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 18, no. 90. (in Russ.)
30. ‘182 geroya, nagrazhdonnykh korolom Georgom VI’ (182 heroes awarded by King George VI) 1941, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 21, no. 93. (in Russ.)
31. White, LA 1942, ‘Pyat'desyat knig o Sovetskom Soyuze’ (Fifty books about the Soviet Union), *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 8. (in Russ.)
32. Chappel, K 1942, ‘Britanskiye ordena i medali sovetskim boytsam’ (British orders and medals for Soviet soldiers), *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 25, no. 45. (in Russ.)
33. ‘Chudovishchnyye plany’ (Monstrous plans) 1945, *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 28, no. 153, p. 3. (in Russ.)
34. Elvin, J 1942, ‘Sovetskiye filmy v Velikobritanii’ (Soviet Films in Great Britain). *Britanskiy soyuznik* (British Ally), vol. 18. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.11.2021
Одобрена после рецензирования: 30.11.2021
Принята к публикации: 17.12.2021

The article was submitted: 15.11.2021
Approved after reviewing: 30.11.2021
Accepted for publication: 17.12.2021

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 57–69.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2021. Issue 4 (8). P. 57–69.

Научная статья
УДК 94(97)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-57-69

У ВОЙНЫ – ЖЕНСКОЕ ЛИЦО. ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945)

Александра Геннадьевна Колесникова

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kolesnikova.alex@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – выявить основные черты, из которых складывается образ женщины на больших экранах СССР периода Великой отечественной войны. В последние годы чрезвычайно вырос интерес исследователей (историков, искусствоведов и культурологов) к гендерной проблеме и женским образам в военном киноискусстве.

В статье проводится краткий анализ художественных фильмов, снятых советскими режиссерами непосредственно в годы Великой Отечественной войны и в основном вошедших в так называемые «Военные киносборники» (серии военных новелл, характеризующиеся быстрой актуализацией и интерпретацией текущих трагических событий войны). Опираясь на методы военной антропологии, визуальной антропологии и имагологического базиса, определяется образ советской женщины, а также механизмы его репрезентации, отвечающие историческим условиям военного времени в СССР.

Образ женщины в советском военном кино коррелирует с плакатной культурой периода, является центральным, опорным символом для раскрытия и интерпретации как других персонажей фильма, так и общих, мотивирующих общество на борьбу с врагом, сюжетных смыслов. Женские персонажи сплетаются в единый, сложный и многоаспектный образ, который характеризуется чертами Матери, Жены, Дитя, Родины, Бога (под которым понимается Женское Сакральное). Образ женщины в военном кино является ключевым для изучения и параллельного образа – врага, противника, предателя, фигуры, противостоящей Женщине на войне. Фильмы с опорным женским образом снимаются весь военный период, чаще всего, они посвящены теме оккупации и начальному периоду Великой Отечественной войны, как наиболее тяжелому и трагическому временному отрезку.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, образ женщины, советский художественный кинематограф, женщина и война.

Для цитирования: Колесникова А. Г. У войны – женское лицо. Образ женщины в советском художественном кино периода Великой Отечественной войны (1941 – 1945) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 57–69. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-57-69.

Сведения об авторе: *А. Г. Колесникова* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6.

© Колесникова А. Г., 2021

Scientific Article
UDC 94(97)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-57-69

THE WOMANLY FACE OF WAR. THE IMAGE OF A WOMAN IN SOVIET FEATURE FILMS DUR-ING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941 – 1945)

Aleksandra G. Kolesnikova

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kolesnikova.alex@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the main features that make up the image of a woman on the «big screens» of the USSR during the Great Patriotic War. In recent years, the interest of researchers (historians, art historians and cultural studies scholars) to the gender issue, female images in military cinema has grown enormously.

The article provides an analysis of feature films made by Soviet directors during the Great Patriotic War and mainly included in the so-called "Military Film Collections" (a series of military novels characterized by rapid actualization and interpretation of the current tragic events of the war). Based on the methods of military anthropology, visual anthropology and ideological basis, the author determines the image of a Soviet woman as well as the mechanisms of its representation that meet the historical conditions of wartime in the USSR. The image of a woman in Soviet military cinema correlates with the poster culture of the period. It is a central, supporting symbol for the disclosure and interpretation of both other characters in the film and general motivating society to fight the enemy plot meanings. The image of a woman in military cinema is key to the study of a parallel image – an enemy, an opponent, a traitor, a figure opposing Woman in war. Films with an operatic female image are shot throughout the war period, most often they are devoted to the theme of occupation and the beginning period of the Great Patriotic War, as the most difficult and tragic time.

Keywords: The Great Patriotic War, image of a woman, Soviet feature film cinematography, woman and war.

For citation: Kolesnikova, AG 2021, 'The womanly face of war. The image of a woman in Soviet feature films during the Great Patriotic War (1941 – 1945)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4(8), pp. 57–69, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-57-69 (in Russ.)

Information about the Author: *Aleksandra G. Kolesnikova* – PhD in History, Associate Professor of the Department of Russian History of modern times, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya square, Moscow, 125047, Russia.

© Kolesnikova A. G., 2021

В статье выявляется образ женщины, каким он визуализирован в советском художественном кинематографе периода Великой Отечественной войны. В задачи данного исследования входят определение и анализ актуального образа женщины в кинокартинах, снятых за военные годы (1941 – 1945).

Советские киностудии из оккупированных немцами областей или прифронтовых зон были спешно эвакуированы на восток, в Среднюю Азию. Так, киностудии «Ленфильм» и «Мосфильм» оказались в Алма-Ате, а работники Киевской студии были отправлены в Ашхабад. Кроме того, было создано кинообъединение ЦОКС – Центральная Объединенная киностудия. Плоды творческих усилий ЦОКС нашли отражение в кинолентах, которые несли на себе печать военного времени.

Источниковая база исследования включает в себя опубликованные документы по истории отечественной киноотрасли [3; 9], воспоминания работников киноискусства [6; 9; 13], а также фильмографию из 10 военных кинокартин, снятых в период с 1941 по 1946 годы.

Историография статьи – это комплекс научной литературы по киноведению [5; 8; 10; 11; 16], а также современные исторические и культурологические исследования в русле военной антропологии, социальной истории и имагологии [1; 2; 4; 7; 10; 12; 14; 15; 17; 18]. В современной научной литературе на данный момент широко представлена гендерная и имагологическая проблематика в контексте истории СССР, но внимания проблеме женского образа в военном кино периода Великой Отечественной войны уделено не было.

В военные годы на первый план для каждого советского человека выходит борьба страны за суверенность, свободу и национальную независимость. Мобилизация общества и поддержание морального духа советских людей - вот основные задачи советского искусства, и в особенности – кино. В первые военные месяцы подверглись пересмотру и были изменены планы производства художественных фильмов: спешно вычеркивались кинопроизведения на темы, не имеющие прямой взаимосвязи с защитой Родины. Несмотря на эвакуационный период, съемки ранее начатых фильмов не прекращались ни на один день [9, с. 92]

В тяжелейших условиях советского тыла, в то время, когда основные киностудии СССР были эвакуированы, советское киноискусство смогло направить весь свой творческий потенциал на актуализацию темы защиты Родины. Первые вышедшие военные киноленты демонстрируют стремление работников киноиндустрии зафиксировать в кадре и передать большую часть фронтовых событий. Таким образом, появляется целое направление жанровой кинематографии – военные киносборники, состоящие в основном из небольших по кадру военных новелл. В работе над ними участвовали такие известные советские режиссеры, как Б. Барнет, В. Петров, С. Герасимов, И. Пырьев, М. Ромм, А. Столпер, Ф. Эрмлер. Снискавшие народную любовь актеры и актрисы – Н. Крючков, Л. Орлова, Л. Серова, М. Ладынина, А. Зуева, М. Жаров – принимали самое активное участие в процессе военного кинопроизводства.

«Боевые киносборники» в начале войны состояли, как правило, из нескольких короткометражных драматических новелл и кинокарикатур, посвященных событиям на фронте [8, с. 311–312]. В этих картинах как художественный метод применялась антитеза: параллельно показывались героизм и самопожертвование советских людей на фронте и в тылу, изобличались и высмеивались гитлеровцы [10, с. 93].

Женским образам в военных фильмах отводилась немалая часть сюжета. Во-первых, традиционно образ Родины в нашем геополитическом пространстве характеризуется женским архетипажом. В советской военной пропаганде женские образы являются основным визуальным маркером воздействия на общественное сознание. Достаточно вспомнить наибоолее известные плакаты Великой Отечественной войны:

«Воин Красной Армии, спаси!», «Родина-мать зовет!», «Отомсти!», где основу сюжетного поля представляет женщина (женщина-мать, женщина-супруга, женщина-сестра, дочь, подруга) [14, с. 176, ил. 1-8]. Действительно, война во все времена считалась уделом мужчин, в то время как роль женщины традиционна и является сугубо мирной – дарить жизнь, хранить семейный очаг, заботиться о детях. Средства пропаганды умело используют женские образы как мотивационную составляющую для фронтовиков, как некую духовную опору для всех советских людей [15, с. 15; 7, с. 82]. Таким образом, женские персонажи в кинематографии периода Великой Отечественной войны неслучайны: они несут колоссальный смысловой и эмоциональный посыл, апеллируют к образу Родины, заставляют советских людей увидеть грани этого образа через призму отдельных женских характеров.

Рассмотрим несколько наиболее заметных короткометражных и полноэкранных художественных фильмов, в которых присутствует образ женщины на войне (вне зависимости от того, есть ли в ее руках оружие, или нет).

Представляются интересными два короткометражных фильма, снятых по сценарию Л. Леонова: «Трое в воронке» («Боевой киносборник» № 1) и «Пир в Жермунке» («Боевой киносборник» № 6).

Что касается кинокартины «Трое в воронке», то она снята как агитфильм. Это драматический этюд, основная идея которого - противопоставить высокие моральные качества советских военных фашистским захватчикам [12, с. 31]. Сюжет картины незамысловат: после боя, в воронке от взрыва оказываются трое главных персонажей фильма: раненый советский солдат, немецкий офицер и медсестра. Советская медсестра оказывает помощь раненым, в том числе, и немецкому офицеру. Здесь имеет место явное обращение авторов фильма к общим гуманистическим принципам. Немец стреляет в медсестру, однако девушку спасает красноармеец, решительно убивая гитлеровца. Женский образ в этом фильме представлен персонажем полевой медсестры, даже санитарки. Девушка больше похожа на юношу: коротенькие волосы, решительный взгляд. Однако, проявление милосердия к врагу – чисто женское качество. Медсестра – это классическая роль женщины на войне, однако, схематичность образа не дает в полной мере раскрыться именно гендерной его составляющей.

Второй короткометражный фильм – это новелла «Пир в Жермунке». Картина по праву считается одним из лучших образцов кинодрамы Великой Отечественной войны.

Как и в ряде военных фильмов этого периода, сюжет здесь основан на реальных событиях и собран по крупицам в материалах Советского Информбюро. К одной из советских деревень приближаются немецкие войска. Все, кто способен держать в руках оружие, уходят в лес и организовывают партизанский отряд. В обезлюдевшей деревне остается пожилая крестьянка Прасковья. Она жестоко мстит гитлеровцам, подавая им отравленную пищу. Тема возмездия возникает в советском военном кино и стойко переходит в нем из фильма в фильм. Прасковья вынуждена сама поучаствовать в этом «пиру», вкусив отравленные ею же блюда. Индивидуальное проявление героизма здесь является ярким примером самопожертвования. Л. Леонов в своем сценарии к фильму смог выразить великую силу советского патриотизма именно через яркий женский образ. Кроме того, показано, как меняется Прасковья: как тепло она настроена по отношению к односельчанам, и как застывает и суровеет ее приветливое лицо при виде гитлеровцев. В образе старушки-крестьянки ярко раскрыт образ Родины, защищающей своих детей, жертвующей всем, что у нее осталось – жизнью, чтобы дать возможность выжить другим. Ее жертва принята, ее подвиг послужил мощным мотиватором для односельчан: освободившие деревню партизаны находят на крыльце погибшую женщину и клянутся жестоко отомстить врагу.

Прасковью в этом фильме блестяще сыграла «бабушка-сказительница» всех советских сказок, актриса А. Зуева; созданный ею образ глубок, максимально реалистичен и отсылает зрителя к старинным образцам исконно русской героики.

«Боевые киносборники» постепенно заменяются «широким метром» - полноценными художественными картинами, в которых отражались трагические события Великой Отечественной войны. Полнометражные фильмы также содержат в себе яркие женские роли, складывающиеся в единый, цельный образ.

Кинофильм режиссера И. Пырьева «Секретарь райкома» (ЦОКС, 1942) запечатлел героическую борьбу советских людей на временно оккупированной немцами территории [8, с. 16]. В то время, когда снимался фильм, перелом в ходе ВОВ еще не наступил, но в этом фильме уже проявляется уверенность в победе над фашизмом. Эта уверенность, по мысли авторов картины, должна была передаваться советским людям. Здесь можно выделить женский образ, блестяще созданный актрисой М. Ладыниной – связистку Наташу. Она молода, порывиста, обаятельна, в каждом ее действии – стремление к подвигу на благо советской Родины. Несмотря на то, что она не распознала немецкого разведчика в спасенном партизанами танкисте Орлове (даже занимаясь с ним и обучая его тонкостям радиосвязи), Наташа уверенно может быть включена в наиболее «молодые» грани образа женщины.

Фильм «Секретарь райкома» по праву стал общественным достоянием и пользовался успехом у зрителей на протяжении не одного десятка лет.

Еще один известный военный фильм – «Она защищает Родину» (ЦОКС, 1943). Сюжет картины посвящен судьбе одной из участниц партизанского движения – колхозницы Прасковьи Лукьяновой. Ее глубокий образ мастерски воплотила советская актриса В. Марецкая. Главной героиней фильма является советская трактористка - счастливая женщина, у которой есть дружная семья (любящий муж и маленький сынишка), уважение односельчан.

Война рушит счастливую жизнь главной героини: на фронте погибает ее муж, маленький сын оказывается трагически раздавлен гусеницей немецкого танка. Когда у человека отнимается все, что он любит, остается только то, во что он верит. У Прасковьи в одночасье отнимается все то, что составляет внутренний стержень любой женщины, то, ради чего она существует. В кадре показан глубокий трагизм в эволюции женского образа: молодая колхозница превращается в обезумевшею от боли и гнева, взывающую к возмездию, старуху. Так цветущая родная земля под гусеницами немецких танков и массовыми бомбардировками становится безжизненной пустыней. Создатели фильма апеллируют к образу Родины, используя все возможные художественные средства обращения к зрителю.

Прасковья Лукьянова находит в себе силы оправиться от страшного горя, в которое погружает ее война. Женщина находит себя в мести немецким оккупантам, поднимая на борьбу с врагом своих односельчан [8, с. 318].

Образ Прасковьи Лукьяновой был высоко оценен в отечественном киноведении; он по праву принадлежит к лучшим образцам советского киноискусства. В характере и судьбе главной героини фильма «Она защищает Родину» выражен жизненный путь многих советских партизанок, в нем показана трагедия страны именно в фокусе женского архетипажа. Прасковья, как и ее разоренная страна, находит в себе силы подняться на борьбу с врагом: выстоять, отомстить, победить.

Одним из наиболее значимых кинопроизведений военного времени является фильм «Радуга», который был снят в 1943 г. режиссером М. Донским на Киевской киностудии художественных фильмов по повести известной советской писательницы В. Василевской [6, с. 25].

Повесть «Радуга» была написана на начальном этапе Великой Отечественной войны, когда на оккупированных территориях только начиналось становление партизанского движения. В повести показана жизнь украинского села под властью немецко-фашистских оккупантов. Кинорежиссер М. Донской видел главную задачу в разоблачении идей нацизма, и его фильм «Радуга» призывал в первую очередь к возмездию (режиссера даже упрекали за натурализм в изображении сцен морального и физического насилия, которому фашисты подвергали беспомощных людей, оказавшихся в их власти). Мастерски реконструированные в фильме сцены избиения советских военнопленных воспринимаются как подлинные и именно поэтому имеют огромную силу эмоционального воздействия [10, с. 94].

В фильме «Радуга» присутствует целый калейдоскоп ярких женских персонажей.

Актриса Н. Ужвий блестяще воплотила образ партизанки Олены Костюк – простой советской женщины, ставшей на трудный путь подпольной борьбы с оккупационным режимом. Олена мужественно перенесла нечеловеческие пытки и смерть ребенка, не предав своих товарищей по оружию. Этот женский образ глубок и колоритен несмотря на то, что он оказался органично вписан в уже намеченные схемы образа партизанки Прасковьи Лукьяновой из рассмотренного выше кинофильма «Она защищает Родину».

Также интересен персонаж Федосьи Кравчук (Е. Тяпкина) - женщины скрытной и замкнутой, гордо и молча перенесшей страшное горе (потерю сына). Именно Федосья останавливает начавшийся самосуд над немцами при подходе советских войск. Она вынуждена терпеть в своем доме присутствие немецкого карателя и прислуживать его любовнице – Пусе. Персонаж Пуси включает механизм антитезы с персонажами женщин-партизанок. Основу характеристики этого образа составляют такие социально неодобряемые черты, как трусость, жадность, себялюбие. Ее действия по сюжету картины – это попытка приспособиться к новому режиму, враждебному для советского государства и общества, в какой-то мере послужить ему.

В этом фильме женщины молчат: на допросах, в разговорах с немецким комендантом, хороня своих детей. Главные героини как бы сплелись в безмолвии невысказанной непримиримости, ожесточенной ненависти к врагу.

Стойкость и героизм советских людей в борьбе с фашистскими захватчиками на прифронтовых зонах, подвергшихся частичной или полной оккупации, получили яркое художественное воплощение в фильме «Нашествие», снятом кинорежиссером А. Роомом по одноименной пьесе Л. Леонова в 1944 году. Кинокартина «Нашествие» была создана в рамках работы кинообъединения ЦОКС (Алма-Ата, 1944) и отражает события первого этапа войны. Однако вышла она на большие экраны уже в феврале 1945 года [8, с. 322].

В фильме «Нашествие» в центре сюжета находится семья Талановых, а действие происходит в оккупированном немцами городе.

Интересны женские персонажи этого фильма: Анна Николаевна и Ольга Талановы, а также нянька Демидьевна. Мать и сестра главного героя – вернувшегося из заключения, потерявшегося в жизни – показаны сильными женщинами, связанными с партизанским подпольем. Они ждут от Федора Таланова исправления и поддержки народной борьбы. Однако, и мать, и сестра, не доверяют ему до конца, боясь его прошлого (а оно явно связано с репрессиями). Тем не менее они не удивлены последовавшим личным подвигом этого человека, они как бы ждали его. Личный поступок Таланова (выстрел в немецкого коменданта и выдача себя вместо партизана Колесникова) возвращает ему доброе имя, воскрешает его в качестве сына своей Родины. К этому подвигу подталкивает его и старая нянька Демидьевна. На его горькие слова о том, что он продрог от жизни своей, старая нянька отвечает: «Тебе б самую

какую б то ни есть шинельку солдатскую. Она шибче тысячных бобров согреет. Да в самый огонь с головой». Окончательно «просыпается» главный герой, видя опять же позорное надругательство фашистов над женским – истерзанную Аниску, внучку Демидьевны. Женские типажи здесь, таким образом, являются опорным каркасом раскрытия характера главного героя, пусть и запутавшегося, но все же сына своей Отчизны. Сам Федор Таланов как бы подтверждает это на допросе, говоря, что он – русский и защищает свою Родину [17, с. 57–68].

Потрясающе сильный женский образ был создан в кинокартине «Человек № 217», снятой М. Роммом и вышедшей лишь в 1945 году. К созданию этой картины режиссера во многом сподвигли встречи с молодыми людьми, побывавшими в немецком плену и угнанными на работы в Германию. По воспоминаниям режиссера, его поразило то, как плохо и болезненно выглядели несчастные советские девушки, побывавшие в остербайтерстве, как мучительно было видеть их преждевременное старение, как источены были эти плодоносные ростки заразой идеи превосходства арийской расы [14, с. 65]. Основное действие фильма происходит в Германии, в центре сюжета советская девушка Таня Крылова (актриса Е. Кузьмина), угнанная в «домашнее рабство» в семью бакалейщика Крауса.

Вместе с ней в рабстве оказался советский математик Сергей Иванович, который и предлагает Тане план побега. Далее по сюжету, ученого жестоко избивают палкой по голове, чтоб не писал свои «бумажки», а затем и вовсе убивают. Больная и измученная Таня совершает возмездие, убивая ножом немецкого офицера Курта. Простая девушка, хрупкая, отчаявшаяся, больная, просто человек № 217 для своих «хозяев» смело выносит приговор фашисту, жестоко убившему профессора математики. Ей и ее подруге Клаве удается бежать из немецкого плена. Оказавшись на Родине, Таня не собирается ничего забывать. «Я не хочу забывать ничего. Ничего! Слышите?» - говорит Таня перед побегом Сергею Ивановичу. Еще одна черта женского образа в военном кино – это апелляция к памяти, увековечиванию тяжелого, трагического опыта войны [7, с. 82]. Эта черта присутствует практически во всех кинолентах, но особенно выразительна в кинокартине М. Ромма.

Фильм «Человек №217» занимает особое место в череде военных кинокартин: он запечатлел движение советского киноискусства от «Боевых киносборников» к зрелым фильмам войны [8, с. 324].

Один из самых ярких женских образов военного кино, перекликающийся во многом с Прасковьей («Она защищает Родину»), это образ молодой учительницы Вари (кинокартина «Однажды ночью»), соединивший в себе схематику зрелого женского архетипажа и тонких, нежных полудетских черт. Фильм Б. Барнета «Однажды ночью» вышел уже в мае 1945 года. Главную женскую роль здесь блестяще исполнила советская актриса Ирина Радченко. В соответствии с сюжетной линией, юная Варя помогает раненым советским летчикам, самолет которых оказался подбит над оккупированным городом. Бойцов ищет немецкая администрация. На помощь им приходит девушка Варя, которая, потеряв семью, вынуждена работать уборщицей в немецкой комендатуре. Варя прячет летчиков на чердаке одного из полуразрушенных домов [8, с. 325].

Девушка втайне снабжает летчиков провизией и медикаментами. Одиночество Вари разрушено этим событием: теперь ей есть с кем поговорить и кому помочь. С одной стороны, налицо черты образа Родины (помощь, материнская забота, защита и опека пострадавших бойцов), с другой – зрителям представляется совсем дитя, женщина-ребенок (Варя гримасничает, хихикает, одержима страхом перед неизвестностью и тьмой, в которую с каждым кадром режиссера, все глубже погружается оккупированный город). Этот женский образ нетривиален, обладает огромной силой воздействия на зрителя: он видит и материнское, и женское, и детское в персонаже Вари. И все это женское взывает о помощи, молит о ней; в конце фильма израненную девушку спасает тот, кого спасла она - один из сбитых летчиков, которому удалось уйти из этого барнетовского темного ада оккупированного города. Варя

взывает о помощи, и помощь приходит, обрушивая всю силу справедливого возмездия десятками советских авиационных бомб. Красная армия освобождает город.

Особо хочется отметить, что немецкая администрация в фильме не щадит никого: ни детей, ни увечных, ни стариков. И лишь Женщина, представленная персонажем Вари, остается в живых. Это символично и еще раз подтверждает центральное место женского образа в визуальной культуре периода Великой Отечественной войны.

Фильмы с опорным женским образом снимаются весь военный период, чаще всего, они посвящены теме оккупации и первым месяцам Великой Отечественной войны. Одним из самых известных фильмов, воспевающих подвиг советского народа в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами, является фильм «Зоя» (1944), снятый режиссером Л. Арнштамом. Он посвящен одной из многочисленных девушек-партизанок, Зое Космодемьянской и ее подвигу в самом начале Великой Отечественной войны.

В трактовке современных историков подвиг советской девушки уже не выглядит столь однозначно, однако в военные и послевоенные годы Зоя Космодемьянская была одной из ключевых фигур, раскрывающих обществу понятие героизма и высокого нравственного долга перед Родиной [11]. Официально Космодемьянская удостоилась звания Героя Советского Союза посмертно, первая из советских женщин.

Зоя Космодемьянская получила задание в составе диверсионно-разведывательной группы сжечь несколько населенных пунктов в тылу врага в Подмосковье, однако была схвачена при попытке поджога одного из домов деревни Петрищево и казнена немцами 29 ноября 1941 года.

По сюжету киноленты, её хватают до того, как она успевает поджечь сельский дом, в котором остановились немцы и живёт хозяйка с маленькой дочкой. Затем начинается допрос Зои, переходящий в избиение и пытки, а фильм переносит зрителя в прошлое, чтобы показать, как рядовая советская девочка росла и воспитывалась, как зрело в ней желание послужить Родине, и вернуться лишь к моменту казни девушки. В постановке Л. Арнштама визуализируется образ советской святой, мученицы, далекий от той схематики, в которой описывала Зою военная пропаганда. Это советская Жанна Д'Арк смотрит на зрителя из темной избы, это некий «последний аргумент» для общества, оказавшегося в трагической ситуации войны. В этой картине Зою Космодемьянскую сыграла актриса Галина Водяницкая, а сама Зоя надолго стала иконой обширного пантеона советских женщин-героев войны. Этот образ также многоаспектный, комплексный, трагический. Он сочетает в себе разные женские грани, обращается к потенциальному зрителю, мотивирует его на борьбу с врагом.

Пожалуй, одним из самых выразительных женских образов военного кино стал образ Лизы Ермоловой (В. Серова) в культовой военной драме «Жди меня», снятой А. Столпером и Б. Ивановым в 1943 году по сценарию талантливого советского писателя, поэта и публициста К. Симонова [5, с. 141].

По сюжету, лётчик Ермолов, отправляется на фронт, провожает его жена Лиза. Любовь и вера друг в друга, а также надежда на скорую встречу скрашивают разлуку. Лиза ждёт возвращения супруга, стойко перенося трудности военного времени в тылу. Жена летчика Ермолова отказывается от эвакуации и трудится на оборонном заводе. Лиза долгое время ничего не знает о судьбе мужа, не знает, что в одном из воздушных боёв самолёт Ермолова получает повреждение. Оказавшись в тылу врага, Ермолов приказывает военному фотокорреспонденту Вайнштейну, доставить в штаб плёнку с заснятыми немецкими аэродромами и пишет жене короткую записку: «Жди, вернусь». Отойдя от землянки, где остался летчик, Вайнштейн слышит звуки выстрелов. Он уверен, что друг погиб. Но Лиза не хочет верить в смерть любимого человека и по-прежнему ждёт. Её ожидания не напрасны. Спасшийся Ермолов становится командиром партизанского отряда и после долгой разлуки возвращается домой. Непреходящее значение этого женского образа – в увековечении памяти всех советских женщин, ждавших своих близких и родных с фронта в годы Великой Отечественной войны.

Женский образ в военном кино начинает меняться в фильмах, снятых в 1944–1945 годах: несмотря на наличие значительного числа военных драм, в которых еще сохраняются женские персонажи с героико-трагической составляющей, появляются и обретают народную любовь картины с более привычными довоенными женскими чертами [4, с. 58]. Они характеризуются постепенной включенностью в мирную жизнь. Действительно, после завершения коренного перелома в Великой Отечественной войне, наступившего летом 1943 года, начинается постепенное освобождение оккупированных немцами советских территорий. В воздухе витают мечты о скором окончании войны. Киноиндустрия также реагирует на это выходом картин, как бы подготавливающих общество к мирной счастливой жизни.

Часть этих фильмов, увы, выходит уже в 1944–1946 гг. Среди этих картин такие, как «В шесть часов вечера после войны», «Небесный тихоход» и «Беспокойное хозяйство».

Картина «В шесть часов вечера после войны» была снята кинорежиссером И. Пырьевым в 1944 году, этот фильм – лидер проката, его посмотрели 26,1 млн. зрителей. Режиссером кинофильма «Небесный тихоход» стал С. Тимошенко; картина снималась в 1945 году и стала лидером проката 1946 года (21, 37 млн. зрителей). Что касается «Беспокойного хозяйства», то этот фильм является самым хронологически поздним в фильмографии данного исследования: он был снят М. Жаровым и увидел свет в 1946 году. Этот фильм также стал лидером проката (его посмотрело 17,79 млн. советских зрителей) [5, с. 38, 53, 276].

Сюжет этих кинокартин касается фронтовых событий военного времени, но теперь зритель сталкивается не с драмами, а с легким жанром музыкальных комедий, так часто выходивших на большие экраны в довоенный период [4, с. 57]. Женские образы в этих фильмах уже не являются героико-драматическими; женщины здесь все также воюют, защищают и любят, но их облик, характеры и жизненные обстоятельства лежат на плоскости повседневной, привычной советскому человеку жизни.

Главная героиня «В шесть часов вечера после войны» Варя, воспитатель детского сада, милая и добрая девушка (исполняет М. Ладынина), которую совсем не огрубляет служба в зенитных войсках, которая мечтает не о возмездии фашистам, а о скорейшем налаживании мирной жизни, о семье. Ее мечты сбываются на пару часов позднее, чем в шесть вечера на Каменном мосту в родном городе, под залпы Салюта Победы в Москве. Но они сбываются и глобализируются кадрами победного салюта.

В музыкальной кинокартине «Небесный тихоход», так полюбившейся массовому зрителю, на первом плане, конечно, летчики, которые договорились не влюбляться до окончания войны, однако, интересны именно женские персонажи фильма: молодая журналистка Валя Петрова (А. Парфаньяк) и девушки-летчицы в звании старших лейтенантов, Екатерина (Л. Глазова) и Мария (Т. Алешина). Перед нами уже фактически женщина в мирное время: прически, макияж, ухоженность. В поведении этих героинь много смеха, улыбок, радости. Да, эти женские персонажи еще воюют, но возникает ощущение, что в их мыслях уже нет войны, страха, гибели товарищей. Они открыты новой, счастливой жизни, которая, по сюжету, конечно, настает.

Фильм «Беспокойное хозяйство» тоже снят в легком жанре комедии. Он повествует о буднях бутафорского военного аэродрома, призванного отвлекать на себя немецкую авиацию. Женский образ тут представлен ефрейтором Антониной Калмыковой (Л. Целиковская), берущей на себя обязанности дезинформатора перед немецким диверсантом, который пытается выяснить правду об аэродроме. С одной стороны, зрителю открываются грани женского героизма и преданности служению Родине, с другой, как и в предыдущих рассмотренных военных комедиях, налицо переходный женский образ – от войны к мирной жизни. Ефрейтор Тоня также характеризуется ухоженной внешностью, умением и желанием пошутить и посмеяться, разрешить себе любить и быть любимой, мечтая о новой и светлой жизни без войны.

Резюмируя, можно отметить, что образ женщины в игровом кино Великой отечественной войны сконструирован и показан ярко и актуально. Отдельные черты этого образа характерны также и для советского военного плаката и носят компиляционный характер.

Женский образ в военном кино является сложным и многокомпонентным.

Во-первых, он включает в себя многие черты архетипажа Родины-матери (через женские персонажи раскрывается образ находящейся в опасности, подвергающейся страшным мукам Советской Отчизны). Сонм женщин в военных новеллах сплетается в одну фигуру – Матери (помогающей, заботящейся, любящей и ждущей помощи от своих «детей», под которыми понимаются все советские люди). В эти черты вписано также и Детское, запечатленное советскими режиссерами в многочисленных трагических смертях детей главных героинь. Детское органично раскрывает не только женских персонажей, но и драматизирует всю сюжетную канву военных фильмов, обращаясь к общечеловеческим моральным установкам.

Во-вторых, женский образ раскрывается и в русле семейных ценностей и включает в себя Женское как часть семьи. Примером тому служит подвиг жен советских фронтовиков, ждущих своих мужей, «когда других не ждут, позабыв вчера». Героическое ожидание стало приметой военного времени и увековечено советским кино в персонажах верных супругов и влюбленных.

В-третьих, в женском образе проявлены и трансцендентные черты: Женское, проявляя их, являясь человечным и телесным, благодаря подвигу и самоотверженности носительниц этого Женского, выходит на некий сакральный уровень. В частности, именно на этот уровень поднята фигура Зои Космодемьянской в фильме «Зоя», который рассмотрен в данной статье. В более поздних военных фильмах специфика этого образа с характерной киновизуализацией переносится на главных женских персонажей.

Образ женщины в кино военных лет эволюционирует в зависимости от действующих пропагандистских установок, от исторической конъюнктуры и постоянно меняющейся ситуации на фронтах.

В последние военные годы женский образ начинает свое возвращение к довоенным чертам и мирным образцам. Так, Женщина в советском художественном кино, пройдя через войну, минуя все стадии развития образа (от Дитя до Матери), наконец, утвердившись в качестве Сакрального на советских экранах, опять становится женщиной.

Фильмография

1. *В шесть часов вечера после войны* : худож. фильм : [видеозапись] / реж. И. Пырьев. М.: Мосфильм, 1944 // Культура РФ : интернет-портал. URL: https://www.culture.ru/movies/2662/v-6-chasov-vechera-posle-voiny.
2. *Жди меня* : худож. фильм : [видеозапись] / реж. А. Столпер, Б. Иванов. Алма-Ата: ЦОКС, 1943 // Культура. РФ : интернет-портал. URL: https://www.culture.ru/movies/2821/zhdi-menya.
3. *Зоя* : худож. фильм : [видеозапись] / реж. Л. Арнштам. М.: Союздетфильм, 1944 // Военные фильмы 1941–1945 гг.: сайт. URL: https://kino-o-voine.ru/zoya-1944.
4. *Нашествие* : худож. фильм : [видеозапись] / реж. А. Роом, О. Жаков. Алма-Ата: ЦОКС, 1944 // Видеосервис IVI. URL: http://www.ivi.ru/watch/53126#play.
5. *Небесный тихоход* : худож. фильм : [видеозапись] / реж. С. Тимошенко. Ленинград: Ленфильм, 1945 // Военные фильмы : сайт. URL: https://voenhronika.ru/news/nebesnyj_tikhokhod_1945/2014-04-11-578 .
6. *Однажды ночью* : худож. фильм : [видеозапись] / реж. Б. Барнет. Ереван: Ереванская киностудия, 1944 // Кино СССР : [сайт]. URL: https://kino-ussr.ru/3273-odnazhdy-nochyu-1942.

7. *Она защищает Родину* : худож. фильм : [видеозапись] / реж. Ф. Эрмлер. Алма-Ата: ЦОКС, 1943 // Кинофильмы ТВ. Лучшее из мирового кинематографа : [сайт]. URL: http://kinofilms.tv/film/ona-zashhishhaet-rodinu/13075/.
8. *Радуга* : худож. фильм : [видеозапись] / реж. М. Донской. Ашхабад: Киевская киностудия худож. фильмов, 1943 // Кинофильмы ТВ. Лучшее из мирового кинематографа. URL: http://kinofilms.tv/film/raduga-1943/36929/.
9. *Секретарь райкома* : [видеозапись] / реж. И. Пырьев. Алма-Ата: ЦОКС, 1942 // Кинофильмы ТВ. Лучшее из мирового кинематографа : [сайт]. URL: http://kinofilms.tv/film/sekretar-rajkoma/13582/.
10. *Человек № 217* : худож. фильм : [видеозапись] / реж. М. Ромм. Ташкент: Ташкентская киностудия ; М.: Мосфильм, 1944 // Военные фильмы : сайт. URL: https://voenhronika.ru/news/chelovek_217_1944/2016-04-25-975.

Список источников и литературы

1. *Алюра Г.* Границы экстремального опыта: «Фронтовичка» Анны Батуриной // Филологический класс. 2013. № 4 (34). С. 98–103.
2. *Вальке А.* Гендер и национальная память о войне // Гендер по-русски: преграды и пределы : материалы международного семинара (Тверь, 10–12 сентября 2014 г.) / под ред. И. Савиной и др. Тверь: ТГУ, 2014. С. 125–135.
3. *Власть и художественная интеллигенция* : документы ЦК РКП(б)– ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с. (Россия. XX век. Документы).
4. *Грибакина Т. Э.* Конструирование образа женщины в советском кинематографе первой половины XX века // Философская мысль. 2020. № 5. С. 50–59.
5. *Домашняя синематека.* Отечественное кино. 1918–1996 : каталог игровых фильмов СССР (1918–1991), стран бывшего СССР (1991–1996) / сост. С. Землянухин, М. Сегида. М.: Дубль-Д, 1996. 520 с.
6. *Донской М.* Мастера советского кино : сб. М.: Искусство, 1973. 272 с.
7. *Завершинская Н. А.* Тематизация памяти о «женщине на войне» в современных деконструкциях событий Второй мировой войны // Южно-российский журнал социальных наук. 2016. Т. 17, № 2. С. 82–98.
8. *История отечественного кино* / М. П. Власов [и др.]; отв. ред. Л. М. Будяк. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 528 с.
9. *Кино на войне : документы и свидетельства* / авт.-сост. В. И. Фомин. М.: Материк, 2005. 944 с.
10. *Колесникова А. Г.* Образ немца в советском художественном кинематографе периода Великой Отечественной войны: к проблеме межнационального восприятия // КЛИО: журнал для ученых. 2013. № 11 (83). С. 92–95.
11. *Кун М., Явор К.* Типология женщин тыла в фильме «Дылда» // Артикульт. 2021. № 1 (41). С. 59–67.
12. *Матизен В.* Две Зои из двух эпох // Литературная газета. 2021. 10 февр. (№ 6 (6771)).
13. *Орлова А. С.* Способы воплощения «образа врага» в советском киноискусстве 1940-х годов (на материале художественных фильмов о ВОВ) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 4. С. 27–31.
14. *Ромм М. И.* Избранные произведения. В 3 т. Т. 2: О себе, о людях, о фильмах. М.: Искусство, 1982. 478 с. : ил.
15. *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 287 с.
16. *Чмелёва Д. С., Дианова Н. Ф.* Роль женщин в Великой Отечественной войне // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6–2 (57). С. 15–17.
17. *Шпагин А.* Религия войны. Субъективные заметки о богоискательстве в военном кинематографе // Искусство кино. 2005. № 5. С. 57–68.
18. *Caruth C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History. Baltimore: John's Hopkins University Press, 1996. 154 p.

Filmography

1. Pyryev, I (dir) 1944, *Six P.M. (V shest chasov vechera posle voyny)*, motion picture, Mosfilm, Moscow.
2. Stolper, A, Ivanov B (dirs) 1943, *Wait for Me (Zhdi menya)*, motion picture, Central United Film Studio (TsOKS), Alma-Ata.
3. Arnshtam, L (dir) 1944, *Zoya*, motion picture, Soyuzdetfilm, Moscow.
4. Room A, Zhakov O (dirs) 1945, *Nashestvie*, motion picture, Central United Film Studio (TsOKS), Alma-Ata.
5. Timoshenko, S (dir) 1945, *Heavenly Slug (Nebesny Tikhokhod)*, motion picture, Lenfilm, Leningrad.
6. Barnet, B (dir), 1944, *Dark Is the Night (Odnazhdy nochyu)*, motion picture, Yerevan Film Studio, Yerevan.
7. Ermler, F (dir) 1943, *Ona zashchishchayet Rodinu (She Defends the Motherland=No Greater Love)*, motion picture, Central United Film Studio (TsOKS), Alma-Ata.
8. Donskoi, M (dir) 1943, *Raduga (The Rainbow)*, motion picture, Kievskaya Kinostudiya (Kiev Film Studio), Ashgabat.
9. Pyryev, I (dir) 1942, *Sekretar' raykoma (The District Secretary=We Will Come Back)*, motion picture, Central United Film Studio (TsOKS), Alma-Ata.
10. Romm, M (dir) 1944, *Chelovek No. 217 (Girl No. 217)*, motion picture, Tashkent Studios, Tashkent; Mosfilm, Moscow.

References

1. Uliura, G 2013, 'Granitsy ekstremal'nogo opyta: «Frontovichka» Anny Baturinoy' (The borders of extreme experience: "Frontovichka" by Anna Baturina), *Filologicheskiy klass*, no. 4 (34), pp. 98–103. (in Russ.)
2. Valke, A 2014, 'Gender i natsional'naya pamyat' o voyne' (Gender and national memory of the war) in I Savina et al (eds), *Gender Po-Russki: Pregrady I Predely*, 10-12 September 2014, Tver, Tver State University publ, Tver, pp. 125–135. (in Russ.)
3. Artizov, A & Naumov, O. (comps) 1999, *'Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya: dokumenty TSK RKP(b)– VKP(b), VCHK–OGPU–NKVD o kul'turnoy politike. 1917–1953'* (The authorities and the artistic intelligentsia: documents of the Central Committee of the RCP –b)– the CPSU (b), the Cheka–OGPU-NKVD on cultural policy. 1917–1953) in Rossiya. XX vek. Dokumenty (Russia. 20th century. Documents), MFD publ, Moscow, 872 p. (in Russ.)
4. Gribakina, TE 2020, 'Konstruirovaniye obraza zhenshchiny v sovetskom kinematografe pervoy poloviny XX veka' (Creation of Female Image in Soviet Cinematography of The Early 20th Century), *Philosophical Thought*, no. 5. pp. 50–59. (in Russ.)
5. Zemlyanukhin, S & Segida, M (comps) 1996, *'Domashnyaya sinemateka. Otechestvennoye kino. 1918–1996: katalog igrovykh fil'mov SSSR (1918–1991), stran byvshego SSSR (1991–1996)' (Home cinematheque. Domestic cinema. 1918–1996: catalog of feature films of the USSR (1918–1991), countries of the former USSR (1991–1996)),* Double-D publ, Moscow, 520 p. (in Russ.)
6. Donskoi, M. 1973, *'Mastera sovetskogo kino' (Masters of Soviet Cinema),* Iskusstvo publ, Moscow, 272 p. (in Russ.)
7. Zavershinskaya, NA 2016, 'Tematizatsiya pamyati o «zhenshchine na voyne» v sovremennykh dekonstruktsiyakh sobytiy Vtoroy mirovoy voyny' (Thematization of Memory of "the Woman in the War" in Modern Deconstructions of World War II Events), *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk,* vol. 17, no. 1, pp. 82–98. (in Russ.)
8. Vlasov, MP, Budyak, LM (eds) 2005, *'Istoriya otechestvennogo kino'* (History of Russian cinema), Progress-Traditsiya publ, Moscow, 528 p. (in Russ.)
9. Fomin, VI 2005, *'Kino na voyne: dokumenty i svidetel'stva'* (Cinema at war: documents and certificates), Materik publ, Moscow, 944 p. (in Russ.)
10. Kolesnikova, AG 2013, 'Obraz nemtsa v sovetskom khudozhestvennom kinematografe perioda Velikoy Otechestvennoy voyny: k probleme mezhnatsional'nogo vospriyatiya' (The image of the

German in the Soviet art cinema of the period of the Great Patriotic War: on the problem of interethnic perception), *KLIO*, no. 11(83), pp. 92–95. (in Russ.)
11. Kuhn, M & Jawor K 2021, 'Tipologiya obrazov zhenshchin tyla v fil'me «Dylda» Kantemira Balagova' (The Typology of Female in the Rear Images in “Beanpole” Film by Kantemir Balagov), *Articult*, no. 1(41). pp. 59–67. (in Russ.)
12. Matizen, V 2021, 'Dve Zoi iz dvukh epokh' (Two Zoys from two epochs), *Literaturnaya gazeta,* 10 February, viewed 29 November 2021, https://lgz.ru/article/6-6771-10-02-2021/dve-zoi-iz-dvukh-epokh/ (in Russ.)
13. Orlova, AS 2015, 'Sposoby voploshcheniya «obraza vraga» v sovetskom kinoiskusstve 1940-kh godov (na materiale khudozhestvennykh fil'mov o VOV)' (Ways of embodying the "image of the enemy" in Soviet cinema of the 1940s (based on the material of feature films about the Second World War)), *Vestnik of Kostroma State University*, no. 4, pp. 27–31. (in Russ.)
14. Romm, MI 1982, *'Izbrannyye proizvedeniya'* (Selected works), vol. 2, O sebe, o lyudyakh, o fil'makh (About myself, about people, about films), Iskusstvo publ, Moscow. (in Russ.)
15. Senyavskaya, ES 2006, *'Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva'* (Opponents of Russia in the wars of the 20th century: The evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society), ROSSPAN publ, Moscow, 287 p. (in Russ.)
16. Chmeleva, DS & Dianova, NF 2021, 'Rol' zhenshchin v Velikoy Otechestvennoy voyne' (The role of women in the Great Patriotic War), *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 6-2 (57). pp. 15–17. (in Russ.)
17. Shpagin, A 2005, 'Religiya voyny. Sub"yektivnyye zametki o bogoiskatel'stve v voyennom kinematografe' (The religion of war. Subjective Notes on Seeking God in Military Cinematography), *Iskusstvo kino*, no. 5, pp. 57–68. (in Russ.)
18. Caruth, C 1996, *'Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History'*, Baltimore: John’s Hopkins University Press, 1996. 154 p.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2021
Одобрена после рецензирования: 15.11.2021
Принята к публикации: 17.12.2021

The article was submitted: 15.10.2021
Approved after reviewing: 15.11.2021
Accepted for publication: 17.12.2021

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 70–81.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2021. Issue 4 (8). P. 70–81.

Научная статья
УДК 811.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-70-81

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МОДЕЛИ СЕМЬИ В РАННЕМ РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТИЕ»

Юлия Игоревна Кузина

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, juliaaaaa30@yandex.ru

Аннотация. В статье характеризуется модель семьи для молодого Л. Н. Толстого, воплощённая в художественной форме в романе «Семейное счастие». Отмечается, что для раннего периода жизни Толстого семья являлась одной из главных ценностей. Именно в ней Толстой видел смысл существования. Согласно взглядам писателя на этом этапе жизни, институт семьи осмысливался им как главный источник счастья, а условием настоящей любви к супругу были дети. В настоящей работе рассматриваются лингвокультурные особенности романа при описании любовных и семейных отношений между героями. Развитие лингвокультурологического направления, в частности изучение концепта «Семья» как ментальной категории культуры, обусловило актуальность исследования. На примере отношений главных героев демонстрируются представления о семейном счастье, преобладающие в русской языковой картине мира. Через анализ поведения и чувств Маши на определённых этапах её жизни описывается несвойственное русскому народу восприятие института брака, которое находит отрицательную оценку и у самого писателя. Определено, что «Семейное счастие» – недооценённая работа Л. Н. Толстого, с которой началась серия произведений писателя, посвящённых женской философии. Маша является героиней, черты которой нашли отражение в других женских образах, созданных Толстым в дальнейшем. Сделан вывод о том, что анализируемый роман обладает лингвокультурологическим потенциалом, который определён традициями русской лингвокультуры.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, язык, культура, лингвокульторология, семья, понимание, концепт.

Для цитирования: Кузина Ю. И. Вербализация представлений о модели семьи в раннем романе Л. Н. Толстого «Семейное счастие»// Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 70–81. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-70-81

Сведения об авторе: *Ю. И. Кузина* – студент 3 курса факультета русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

© Кузина Ю. И., 2021

Scientific Article
UDC 811.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-70-81

VERBALIZATION OF IDEAS ABOUT THE FAMILY MODEL IN THE EARLY NOVEL "FAMILY HAPPINESS" BY LEO TOLSTOY

Yulia I. Kuzina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, juliaaaaa30@yandex.ru

Abstract. The article characterizes the model of the family for the young Leo Tolstoy, embodied in the artistic form in the novel «Family Happiness». The author notes that for the early period of Tolstoy's life the family was one of the main values. It was in the family that Tolstoy saw the meaning of existence. According to the writer at this stage of his life, the institution of the family was the main source of happiness, and the condition of true love for the spouse were children. This paper considers the linguistic and cultural specificities of the novel in describing love and family relationships between the characters. The development of linguocultural direction, in particular the study of the concept "Family" as a mental category of culture, determined the relevance of the research. On the example of the relations of the main characters Tolstoy demonstrated the notions of family happiness, which prevail in the Russian language picture of the world. Through the analysis of Masha's behavior and feelings at certain stages of her life the author of the article describes the perception of the institution of marriage, which is not typical of the Russian people and which Tolstoy himself evaluates negatively. The work determined that "Family Happiness" is an underrated work of Leo Tolstoy, which started a series of works by the writer, devoted to the philosophy of women. Masha is the heroine, whose features are reflected in other female characters created by Tolstoy in the future. The article concluded that the analyzed novel has linguocultural potential, determined by the traditions of Russian linguoculture.

Keywords: Leo Tolstoy, language, culture, linguoculturology, family, comprehension, concept.

For citation: Kuzina, YI 2021, ‘Verbalization of ideas about the family model in the early novel "Family Happiness" by Leo Tolstoy’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4(8), pp. 70–81, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-70-81 (in Russ.)

Information about the Author: *Yulia I. Kuzina* – 3rd year student of the Department of Russian Philology and Records Management, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia.

© Kuzina Yu. I., 2021

«Семейное счастие» – уникальное и неоднозначное произведение Льва Николаевича Толстого, впервые напечатанное в журнале «Русский вестник» в 1859 г. До сих пор ведутся споры относительно его жанрового своеобразия. Опираясь на сравнительно небольшой объём и незамысловатый сюжет, в центре которого частная жизнь двух людей, отношения между мужчиной и женщиной на разных этапах своего развития, одни учёные относят «Семейное счастие» к повести (так считают, например, Г. М. Ребель, Н. Н. Гусев, В. Г. Щукин, И. Н. Сухих). Некоторые исследователи, вслед за самим автором, называют это произведение романом (такой точки зрения придерживаются М. М. Бахтин, Б. И. Бурсов, В. Б. Шкловский и другие).

Спорное мнение у учёных и по поводу вопроса о том, какие события в жизни автора и/или другие литературные труды других авторов сказались на написании романа. Исследователи творчества Л. Н. Толстого замечают, что в основе «Семейного счастия» лежат отношения писателя и В. В. Арсеньевой, родственницей Тургеневых.

В 1853 г. у девушки умерла мать, через три года – отец. Опекуном 20-летней Валерии, её двух младших сестёр и одного брата был Лев Николаевич Толстой. Он часто посещал родовое имение Арсеньевых в Судакове. Вскоре отношения между Толстым и юной Валерией переросли в нечто большее. О. Ю. Сафонова пишет: «Летом 1856 г. у него начался роман с Валерией Владимировной. Толстой намеревался жениться. Обсуждал предполагаемый брак с родственниками и близкими людьми» [4, с. 158]. Однако свадьба всё же не состоялась. В 1857 г. Лев Николаевич отправился за границу.

Также существуют версии, согласно которым на «Семейное счастие» повлияли литературные произведения других авторов. Многие исследователи отмечают воздействие И. С. Тургенева. Например, Б. М. Эйхенбаум обозначает следующее: «Он пишет «Семейное счастие», точно соперничая с Тургеневым, но и неизбежно подчиняясь ему в тех местах, где сделан нажим на стиль. Самая «форма» романа — записки женщины о своей жизни – явилась, по-видимому, в результате замены конкретного материала стилем («поэма»); лишним толчком к этому могли послужить и книга Мишле, и повести Тургенева. Так получились неорганические сочетания стилей: рядом с чисто-толстовской предметностью и конкретностью деталей, не согласующейся с формой записок, оказываются лирические пейзажи в духе Тургенева или Тютчева» [9, с. 335].

Есть версия, что на Толстого оказала влияние повесть Н. М. Карамзина «Юлия», где повествуется о душевных чувствах главной героини, которые якобы можно сопоставить с эмоциями и переживаниями Маши.

А. Ю. Саркисова указывает на взаимосвязь «Семейного счастия» Толстого и английского романа XVIII – XIX веков: «Семейные отношения находятся в центре внимания в романе «Семейное счастие», что знаменует глубокую, концептуальную связь этико-эстетических поисков молодого Толстого с богатой английской традицией [3, с. 78].

При более детальном изучении причин, сказавшихся на написании романа, можно выделить ещё ряд факторов. Однако не будем останавливаться на этом подробно.

И, наконец, неоднозначность «Семейного счастия» заключается в отношении к роману. От большинства критиков роман получил нелестные отзывы. Например, В. П. Боткин считал, что произведение «исполнено какого-то холодного блеска и ничто не трогает ни мысли, ни чувства», а «неудача вызвана не языком, а «неясностью первоначальной мысли», «напряженным пуританизмом в воззрении» [8, с. 307]. При этом Боткин после корректуры второй части романа отмечал, что произведение всё же прекрасное, наполненное глубоким смыслом. Мнение самого автора о собственном творении колеблется от момента завершения написания до издания романа. Толстой

был разочарован «Семейным счастием». Он и думал о печатании произведения под псевдонимом, и просил В. П. Боткина не печатать вторую часть, и называл роман «постыдной гадостью». Думаем, проблема оценки этого произведения самим автором заслуживает отдельной работы и более глубоко рассмотрения.

Таким образом, «Семейное счастие» – это маленький роман Льва Николаевича Толстого, о различных сторонах которого можно спорить и рассуждать очень долго, однако, на наш взгляд, в нём есть одна составляющая, являющаяся неопровержимой и убедительной, – это смысловая направленность, исходный посыл автора об институте семьи.

Цель исследования – выявление способов вербализации понятия «семья» в романе Л. Н. Толстого «Семейное счастие».

Материалом работы послужил роман Л. Н. Толстого «Семейное счастие». Выбор практического материала обусловлен поражающим своим величием масштабом личности писателя в аспектах изучения русского языка, культуры и литературы, а также высокой значимостью исследования универсального концепта «Семья» для лингвокультурологии.

Как известно, формирование языковой картины мира происходит в соответствии с традициями культуры, национальным менталитетом и мировосприятием народа. Личность Л. Н. Толстого, его мировоззрение, взгляды на разные стороны жизни человека – это всё то, что заслуживает большого интереса, внимания и осмысления среди современников.

Рассмотрим более подробно отношение Толстого к семье и браку. Г. В. Токарев следующим образом подчёркивает восприятие Толстым института брака: «Толстой же в конце своей жизни отрицает брак, считая его маскировкой формы блуда. Вместе с тем он порицает развод, поскольку он создаёт условия для совершения других аморальных поступков» [6, с. 145]. Однако, благодаря комплексному подходу Г. В. Токарева к исследованию взглядов Л. Н. Толстого на этот социальный институт, мы понимаем, что в ранний период жизни семья и её ценность трактовались Толстым иначе. Григорий Валериевич пишет: «Он понимал их как сферу, спасающую человека от дисгармонии, уныния, греха, помогающую обрести смысл жизни. Семья понималась Толстым как главное предназначение человека» [6, с. 145].

Можно утверждать, что «Семейное счастие» – это роман, написанный в ранний период жизни Толстого, когда в его сознании семья была основой счастливой жизни и главным смыслом существования.

На наш взгляд, ярче всего семейные идеалы молодого Толстого отражаются в последнем предложении романа, когда Маша, пройдя путь духовных исканий, начинает испытывать к своему мужу глубокое чувство любви как к отцу своих детей: *С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я ещё не прожила в настоящую минуту*... (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 143]. Автор отчётливо показывает, как лёгкая и пылкая влюблённость сменяется серьёзным и настоящим чувством любви. Толстой использует контраст, сравнивая как будто две разные жизни.

При описании ушедшего чувства писатель обращается к таким образам, как *кончился роман*, *старое чувство*, *невозвратимое воспоминание* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 143]. Выбранные номинации вербализуют базовые образы «грусть» и «печаль». Представление о новой жизни строится с помощью следующих единиц: *чувство любви к детям и отцу моих детей*, *счастливая жизнь* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 143].

Отдельно обратимся к тому, как именно Толстой называет этапы взаимоотношений героев. Первый – *роман* ‘разг. любовные отношения между мужчиной и женщиной’ [5, Т. 3, с. 729–730]. В русской лингвокультурной общности *роман* в приведённом значении продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации. Новая жизнь – это *счастливая жизнь* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 143]. Толстой как бы даёт оценку происходящему, подвергает измерению семейный аспект жизни человека. Состояние Маши характеризуется словом *любовь* ‘чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.’ [5, Т. 2, с. 209].

Мы отчётливо видим противопоставление между восприятием Сергея Михайловича Машей в первый период их близких отношений, когда он был для неё примером, смыслом существования и неким идеалом, и последующий, когда чувства не ушли, а просто изменились. На наш взгляд, Маша всегда желала жить проблемами мужа. Когда это не получалось, девушке становилось скучно, и она искала радость в светском существовании. К завершению произведения героиня подходит уже с другими мыслями о своём супруге. Теперь любовь к Сергею Михайловичу связана не просто с его личность и её обожествлением. Главным связующим звеном между супругами становятся дети.

Итак, Лев Николаевич Толстой считает детей самым важным условием семейного счастья. Именно в такой модели семьи молодой Толстой видит смысл бытия. Эти мысли находят своё отражение в русской лингвокультуре. В сборнике В. Даля «Пословицы русского народа» можно встретить такие выражения: *«Дети – благодать божья»* [2, Т. 1, с. 331], *«У кого детей много, тот не забыт от бога»* [2, Т. 1, с. 331], *«У кого детки, у того и ягодки»* [2, Т. 1, с. 336], *«Слава богу, не без доли: хлеба нету, так дети есть»* [2, Т. 1, с. 72]. В обыденной жизни мы часто слышим, что дети – это смысл жизни, дети – цветы жизни и дети – самое главное в семье.

Проанализировав главную идею о модели семьи молодого Л. Н. Толстого, ярко выраженную в последнем предложении романа «Семейное счастие», далее мы обратимся к началу произведения. Проведём исследование, основанное на лингвокультурологическом подходе, о представлениях модели семьи для русского народа в том направлении, которое будет тожественно с путём нравственного становления главной героини и понимания ею настоящего семейного счастья.

Роман начинается так: *Мы носили траур по матери, которая умерла осенью, и жили всю зиму в деревне, одни с Катей и Соней. Катя была старый друг дома, гувернантка, вынянчившая всех нас, и которую я помнила и любила с тех пор, как себя помнила. Соня была моя меньшая сестра.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 67]. С первых строк произведения мы видим языковые единицы с архисемой ‘семейные отношения’ семантического поля концепта «Семья»: *мать*, *сестра*, *старый друг дома*, *гувернантка* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 67]. Последние два понятия также отнесём к нашему списку. Во-первых, по тексту ясно, что гувернантка Катя – это близкий человек главной героини и её сестры, которая их *вынянчила*, которую Маша *любит* с тех пор. Во-вторых, из истории известно: так как отношения во многих знатных семьях между родителями и детьми не имели достаточно крепкой связи, няня или гувернантка, человек, который постоянно находился с ребёнком, имела огромное значение на формировании духовно-нравственных качеств детей.

Символично, что сюжет разворачивается зимой. Толстой, описывая это время года, употребляет такие единицы: *мрачная и грустная зима*, *зиму…убиваю в деревне, перед концом зимы это чувство тоски одиночества и просто скуки увеличилось…* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 67]. Образ зимы в русской языковой картине мира очень интересен. Номинация *зима* продуцирует негативные коннотации. *Зима* для русского народа – это не только ‘время года’. Её образу также присущи

такие ассоциации, как ‘несчастье’, ‘беда’, ‘одиночество’, ‘лютая’, ‘суровая’. Исторически сложилось, что зимняя обстановка соотносится с покоем и смертью, долгим сном и длинной дорогой, тоской и печалью.

Невозможно не сказать, как мастерски Толстой на протяжении всего романа с помощью языковых средств вербализует образы времён года, бытующие в сознании русского человека. Отчётливо видно, что все печальные события, размолвки и недопонимания между героями происходят именно зимой. Весной же Толстой пишет о каких-либо радостных жизненных моментах.

Зима в дальнейшем опять сопровождается отрицательными коннотациями (*пришла зима с своими холодами и метелями, и я…начинала чувствовать себя одинокою* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 110]). Во время ссоры Марьи Александровны с мужем на страницах романа снова появляются отсылки к образу зимы: *…нечем ему было упрекнуть меня за всю эту зиму.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 121].

Про весну в романе можно увидеть следующее: *Между тем пришла весна. Прежняя тоска моя прошла и заменилась весеннею мечтательною тоскою непонятных надежд и желаний.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 73]. Осознание настоящего семейного счастья Маше приходит также именно весной: *Опять нынешнюю весну…* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 137].

Почти с самого начала повествования на страницах романа появляется Сергей Михайлович – опекун: *В марте приехал опекун.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 68]. В русской лингвокультуре положение опекуна было и остаётся аналогично положению родителей. Толстой использует следующие номинации, относящиеся к концепту «Дружба»: *близкий сосед наш* и *друг покойного отца* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 68]. В нашем тексте образ Сергея Михайловича своей семантикой уже уходит из поля дружеских отношений и приобретает значимость в функционально-ролевой структуре семейных отношений.

Маша следующим образом вспоминает восприятие Сергея Михайловича в своём детстве: *Она* [мать Маши] *сказала, что такого мужа желала бы для меня. Тогда мне это показалось удивительно и даже неприятно; герой мой был совсем другой.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 68]. Если в «Домострое», памятнике русской литературы XVI в., мы можем найти главу «Как воспитать дочерей и с приданым замуж выдать», где в самом названии употребляется выражение *замуж выдать* [1, с. 158–159], то уже к эпохе Л. Н. Толстого эта тенденция начинает ослабевать. Начинает наблюдаться стремление к самоопределению. Оно отражается в таких языковых единицах: *желала бы*, *неприятно*, *герой мой был совсем другой* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 68]. В последних единицах ярко выражается позиция самой девушки о желании матери и подчёркивается большая желаемая самостоятельность в выборе супруга.

При разговоре Сони, Маши, Кати и Сергея Михайловича в гостиной Толстой использует следующий ряд единиц: *чай*, *самовар*, *как это было при мамаше*, *бывшая отыскавшаяся папашина трубка*, *страшные перемены в доме*, *ваш отец*, *хорошо было бы с ним* [с отцом] (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 69–70]. С помощью номинаций, продуцирующих в своём значении семейный быт (*чай* и *самовар* обладают значительной ценностью для представителей русской культуры) и родственные отношения, писатель создаёт тёплую домашнюю обстановку, которая господствовала при жизни родителей Маши и Сони. Такие единицы, как *достала платок*, *заплакала*, *полные слёз глаза*, позволяют понять, насколько тяжела утрата для девушек не только родителей, но и всей той семейной атмосферы, которой они лишились (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 70].

Изображение близкого друга отца Сергея Михайловича с отцовской же трубкой, говорящего в основном на разные увеселительные темы, не касающиеся покойной матушки, что отличает его от всех остальных соседей описываемой семьи, которые считают *нужным молчать и плакать*, вызывают у Маши следующие эмоции: *Мне приятно было, что он так просто и дружески-повелительно обращается ко мне…* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 70]. Стоит заметить, что для представителей русской лингвокультурной общности квазистереотипами похорон и воспоминаний об умерших выступают внутренние формы единиц *слёзы* и *плакать*. Примеры их употребления мы приводили ранее. Наверное, именно определённая непохожесть Сергея Михайловича на остальных людей вызвала у Маши симпатию и приятные чувства к нему.

Состояние девушки, когда она начинает испытывать ощущение влюблённости к своему опекуну, Толстой описывает так: *Мне было легко, приятно, и вместе с тем я чувствовала невольную напряжённость, говоря с ним. Я боялась за каждое свое слово; мне так хотелось самой заслужить его любовь…* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 71]. На наш взгляд, Толстой грамотно и тонко расставляет акценты на чувстве Маши, на том, что это было именно нежное чувство влюблённости, но никак не любовь. *Заслужить его любовь* – интересная фраза, которая не присуща не только русской лингвокультурной общности, но и мировоззрению самого Л. Н. Толстого. Любовь нельзя заслужить, её можно только проявлять и получать. Семья никогда не сможет построиться на каком-то наигранном поведении того, кто стремится понравиться.

Однажды Сергей Михайлович спрашивает Машу: *Неужели вы барышня? <…> дурная барышня, которая только жива, пока на нее любуются, а как только одна осталась, так и опустилась, и ничто ей не мило; всё только для показу, а для себя ничего.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 71]. В «Кратком словаре русских лингвокультурных единиц» Г. В. Токарева квазиэталон *барышня* имеет значение ‘изнеженная, неприспособленная к трудовой жизни девушка’. Словарная статья снабжена такими пометами, как *общеупотр.* и *неодобр.* [7, с. 33].

Наполнение смысла важной единицы *кокетство* содержанием ‘неестественность’, ‘жеманство’, ‘позёрство’ обусловлено, очевидно, объективацией взглядов самого автора. Своё мнение он выражает в высказываниях героев «Семейного счастия». Например, *Ему хотелось верить, что во мне нет кокетства. И когда я поняла это, во мне действительно не осталось и тени кокетства нарядов…* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 78]. Сергей Михайлович обращается к Маше: *Не кокетничайте этим…* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 83]. В русской лингвокультурной общности значение единицы *кокетство* также не получает положительную оценку.

Важно уточнить, что на самом деле поведение девушки не было каким-то наигранным и неестественным. Она *невольно обманывала* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 83] Сергея Михайловича. *Книги, которые прежде я читывала только для того, чтобы убавить скуку, сделались вдруг для меня одним из лучших удовольствий в жизни; и все только оттого, что мы поговорили с ним о книгах, читали с ним вместе…* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 79]. Для Маши Сергей Михайлович стал определённым идеалом, тем, чьей жизнью она начала жить. Проведём смысловую аналогию с известной для всех заповедью из Библии, важной книги для русской лингвокультурной общности, которая начинается со слов: *Не сотвори себе кумира, и всякаго подобия…*

Про брак Сергей Михайлович говорит так: *…на меня уж давно все перестали смотреть, уж и отжил, только сидеть и хочется, разве не было бы для вас* [обращение к Маше] *несчастье соединить свою жизнь с человеком старым…* (Тол-

стой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 75]. На приведённое обращение девушка отвечает: *Не несчастье…* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 76].

В дальнейшей он, обращаясь к Марье Александровне, скажет: *Вы ещё дитя…*, тем самым подчеркнёт их возрастную разницу, следствием которой являются возможные различия в мировосприятии (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 100]. Согласно «Краткому словарю русских лингвокультурных единиц» Г.В. Токарева, *дитя* употребляется в подобных контекстах в значении ‘человек, отличающийся ребяческой наивностью и неопытностью, не вполне созревший’ [7, с. 56].

Из сборника В. Даля «Пословицы русского народа»: *«У старого мужа молодая жена — чужая корысть»*, *«Видима беда, что у старого жена молода, старый муж да упрямый муж — поперек постели лежит»*, *«Как старому жениться, так и ночь коротка»*, *«Молодому жениться рано, а старому поздно»* [2, Т. 1, с. 317–318]. Все перечисленные народные пословицы несут в своём лексическом значении семы с отрицательной оценкой. Получается, в русской лингвокультуре господствует негативное восприятие неравного брака.

Сам же Л. Н. Толстого к такому типу брака истаптывал спокойное отношение. Достаточно вспомнить его супругу Софью Андреевну, которая была на 16 лет моложе мужа, или юную Валерию Арсеньеву, интерес к которой, по мнению многих исследователей, побудил писателя к созданию романа «Семейное счастие».

Вернёмся к сюжету романа. Через определённое время и ряд произошедших событий герои всё же решают пожениться. V глава начинается с описания приготовления к свадьбе. Катя хочет *покупать и заказывать приданое* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 97]. Мать Сергея Михайловича беспокоится *о новой карете*, *мебели*, *коврах*, *гардинах*, *подносах*; *недовольна тем, что свадьба должна была сделаться без музыки, без гор сундуков…* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 97–98]. Для русской лингвокультуры приданое является важным символом семейного благополучия. В сборнике В. Даля «Пословицы русского народа» можно встретить ряд пословиц о приданом. Например, *«Приданое в сундуке, а дурак на руке»*, *«Липовы два котла, да и те сгорели дотла (приданое)»*, *«Деревянный горшок да свиной рожок (приданое)»* [2, Т. 1, с. 319]. Сами же Сергей Михайлович и Маша скептически относятся к такой подготовке, называя её составляющие *условными принадлежностями женитьбы* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 98]. Это свидетельствует о появлении новых взглядов на свадебные традиции у представителей русской лингвокультурной общности.

Интересно рассмотреть, как Толстой описывает отношений между Катей, как бы выполняющей роль тёщи, и матерью Сергей Михайловича, свекровью: *…между ними чувствовалась уже несколько враждебная, но тончайшая дипломатия.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 98]. Характеристика *враждебная* полностью соответствует господствующим в русской лингвокультуре образам «тёща» и «свекровь».

Остановимся на образе Татьяны Семёновны, матери Сергей Михайловича. Женщина является представителем старшего поколения, которая хранит традиции рода, живущего по определённым правилам и установкам, и стремится передать их будущему поколению. Её описание сводится к таким языковым единицам: *чопорная*, *строгая хозяйка дома*, *старого века барыня* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 98]. К Маше она относится по-доброму, но при этом также думает следующее: *…как партия для её сына, я могла бы быть и лучше и что не мешало бы мне всегда помнить это.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 98]. Такое понимание свекрови отражается в традициях русского лингвокультурного сообщества. Из «Словаря русских пословиц» В. Даля: *«Кому свекровь свекровушка, а кому и свекровища»* [2, Т. 1, с. 62], *«Сноха свекрови — битая полоса»* [2, Т. 1, с. 342].

Несмотря на различные домашние семейные традиции, времяпровождение с

мужем, которое для Маши было большим счастьем, девушка всё же через некоторое время семейной жизни начинает чувствовать себя одинокой. Она хочет полностью отдаваться своему супругу, проживать его судьбу, а Сергей Михайлович просто не может Маше этого дать. В дальнейшем Толстой от лица героини напишет: *...он наказывал меня только тем, что не отдавал мне всего себя, всей своей души...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 134]. Девушка начинает испытывать скуку. В языке произведения её желания вербализуются посредством таких единиц: *движение*, *волнение*, *опасности*, *самопожертвование*, *спокойствие раздражало меня*, *потребности движения* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 110]. Данные стереотипы не находят полного отражения в русской лингвокультуре.

Всё чаще между героями начинают происходить недопонимания и ссоры. Маша не понимает чрезмерного спокойствия мужа и некой его пассивности, а он всё ощущает и осознаёт. Однажды Сергей Михайлович цитирует строки великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, которые, на наш взгляд, отражают отношение русской лингвокультуры к различным душевным волнения и требованиям новых ощущений:

...А он, безумный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой! (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 115].

Вскоре Толстой переносит героев в Петербург, где Маша в поисках новых эмоций и удовольствий оказывается поглощённой светский обществом. Девушке в это время становится присуще *новое для себя чувство гордости и самодовольства* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 118]. Далее: *...внимание многих людей в свете доставляло мне удовольствие, льстило самолюбию...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 119]. В русской лингвокультуре эти номинации продуцируют отрицательные семы и имеют негативные коннотации. Например, в сборнике В. Даля «Пословицы русского народа» можно встретить следующее: *«Во всякой гордости чёрту много радости»* [2, Т. 2, с. 214], *«Самолюб всякому не люб. Самолюб никому не люб»* [2, Т. 2, с. 115], «*Лихва да лесть дьяволу в честь»* [2, Т. 2, с. 150].

Муж Марьи Александровны не находит счастья в светском существовании. Однажды Маша захотела его *расшевелить*, приревновав специально к одной известной даме. На что Серей Михайлович ответил *сквозь зубы*: *...эти ложные отношения могут испортить наши настоящие, а я ещё надеюсь, что настоящие вернутся.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 119]. Про *ложь* в сборнике В. Даля мы встречаем такую пословицу: *«Ложь не живуща. Вранью (или: Небылице) короткий век»* [2, Т. 1, с. 179]. Конечно, и в современной русской лингвокультуре выражение *ложные отношения* имеет отрицательную семантику и негативную оценку народа.

Во время сильной ссоры между супругами Сергей Михайлович говорит, что Маша поступает, *забывая и мужа, и себя, и достоинство женщины...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 122]. *Достоинство женщины* – одна из главных характеристик женщины в русской лингвокультурной общности. Именно с ней ассоциируется образ традиционной женщины в сознании носителей языка. Толстой подразумевает под отсутствием этой черты предательство и неверность Маши.

Такие единицы, как *праздность*, *роскошь глупого общества*, *грязные руки* и *грязь* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 122], описывающие светскую жизнь, порождают отрицательные коннотации. В «Кратком словаре русских лингвокультурных единиц» Г. В. Токарева приводится несколько значений квазисимвола *грязь* [7, с. 192]. В нашем случае речь идёт о символизации унижения. В словарной статье можно заметить помету *неодобр*. Сергей Михайлович именно не одобряет и осуждает поведение своей супруги.

Квазистереотипом проблем в семейной жизни для Марьи Александровны выступает внутренняя форма единицы *пропасть*: *...ещё больше сделалась пропасть, теперь отделявшая нас друг от друга.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с.

125].

Важным событием, произошедшим с героями, становится рождение ребёнка. В языке произведения оно вербализуется посредством таких языковых символов, как *с такою силой охватило*, *неожиданный восторг*, *новая жизнь* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 127]. В русской лингвокультуре рождение детей – это счастливое и радостное событие для всей семьи. Лично для Толстого дети были главным условием счастливой семьи. Через определённое время для Марьи Александровны воспитание сына переходит *привычку* и *холодное исполнение долга* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 127]. Представление о переживаниях Маши по поводу своего поведения вербализуются с помощью таких единиц, как *становилось совестно* и *равнодушие* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 127]. Понимая своё неправильное поведение, девушка всё же не могла ничего с собой сделать, так как скука ей овладевала. Данное изображение матери противопоставлено образу заботливой любящей матери, господствующему в русской лингвокультуре.

Такие коннотативные семантические признаки, как *прежний*, *кроткий*, *спокойный домосед*, *нежность и веселье перенёс на ребёнка*, репрезентируются базовым образом «семьянин», который характеризует Сергея Михайловича (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 127].

Примерно в одно время со счастливым событием рождения сына в жизни Маши и её супруга происходит горькая утрата. Умирает мать Сергея Михайловича. Представления о роли матери для героя и состоянии после её утраты объективируются в романе следующими единицами: *большое горе*, *тяжело* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 127], *герой считал её самою лучшею, самою умною, доброю и любящею женщиной в мире* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 98]. Можем провести параллель с отношением к своей матери Льва Николаевича. У писателя была тесная духовная взаимосвязь с Марией Николаевной, несмотря на раннюю потерю физической связи. Всю жизнь он бережно хранил о ней память.

Далее Толстой описывает жизнь героев летом на водах. Маша начинает осознавать, что жизнь в Никольском – это счастливая жизнь, не такая скучная, как казалась ранее. Лев Николаевич употребляет выражение *счастлива сама в себе* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 128]. Оно, на наш взгляд, имеет знаковое значение. Под чувствами Маши уже не подразумевается влюблённость, огромная страсть к Сергею Михайловичу и желание жить его делами и проблемами. Думаем, Маша в это время как раз начинает осознавать, что счастье в ней самой, в уважении, глубокой любви к своему супругу и, главное, к ребёнку.

При этом нельзя сказать, то девушка полностью счастлива в этот период. Можно долго рассуждать на тему понимания счастья, придумывать различные версии и додумывать сюжет. Мы скажем только одно – счастье является состоянием высшего удовлетворения. Ни один человек никогда не сможет быть абсолютно счастливым. Важно понимать, откуда стоит черпать счастье, что тебя сможет в наибольшей степени осчастливить, и не использовать «лжеисточники» для получения положительных эмоций. На наш взгляд, осознание этого факта способно прийти в тот момент, когда человек сталкивается с каким-то переломным событием на своём жизненном пути, которое влияет на его судьбу и заставляет серьёзно задуматься.

Возможно, для главной героини этим событием становится поцелуй с французом, а точнее, ощущения девушки во время и после него. Мысли Маши репрезентированы такими единицами: *ужасаясь*, *это мгновение было ужасно*, *такой чужой*, *ненавистный человек*, *поцелуй стыдом жёг мне щёку*, *почувствовала себя виноватою перед ним*, *невысказанное горе*, *раскаяние*, *удерживаясь от слёз* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 131–133]. В языковом воплощении единицы *раскаяние*

присутствует стремление к углублённому изображению душевных переживаний, обращение к Богу. В русской лингвокультуре чувство сожаления о своём грехе является первым этапом становления человека на духовно-нравственный путь развития.

Конечно, после поцелуя с французом Маша не обретает былого счастья с мужем. Хотя то, минувшее, чувство вернуть, наверное, уже нельзя было, о чём в дальнейшем напишет Толстой. Девушка, на наш взгляд, после этого события понимает, что не стоит искать утешение и способы борьбы со скукой в одуряющем светском обществе.

Словами Сергея Михайловича в заключительной главе Толстой выражает важную мысль о сути любви в семье и семейного счастья: *Всем нам, а особенно вам, женщинам, надо прожить самим весь вздор жизни, для того чтобы вернуться к самой жизни; а другому верить нельзя.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 141]. Герой подводит свою супругу к тому, что их ранние отношения – это некий *вздор* ‘что-л. несерьёзное’, а лучшие времена начинаются сейчас.

Далее отметим следующие слова супруга Маши: *Ты ещё далеко не прожила тогда этот прелестный и милый вздор, на который я любовался в тебе; и я оставлял тебя выживать его…* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 141]. В этом заключался, как мы сейчас сказали бы, кризис семейных отношений Маши и Сергей Михайловича. Именно он помог девушке осознать истинное своё предназначение, прийти к пониманию настоящего счастья как любви к семье, детям и мужу: *Я посмотрела на него, и мне вдруг стало легко на душе; как будто отняли у меня тот больной нравственный нерв, который заставлял страдать меня.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 143]. Как мы видим, новая жизнь репрезентирована характерным для русского народа сочетанием *лёгкость на душе*, имеющем положительные коннотации, а старая – *страданием* (*заставлял страдать*).

Стоит сказать про один из заключительных моментов, когда Марья Александровна в гостиной держит на руках маленького Ваню, к ним подходит Сергей Михайлович, а девушка быстро закрывает лицо мальчика. Толстой отмечает мысли героини: *Никто, кроме меня, не должен был долго смотреть на него.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастие») [8, с. 143]. В русской лингвокультурной общности есть представление о том, что первые сорок дней после рождения нельзя никому показывать ребёнка. Это связано с православными канонами. На наш взгляд, тут не так сильно проявляется данный обычай, как тесная связь матери и ребёнка, находящая своё отражение в русской традиции. Конечно, в поступке Маши не было какой-то злости или ревности в отношении супруга. Девушка лишь поняла, что её главная ценность – это дети, именно на любви к ним будет держаться крепкий брак с мужем. Ей хотелось как можно больше своей любви им дарить. Возможно, Маша также желала наверстать упущенное время, ведь раньше забота о ребёнке для неё была *холодным исполнением долга*.

Таким образом, «Семейное счастие» – недооценённый роман Л. Н. Толстого, являющийся первой попыткой писателя постичь женскую психологию. Он относится к периоду творчества Льва Николаевича, когда Толстой находился ещё в поиске своего авторского стиля, поэтому при прочтении произведения можно заметить влияние английского семейного романа, а также традиций описания любви и природы, присущих И. С. Тургеневу. Тем не менее без сомнения можно сказать, что в романе чётко представлена модель семьи для раннего Толстого. Идея о том, что на детях держится настоящее семейное счастье, нашла своё воплощение в истории отношений Маши и Сергея Михайловича. Мысли писателя сопровождаются присутствием лингвокультурных деталей. Представления о модели семьи в романе «Семейное счастие» показаны в большом количестве коннотативных значений, обусловленных традициями русской лингвокультурной общности.

Список источников и литературы

1. *Домострой* / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб.: Наука, 2007. 399 с.
2. *Даль В.* Пословицы русского народа : сб. В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с. ; Т. 2. 447 с.
3. *Саркисова А. Ю.* О влиянии английского романа XVIII–XIX вв. на роман Л. Н. Толстого «Семейное счастие» // Вопросы филологии. 2014. № 1 (46). С. 77–82.
4. *Сафонова О. Ю.* Родственница Тургеневых – В. В. Арсеньева // Спасский вестник. 2006. № 13. С. 158–165.
5. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 736 с. ; Т. 3. 750 с.
6. *Токарев Г. В.* Взгляды Л. Н. Толстого на брак // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 2. С. 145–147.
7. *Токарев Г. В.* Краткий словарь русских лингвокультурных единиц. Тула: ТППО, 2020. 273 с.
8. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1935. 385 с.
9. *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой : исследования, статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

References

1. Kolesov, VV & Rozhdestvenskaya, VV (eds) 2007, *Domostroy*. Nauka Publ., St. Petersburg. (in Russ.)
2. Dahl, V 1989, *Poslovitsy russkogo naroda : sbornik. V 2 tomakh* (Proverbs of the Russian People), in 2 vols, Khudozhestvennaya literatura Publ., Moscow. (In Russ.)
3. Sarkisova, AYu 2014, 'O vliyanii angliyskogo romana XVIII–XIX vv. na roman L. N. Tolstogo «Semeynoye schastiye»' (On the Influence of English Novels of the 18th – 19th Centuries on Leo Tolstoy's Novel "Family Happiness"), *Voprosy filologii,* vol. 1, no. 46, pp. 77–82. (In Russ.)
4. Safonova, OYu 2006, 'Rodstvennitsa Turgenevykh – V. V. Arsenyeva' (A relative of the Turgenevs – V. V. Arsenyeva), *Spasskiy vestnik,* vol. 13, pp. 158–165. (In Russ.)
5. Evgenieva, AP (ed.) 1999, *Slovar russkogo yazyka (Dictionary of the Russian language),* in 4 vols, Russkiy yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., Moscow. (In Russ.)
6. Tokarev, GV 2019, 'Vzglyady L. N. Tolstogo na brak' (Leo Tolstoy's views on marriage), *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* (Vestnik Of Kostroma State University), vol. 25, no. 2, pp. 145–147. (In Russ.)
7. Tokarev, GV 2020, *Kratkiy slovar' russkikh lingvokul'turnykh yedinits* (A Brief Dictionary of Russian Linguocultural Units), TPPO Publ., Tula. (In Russ.)
8. Tolstoy, LN 1935, *Polnoye sobraniye sochineniy (Complete Works), in 90 vols, vol. 5,* Khudozhestvennaja Literatura Publ. Moscow. (In Russ.)
9. Eichenbaum, BM 2009, *Lev Tolstoy : issledovaniya, stat'i* (Leo Tolstoy: Researches. Articles), Fakultet filologii i iskusstv SPbGU Publ., St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.11.2021
Одобрена после рецензирования: 03.12.2021
Принята к публикации: 17.12.2021

The article was submitted: 16.11.2021
Approved after reviewing: 03.12.2021
Accepted for publication: 17.12.2021

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 82–89.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2021. Issue 4 (8). P. 82–89.

Научная статья
УДК 81'1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-82-89

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕМУ «ВАРЬИРОВАНИЕ ФОРМУЛЯРНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЧЕЛОБИТНЫХ XVII В., ОБУСЛОВЛЕННОЕ СОЦИАЛЬНЫМИ ФАКТОРАМИ»

Юлия Юрьевна Леонова

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, jjleo@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социолингвистического исследования, проведенного с целью выявления варьирования формулярных и языковых элементов челобитных XVII века, обусловленного социальными факторами (место составления челобитной, принадлежность адресанта к определенной социальной группе). Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) проанализировать состав реквизитов и структуру формуляра челобитных XVII века; 2) проследить варьирования формулярных и языковых элементов челобитных XVII века на территории Московского государства XVII века; 3) проследить варьирования формулярных и языковых элементов челобитных XVII века в зависимости от социального статуса адресанта. Гипотеза исследования состояла в предположении, что в XVII веке на территории всего Московского государства действовали единые правила делопроизводства, следовательно, формуляры документов должны быть единообразны, но возможно варьирование формулярных элементов челобитных XVII века, обусловленных другими социальными факторами. Исследование проводилось на материале 789 текстов челобитных XVII века. Автором были проанализированы состав реквизитов и формуляр челобитных, а также лексика и фразеология языковой структуры челобитных XVII века; выявлены устойчивые словосочетания и формулы, употреблявшиеся из акта в акт, и ставшие постоянными структурными элементами челобитных. Предпринята попытка выявления варьирования формулярных и языковых элементов, обусловленного территориальным признаком (местом составления челобитных) и принадлежностью адресанта к определенной социальной группе Московского государства XVII века. Исследование выполнено в рамках антропоцентрической парадигмы, в центре внимания которой человек – адресант челобитной. Тексты челобитных рассматриваются с позиций социолингвистики, исторической стилистики, документоведения и документной лингвистики. Результаты исследования могут быть использованы в практике составления спецкурсов и семинаров по социолингвистике, теории коммуникации, исторической стилистике, документной лингвистике, документоведению и лингвистическому источниковедению.

Ключевые слова: деловая письменность XVII в., челобитная, документ, формуляр, устойчивые словосочетания, формулы, лексико-фразеологические средства.

Для цитирования: Леонова Ю. Ю. Результаты социолингвистического исследования на тему «Варьирование формулярных и языковых элементов челобитных XVII в., обусловленное социальными факторами»// Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 82–89. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-82-89

Сведения об авторе: *Ю. Ю. Леонова* – кандидат филологических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

© Леонова Ю. Ю., 2021

Scientific Article
UDC 81'1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-82-89

THE RESULTS OF A SOCIOLINGUISTIC STUDY ON THE TOPIC "VARIATION OF FORMULARY AND LINGUISTIC ELEMENTS OF PETITIONS OF THE 17th CENTURY DUE TO SOCIAL FACTORS"

Yulia Yu. Leonova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, jjleo@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a sociolinguistic study conducted to identify the variation of the formulary and linguistic elements in petitions of the 17th century due to social factors (the place where the petition was compiled, the petitioner's belonging to a certain social group). To achieve this goal, the following tasks are solved: 1) to analyze the composition of the props and the structure of the petition form dated the 17th century; 2) to trace the variations of the formulary and linguistic elements of the petitions of the 17th century on the territory of the Moscow state of the 17th century; 3) to trace the variations of the formulary and linguistic elements of the petitions of the 17th century, depending on the social status of the petitioner. The hypothesis of the study consisted in the assumption that in the 17th century uniform rules of office work were in effect on the territory of the entire Moscow state, therefore, the forms of documents should be uniform, but it was possible to vary the form elements of petitions of the 17th century due to other social factors. The study has been conducted on the material of 789 texts of petitions dated back to the 17th century. The author has analyzed the composition of the props and the form of the petitions, as well as the vocabulary and phraseology of the linguistic structure of the petitions of the 17th century; set phrases and formulas used from act to act have been identified and become permanent structural elements of the petitions. An attempt has been made to identify the variation of formulary and linguistic elements due to the territorial feature (the place where petitions were made) and the petitioner's belonging to a certain social group of the Moscow state of the 17th century. The study has been carried out within the framework of the anthropocentric paradigm which focuses on the person – the author of the petition. The texts of petitions are considered from the standpoint of sociolinguistics, historical stylistics, documentary studies and documentary linguistics. The results of the research can be used in compiling additional courses and seminars on sociolinguistics, communication theory, historical stylistics, documentary linguistics, documentary studies and linguistic source studies.

Keywords: business writing of the 17th century, petition, document, form, set phrases, formulas, lexical and phraseological means.

For citation: Leonova, YuYu 2021, 'The results of a sociolinguistic study on the topic "Variation of formulary and linguistic elements of petitions of the 17th century due to social factors"', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4(8), pp. 82–89, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-82-89 (in Russ.)

Information about the Author: *Yulia Yu. Leonova* – PhD in Philology, Associate Professor of the Chair of Legal Disciplines, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia.

© Leonova Yu. Yu., 2021

Нами было проведено социолингвистическое исследование текстов челобитных XVII в. с целью выявления варьирования формулярных и языковых элементов, обусловленного такими социальными факторами как место составления челобитной (территориальная единица Московского государства XVII в.) и принадлежность адресанта (челобитчика) к определенной социальной группе. Материалом для исследования послужили 789 челобитных, из которых 549 документов принадлежат к официально-деловым и 240 – к частно-деловым челобитным.

Рассмотренные челобитные охватывают всю территорию Московского государства XVII в. Распределение челобитных по месту составления приведено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение челобитных по территориальным единицам

Территориальная единица (город или уезд)	Официально-деловые челобитные	Частно-деловые челобитные	Количество челобитных
Архангельск	5	–	5
Астрахань	10	3	13
Белев	1	–	1
Брянск	5	–	5
Великие Луки	1	–	1
Владимир	8	1	9
Вологда	20	1	21
Вязьма	6	1	7
Галич	4	86	90
Дон	2	2	4
Епифань	1	–	1
Звенигород	–	8	8
Казань	1	–	1
Калуга	6	1	7
Коломна	2	2	4
Кострома	5	8	13
Красноярск	6	1	7
Кунгур	55	–	55
Ладога	3	1	4
Ливны	3	–	3
Малый Ярославец	6	1	7
Минск	1	–	1
Могилев	5	–	5
Москва	230	7	237
Муром	1	–	1
Нижний Новгород	10	69	79
Новгород Великий	23	–	23
Одоев	1	–	1
Олонец	3	–	3
Оскол	8	–	8
Осташков	1	–	1
Переяславль Залесский	6	1	7
Псков	24	–	24
Пустозерский острог	1	–	1
Ржев Владимирский	–	30	30
Ростов Великий	3	–	3
Руза	–	1	1
Рязань	–	3	3

Таблица 1 (продолжение)

Самара	2	–	2
Симбирск	2	–	2
Смоленск	5	–	5
Соликамск	1	–	1
Суздаль	4	2	6
Тверь	3	3	6
Тихвин	26	–	26
Тула	5	4	9
Углич	1	1	2
Устюг Великий	3	–	3
Царицын	1	–	1
Чернь	3	–	3
Шацк	1	–	1
Шуя	6	3	9
Ярославль	8	–	8
Итого	**549**	**240**	**789**

Как мы можем видеть, более двух третьих проанализированных актов относятся к числу официально-деловых челобитных. Официально-деловыми считаются челобитные, адресованные первому лицу государства, т.е. написанные на имя царя или царицы. Частно-деловые челобитные – это челобитные мелких вотчинников и помещиков, посадских людей, крестьян, холопов и представителей духовенства к боярам и феодалам-землевладельцам. Промежуточное положение между официально- и частно-деловыми челобитными занимают прошения дворцовых крестьян. Дворцовые крестьяне – это крестьяне, принадлежавшие лично царю и членам царской семьи. Дворцовые крестьяне обращались со своими просьбами к царю не как к первому лицу государства, обличенному верховной властью, а как к своему хозяину-землевладельцу.

Анализу были подвергнуты формуляры и лексико-фразеологический материал челобитных с целью выявления варьирования, обусловленного принадлежностью адресанта к той или иной социальной группе. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Социальные группы адресантов челобитных XVII в.

Социальная группа	**Официально-деловые челобитные**	**Частно-деловые челобитные**	**Всего**
Думные чины: I класса – бояре II класса – окольничие III класса – думные дворяне IV класса – думные дьяки	37	1	38
Помещики и вотчинники	98	17	115
Служители приказов	38	5	43
Духовенство	62	15	77
Мелкие служилые люди	66	1	67
Посадские люди	154	4	158
Крестьяне	72	195	267
Холопы	10	2	12
Коллективные челобитные	12	–	12
Итого	**549**	**240**	**789**

Результаты количественного подсчета показали, что челобитчиками в проанализированных нами документах выступали представители всех социальных групп русского государства того времени. С просьбами, жалобами и заявлениями для защиты своих прав и интересов челобитные составляли представители и правящих и угнетаемых групп Московского государства XVII века.

В составе рассмотренных нами челобитных были представлены все разновидности данного акта. Количественный состав по видам представлен в таблице 3.

Таблица 3

Виды челобитных XVII в.

Вид челобитной	Количество
Жалобы	18
Извет	40
Иск	200
Мировая	10
Отсрочная	5
Повинная	26
Прошения	644
Ставка	5
Явка	55
Итого	**789**

Проанализировав структуру формуляров, состав реквизитов, лексику и фразеологию 789 челобитных XVII в., местом составления которых являлись 75 различных территориальных единиц, охватывающих всю территорию Московского государства, мы обнаружили полное единообразие состава реквизитов и лексико-фразеологического наполнения формуляров челобитных во всех регионах страны. Следовательно, вариативность, обусловленная территориальной принадлежностью, в челобитных отсутствует, а выявленные нами единичные случаи отклонений от стандарта, скорее всего, были обусловлены не территориальным признаком, а отсутствием необходимых знаний и навыков у адресантов челобитных. Чаще всего это проявляется в крестьянских челобитных, что, на наш взгляд, вполне закономерно.

В структуре и формуляре официальных и частно-деловых челобитных XVII в., адресантами которых выступали представители различных социальных групп, нами обнаружилось полное единообразие. Следовательно, социальное положение челобитчика на влияло на порядок составления челобитных. Особенностей составления текста и структуры челобитных, обусловленных принадлежностью к определенному слою общества, очевидно, не существовало. При этом отчетливо обнаруживается отличие официальных челобитных от частно-деловых.

В структуре формуляра частно-деловых челобитных сложилась особая формула челобитья «*бьет челом и плачется»,* тогда как в официально-деловых челобитных отступлений от общепринятого варианта *«бить челом»* не обнаружено.

Особый вариант формулы казусной части: «*милости у тебя… прошу»* и вариативность формулы просьбы частно-деловых челобитных также отличает их от официально-деловых, где отклонений от нормативного варианта (*милосердый (милостивый, праведный) государь… пожалуй меня (нас)… вели (не вели)* + инфинитив глагола желаемого действия) не выявлено.

В частно-деловых челобитных нами выявлено три основных разновидности формулы просьбы:

1) побудительное предложение *умилостивисъ (умилосердись), государь ..., пожалуй меня... вели (повели, укажи, прикажи)* + инфинитив глагола желаемого действия;

2) *милости у тебя (вас)... прошу (прошаю*);

3) *Смилуйся, государь... пожалуй меня, вели.*

Лексико-фразеологический состав проанализированных нами челобитных по своей структуре ближе всего к словарю русской демократической литературы XVII века. Основу лексического фонда челобитных составляют исконно русские слова. Необходимо отметить, что в словарный состав челобитных входило и значительное число слов и словосочетаний книжного характера, в основном старославянизмов, фразеологизмов, пришедших из церковно-религиозной или высокой книжности. Эти элементы входили в основной состав формуляра, а также использовались как этикетные и эмоционально-экспрессивные средства воздействия на адресата. Их число зависело от особенностей индивидуально-авторского письма и социального положения адресанта челобитной.

В частно-деловых челобитных лексический состав просительной части челобитных отличается от соответствующей лексики официально-деловых челобитных. Она значительно разнообразнее и более эмоционально окрашена. Так на первое место в частно-деловых челобитьях выдвигаются глаголы *смилуйся, пожалуй, умилостивисъ, умилосердись, пощади, помилуй*. Такое обилие вариантов, очевидно, свидетельствует о недостаточном уровне владения правилами делового письма челобитчиками, а также об их стремлении оказать большее воздействие на адресата, тем самым побудить его к выполнению просьбы.

На основании результатов проведенного нами социолингвистического исследования можно сделать вывод о различии челобитных в зависимости от сферы применения и официальности характера документа, а также в зависимости от социального статуса адресанта, поскольку большую часть частно-деловых челобитных составляют прошения крестьян.

Список источников и литературы

1. *Акты исторические, собр. и изд. Археографической комиссией*. В 5 т. Т. 1–3. СПб., 1841.
2. *Акты Лодомской церкви Архангельской епархии* / сост. М. Г. Курдюмов. СПб., 1908. 220 с.
3. *Акты Московского государства*. В 3 т. / под ред. Н. А. Попова, Д. Я. Самоквасова. СПб., 1890–1901.
4. *Акты о быте помещиков и крестьян в XVII в. Крестьянские челобитные* / сост. В. А. Борисов. М., 1859.
5. *Акты писцового дела (1644–1661)* / сост. С. Б. Веселовский. М., 1977. 287 с.
6. *Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова*. В 2 ч. / под ред. А. И. Яковлева. М., 1940–1945.
7. *Акты Холмогорской и Устюжской епархий*. В 3 ч. / под ред. Л. Н. Майкова и А. И. Тимофеева. СПб., 1890–1908.
8. *Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства* / издание Императорской Археографической комиссии. СПб., 1838. 509 с.
9. *Акты, относящиеся до юридического быта древней России*. В 3 т. / изд. Археографической Комиссии; под. ред. Н. Калачова. СПб., 1857–1884.
10. *Ближний боярин князь Н. И. Одоевской и его переписка с Галицкой вотчиной (1650–1684)* / сост. Ю. П. Арсеньев. М., 1902. Разд. 5. С. 64–112.
11. *Ближний боярин князь Н. И. Одоевской и его переписка с Галицкой вотчиной (1650–1684)* / сост. Ю. П. Арсеньев. М., 1902. Разд. 3. С. 46–48.
12. *Грамотки XVII – начала XVIII века* / под ред. С. И. Коткова. М., 1969. 415 с.

13. *Дополнения к актам историческим, собр. и изд. Археографической комиссией.* В 12 т. СПб., 1846–1875.
14. *Донские дела.* В 5 кн. Кн. 1, т. 18. СПб., 1898.
15. *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964. 312 с.
16. *Крестьянская война под предводительством Степана Разина* : сб. документов. В 3 т. / сост. Е. А. Швецова. М., 1976.
17. *Кунгурские акты XVII века (1668–1699 гг.)* / под ред. А. А. Титова. СПб., 1888. 338 с.
18. *Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке* / сост. В. Н. Сторожев. СПб., 1906.
19. *Русско-белорусские связи* : сб. документов (1570–1667 гг.) / отв. ред. Л. С. Абецедарский и М. Я. Волков. Минск, 1963. 534 с.
20. *Русско-шведские экономические отношения в XVII веке* : сб. док. / сост.: М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. М., 1960. 654 с.
21. *Сборник Московского архива Министерства юстиции.* В 2 кн. Кн. 2, т. 6. М., 1914.
22. *Московская деловая и бытовая письменность XVII века* / изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968. 338 с.
23. *Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова)* / изд. подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965. 162 с.
24. *Памятники русского права* / под ред. С. В. Юшкова. Вып. 1–8. М., 1952–1963.
25. *Первые месяцы царствования Михаила Федоровича* / под ред. Л. М. Сухотина. М., 1915. 274 с.
26. *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы : монография. В 2 т. Т. 1: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года. М., 1911. 628 с.
27. *Текст челобитной Григория Всполохова, дьяка Ямского приказа, поданной царю Алексею Михайловичу в 1672 г.* СПб., 1877.
28. *Явочная челобитная казенного подьячего Пеношского монастыря Ф. Елизарьева 1684 г.* М., 1909.

References

1. *Akty istoricheskiye* (Historical acts), 1841, vol. 1–3, Archaeographic Commission, St. Petersburg. (in Russ.)
2. Kurdyumov, MG 1908, *'Akty Lodomskoy tserkvi Arkhangel'skoy eparkhii'* (Acts of the Lodoma Church of the Arkhangelsk Diocese), St. Petersburg. (in Russ.)
3. Popova, NA & Samokvasova, DYa (eds) 1890–1901, *'Akty Moskovskogo gosudarstva'* (Acts of the Moscow State), vol. 1-3. St. Petersburg. (in Russ.)
4. Borisov, VA (comp) 1859, *'Akty o byte pomeshchikov i krest'yan v XVII v. Krest'yanskiye chelobitnye'* (Acts on the life of landowners and peasants in the 17th century. Peasant petitions), Moscow. (in Russ.)
5. Veselovsky, SB (comp) 1977, *'Akty pistsovogo dela (1644–1661)'* (Acts of scribe (1644–1661)), Moscow. (in Russ.)
6. Yakovlev, AI 1940–1945, *'Akty khozyaystva boyarina B.I. Morozova'* (Acts of the economy of the boyar BI Morozov), part I & II, Moscow. (in Russ.)
7. Maikova, LN & Timofeeva, AI 1890–1908, *'Akty Kholmogorskoi i Ustiuzhskoi eparkhii'* (Acts of the Kholmogory and Ustyug dioceses), vols. 12, 14, 25, St. Petersburg. (in Russ.)
8. *Akty yuridicheskiye ili sobraniye form starinnogo deloproizvodstva* (Legal acts, or Collection of forms of old-time office work), 1838, Archaeographic Commission, St. Petersburg. (in Russ.)
9. Kalachov, N 1857–1884, *'Akty, otnosyashchiyesya do yuridicheskogo byta drevney Rossii'* (Acts relating to the legal life of ancient Russia), vols. 1–3. Archaeographic Commission, St. Petersburg. (in Russ.)
10. Arsenyev, YuP (comp) 1902, *'Blizhniy boyarin knyaz' N. I. Odoyevskoy i yego perepiska s Galitskoy votchinoy (1650–1684)'* (Near boyar prince N. I. Odoevskaya and his correspondence with the Galician patrimony (1650–1684)), Moscow, part 5, pp. 64–112. (in Russ.)

11. Arsenyev, YuP (comp) 1902, *'Blizhniy boyarin knyaz' N. I. Odoyevskoy i yego perepiska s Galitskoy votchinoy (1650–1684)'* (The near boyar Prince N. I. Odoevskaya and his correspondence with the Galician patrimony (1650–1684)), Moscow, part 3. pp. 46–48. (in Russ.)
12. Kotkov, SI (ed.) 1969, *'Gramotki XVII–nachala XVIII veka'*(Writings of the 17th – early 18th century), Moscow. (in Russ.)
13. *Dopolneniya k aktam istoricheskim* (Additions to Historical Acts), 1846–1875, in 12 vols, Archaeographic Commission, St. Petersburg. (in Russ.)
14. *Donskiye dela* (Don cases), 1898, in 5 books, book 1, vol. 18. St. Petersburg. (in Russ.)
15. Kotkov, SI & Pankratova, NP 1964, *'Istochniki po istorii russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII – nachala XVIII veka'* (Sources on the history of the Russian folk-spoken language of the 17th - early 18th century), Moscow. (in Russ.)
16. Shvetsova, EA (comp) 1976, *'Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom Stepana Razina : sb. dokumentov'* (Peasant War led by Stepan Razin: collection of documents), in 3 vols, Moscow. (in Russ.)
17. Titov, AA (ed.) 1888, *'Kungurskiye akty XVII veka (1668–1699 gg.)' (*Acts of Kungur of the 17th century (1668–1699)), St. Petersburg. (in Russ.)
18. Storozhev, VN (comp.) 1906, *'Materialy dlya istorii deloproizvodstva Pomestnogo prikaza po Vologodskomu uyezdu v XVII veke'* (Materials for the history of office work of the Local Order in the Vologda district in the 17th century), St. Petersburg. (in Russ.)
19. Abetsedarsky, LS & Volkov, MYa (ed) 1963, *'Russko-belorusskiye svyazi : sbornik dokumentov (1570–1667 gg.)'* (Russian-Belarusian relations: collection of documents (1570–1667)), Minsk. (in Russ.)
20. Davydova, MB, Shaskolsky, IP & Yukht, AI (comps) 1960, *'Russko-shvedskiye ekonomicheskiye otnosheniya v XVII veke: sbornik dokumentov'* (Russian-Swedish economic relations in the 17th century: collection of documents), Moscow. (in Russ.)
21. *'Sbornik Moskovskogo arkhiva Ministerstva yustitsii'* (Collection of the Moscow archive of the Ministry of Justice), 1914, in 2 books, book 2, vol. 6, Moscow. (in Russ.)
22. Kotkov, SI, Oreshnikov, AS & Filippova, IS n.d., *'Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII veka'* (Moscow business and everyday writing of the 17th century), Moscow. (in Russ.)
23. Kotkov, SI & Tarabasova NI 1965, *'Pamyatniki russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII stoletiya (iz fonda A. I. Bezobrazova)'* (Monuments of the Russian spoken language of the 17th century (from the fund of A.I. Bezobrazov)), Moscow. (in Russ.)
24. Yushkov, SV (ed.) 1952–1963, *'Pamyatniki russkogo prava'* (Monuments of Russian law), vol. 1-8, Moscow. (in Russ.)
25. Sukhotin, LM (ed.) 1915, *'Pervyye mesyatsy tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha'* (The first months of the reign of Mikhail Fedorovich), Moscow. (in Russ.)
26. Novombergsky, NYa 1911, '*Slovo i delo gosudarevy : monografiya'* (Word and deed of the sovereign: monograph), in 2 vols, vol. 1: *'Protsessy do izdaniya Ulozheniya Alekseya Mikhaylovicha 1649 goda'* (Processes before the publication of the Code of Alexei Mikhailovich in 1649), Moscow. (in Russ.)
27. *Tekst chelobitnoy Grigoriya Vspolokhova, d'yaka Yamskogo prikaza, podannoy tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu v 1672 g* (The text of the petition of Grigory Vspolokhov, clerk of the Yamsk order, filed with Tsar Alexei Mikhailovich in 1672), 1877, St. Petersburg. (in Russ.)
28. *'Yavochnaya chelobitnaya kazennogo pod'yachego Penoshskogo monastyrya F. Yelizar'yeva 1684 g'* (A petition room of the state clerk of the Penosh monastery F. Elizariev 1684), 1909, Moscow. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.11.2021
Одобрена после рецензирования: 10.12.2021
Принята к публикации: 17.12.2021

The article was submitted: 01.11.2021
Approved after reviewing: 10.12.2021
Accepted for publication: 17.12.2021

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 90–99.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2021. Issue 4 (8). P. 90–99.

Научная статья
УДК 81'44
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-90-99

УСТОЙЧИВАЯ ФРАЗА И ФРАЗЕОКОНТЕКСТ: К ПРОБЛЕМЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Татьяна Владимировна Сафонова

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, safonova76@mail.ru

Аннотация. В настоящее время бесспорным является утверждение о том, что единицам языка свойственно постоянное стремление к обновлению. Не составляют исключения и устойчивые фразы – пословицы, поговорки, крылатые выражения. Процессы изменчивости (вариативности) на уровне фразовых единиц протекают в большей степени заметно и разнообразно: преобразование может затронуть как форму, так и содержание устойчивой единицы. Среди других типов варьирования в системе фразовых единиц широко представлено сокращение их компонентного состава – имплицирование. Импликационные изменения выстраиваются в строгую систему, представленную определенными моделями (способами) имплицирования фразовых единиц. С позиции основного критерия – тождества или различия исходной устойчивой фразы и ее импликатуры – выделяются два вида импликационных изменений фразовых единиц: импликация, происходящая в пределах тождества одной единицы, и импликация, нарушающая тождество. При этом важная роль в идентификации импликатур фразовых единиц (отнесении к вариантам одной и той же единицы или к самостоятельным единицам) принадлежит контексту. Фразеологический контекст (фразеоконтекст) отличает специфика структуры и характер лексических компонентов. Особую роль здесь приобретают так называемые фразеологические актуализаторы – это слова, сочетания слов, предложения или группы предложений, связанные по смыслу с употребляющимися в данном текстовом отрезке фразовыми единицами, вводящими их в речь в узуальной или окказиональной форме и во многом определяющими параметры возможных речевых трансформаций, в том числе в пределах или за пределами вариантообразования. Устойчивость и частотность функционирования импликатур фразовых единиц в специфичных для них контекстуальных условиях позволяет говорить о двух типах контекстов: тексты, восполняющие смысл редуцированной фразы в максимально полном объеме при имплицировании с интонационной незавершенностью и завершенностью фразы, и тексты, актуализирующие лишь часть семантического плана исходной фразы при вычленении фрагментов из ее состава.

Ключевые слова: устойчивая фраза, варьирование, вариант, имплицирование, фразеоконтекст.

Для цитирования: Сафонова Т. В. Устойчивая фраза и фразеоконтекст: к проблеме фразеологического варьирования // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 90–99. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-90-99

Сведения об авторе: *Т. В. Сафонова* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

© Сафонова Т. В., 2021

Scientific Article
UDC 81'44
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-90-99

SET PHRASE AND PHRASEOCONTEXT: ON PHRASEOLOGICAL VARIATION

Tatiana V. Safonova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, safonova76@mail.ru

Abstract. Currently, it is indisputable that the units of the language are characterized by a constant striving for renewal. Set phrases such as proverbs, sayings, catchphrases are no exceptions. The processes of variability at the level of phrasal units are more noticeable and diverse: the transformation can affect both the form and content of a set unit. Among other types of variation in the system of phrasal units, the reduction of their component composition - implication - is widely represented. Implication changes are built into a strict system, represented by certain models (ways) of implication of phrasal units. From the standpoint of the main criterion - the identity or difference of the initial stable phrase and its implicature - there are two types of implication changes in phrasal units: the implication that occurs within the identity of one unit, and the implication that violates the identity. At the same time, an important role in identifying the implicatures of phrasal units (referring to variants of the same unit or to independent units) belongs to the context. Phraseological context (phraseocontext) is distinguished by the specifics of the structure and the nature of the lexical components. A special role here is acquired by the so-called phraseological actualizers - these are words, combinations of words, sentences or groups of sentences related in meaning to the phrasal units used in a given text segment, introducing them into speech in an ordinary or occasional form and largely determining the parameters of possible speech transformations, including within or outside of variant formation. The stability and frequency of functioning of the phrasal units implicatures in contextual conditions specific to them allows us to speak of two types of contexts: texts that make up the meaning of the reduced phrase to the fullest extent possible when implicated with intonational incompleteness and completeness of the phrase, and texts that actualize only part of the semantic plan of the original phrase when isolation of fragments from its composition.

Keywords: set phrase, variation, variant, implication, phraseological context, phraseocontext.

For citation: Safonova, TV 2021, 'Set phrase and phraseocontext: on phraseological variation', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4(8), pp. 90–99, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-90-99 (in Russ.)

Information about the Author: *Tatiana V. Safonova* – PhD in Philology, Associate Professor of the Chair of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia.

© Safonova T. V., 2021

Одним из основополагающих свойств языковой системы является ее стремление к обновлению, что достигается в числе прочего вариативными возможностями языковых единиц, ее составляющих. Варьирование (вариативность, вариабельность), понимаемая как потенциальная способность единиц языка к различного рода изменениям, проявляется в условиях их речевой реализации. Преобразование возможно для всех языковых единиц и ярко проявляется в системе пословиц, поговорок, крылатых выражений, названных В. Л. Архангельским устойчивыми фразами (УФ) [1]. Вопрос о необходимости исследования специфики речевого употребления УФ с целью выявления их подлинной лингвистической сущности был поднят достаточно давно [1]. В настоящее время благодаря функционально-коммуникативному подходу гибкость и динамизм фразовых единиц, их большая тяга к вариативности признаются основными свойствами фразеологизмов данного типа (В. Т. Бондаренко, Г. Ф. Благова, В. М. Мокиенко, Н. Н. Федорова). Вместе с тем основная проблема изменения УФ и фразеологического варьирования в целом, касающаяся определения границ между речевыми реализациями одного и того же фразеологизма и новой единицей, остается открытой. К решению данного вопроса ученые подходят с учетом как языковой природы устойчивого выражения, так и внешних условий, определяющих эти изменения. Среди внутренних, собственно языковых причин, обусловливающих речевую мобильность УФ, отмечают противоречие между единым означаемым и дискретным означающим, сложное семантико-грамматическое устройство, абстрактность и образность значения, аналитичность семантики, риторический характер данных фразеологизмов. Среди внешних причин называют стремительные изменения в жизни общества, личностный фактор, возрастающую тенденцию к экспрессии речи и пр. Не менее значимая роль в реализации преобразовательного потенциала УФ, по мнению большинства ученых, отводится их текстовому окружению. Контекст выступает не только как главное условие актуализации УФ в изначальной словарной форме, он способен оказывать на них и весьма существенное преобразующее воздействие. Посредством текстовых элементов устраняется главное противоречие, свойственное УФ как языковому знаку, – устойчивость – неустойчивость, так как создаются условия для реализации или всех устойчивых признаков единицы (при ее полной воспроизводимости), или только части из них (при варьировании). Как справедливо отмечает В. П. Жуков, «жизнь пословицы по существу обнаруживается лишь в контексте, в речевом употреблении. В изолированном виде – вне контекста или ситуации – пословицы почти не реализуются. Не случайно народная мудрость гласит: «Пословица к слову молвится» [3, с. 21].

Цель данной статьи – исследование модификаций УФ в их тесной взаимосвязи с особенностями текстового пространства, выявление и характеристика типов контекстов, определяющих речевую реализацию устойчивой единицы в пределах или за пределами варьирования.

О том, что текст, направленный на актуализацию фразеологической единицы, отличается яркой спецификой, свидетельствует тот факт, что в лингвистической литературе за ним активно закрепляется термин «фразеологический контекст», «фразеоконтекст» [6]. При его исследовании ученые предлагают обращать внимание прежде всего на лексическую наполняемость – наличие в тексте особых слов – словсопроводителей [4, с. 19], фразеологических актуализаторов [7, с. 229–238], т.е. «слов, словосочетаний, предложений или групп предложений, семантически связанных с употребляющимися в данных контекстах фразеологизмами, вводящих их в речь при узуальном или окказиональном использовании» [5, с. 199].

В речи УФ подвергаются самым разнообразным изменениям, затрагивающим как форму, так и содержание единицы. К числу наиболее распространенных преобразований УФ можно отнести: 1) лексическое варьирование (*Правда глаза колет* →

Правда зенки колет; Ученье – свет, а неученье – тьма → Леченье – свет, а нелеченье – тьма); 2) варьирование на основе структурно-семантической модели (*Богу богово, а кесарю кесарево → Поэтам поэтово, а нам наше; Слесарю слесарево*); 3) грамматическое варьирование (*Начал за здравие, а кончил за упокой → Начал бы за здравие, а кончил бы за упокой; Готовь сани летом, а телегу зимой → Готовят сани летом, а телегу зимой*); 4) структурное варьирование (*Видит око, да зуб неймет → Видит око – зуб неймет; Вынести сор из избы → Кто-то ведь вынес сор из избы*); 5) количественное изменение компонентного состава (*Хорошо смеется тот, кто смеется последним → Хорошо смеется тот…; Игра не стоит свеч → Большая политическая игра стоила драгоценных свеч*) [2]. В каждом из отмеченных типов варьирования выделяются также частные способы изменения УФ, кроме того, достаточно частотны и комбинаторные преобразования, когда автор высказывания использует сразу несколько способов модификации устойчивых единиц (*Работа не волк – в лес не убежит → Работа, как волк, попряталась, разбежалась, сократилась; На каждый роток не накинешь платок → Платок на русский роток*).

Выбор того или иного варианта УФ во многом определяет характер построения текста, в то же время и различные параметры текста, без сомнения, задают способ изменения единицы.

Одними из наиболее зависимых от условий речевой ситуации, на наш взгляд, следует признать импликационные преобразования УФ, поскольку сокращение компонентного состава фразовых единиц нередко приводит к достаточно заметным модификациям их семантики. Это подтверждается и тем фактом, что многие исследователи единодушны в выделении семантической составляющей даного процесса: «Следует подчеркнуть, что процесс имплицирования глубоко семантичен – не случайно одним из наиболее употребительных и удачных терминов для его определения является «семантическая конденсация»; «Имплицирование большего контекста, ведущее к фразеологизации, – это не только количественное, но и качественное изменение языковых единиц. Изменения делают фразеологические единицы более компактными и лаконичными, что увеличивает их обобщенность» [2, с. 123; 7, с. 99].

Следует отметить, что общий термин импликация, понимаемый как сокращение лексической протяженности УФ, объединяет ряд частных количественных трансформов:

1) эллиптические варианты с интонацией незавершенности: *Как корабль назовешь, так он и поплывет → Как корабль назовешь… (АиФ, №26, 2016); Каждому по его вере дается → Как говорится, каждому по его вере… (МК, №3, 2008); Долг платежом красен → Долг платежом… (АиФ, №51, 2007);*

2) эллиптические варианты с интонацией завершенности: *Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет → Умный в гору не пойдет (Слобода, №6, 2008); Не знаешь, где найдешь, где потеряешь → Где найдешь, где потеряешь (МН, №8, 2008);*

3) фрагмент, выделенный из состава УФ и приобретающий статус фраземы: *Ласковый теленок двух маток сосет → Тверской бык оказался ласковым теленком (КП, №13, 2008); Старого воробья на мякине не проведешь → Оказывается, мужиков легко провести на мякине (establishment. Com.ua);*

4) отдельная лексема, вычлененная из состава фразовой единицы: *Старого воробья на мякине не проведешь → Главное, чтобы эта «мякина» была грамотно распределена матушкой природой (establishment. Com.ua);* Знал бы, где упасть, соломки подстелил → *Рынок – это соломка? (АиФ, №28, 2009).*

Приведенные примеры показывают, что редукция компонентного состава в разной степени затрагивает план выражения единицы: сокращению может подвергнуться как одна лексема в составе единицы, так две и более, сокращение может достичь своего максимального предела – исходная единица сократится до одного слова.

Количественные изменения не могут не отразиться на смысле преобразованной фразы: конечно, чем масштабнее сокращение, тем больше вероятности нарушения семантического тождества между инвариантной УФ и ее модификацией, однако и в данном случае нельзя говорить о прямой зависимости семантического сдвига от количества сокращенных компонентов.

Напр., при эллипсисе с интонацией незавершенности возможно функционирование лишь начального фрагмента фразы, состоящего из двух самостоятельных лексем или служебного и знаменательного слова: *Если хочешь быть здоров… Проведенный недавно опрос показал, что только 21% россиян делают утреннюю гимнастику, а тех, кто регулярно занимается спортом, еще меньше – 18 % (МК, №3, 2009); Это лотерея, к тому же на вкус и цвет, как известно… Можно заказать только два параметра: рост и возраст (МК №11, 2009); Без бумажки ты… – название статьи об использовании чиновниками возможностей Интернет-ресурсов (АиФ, №11, 2009).* Данный способ преобразования направлен на создание более лаконичной формы при условии максимального сохранения всего объема информации, что была заложена в исходной структуре. Возможно это благодаря специфике УФ, закрепившейся в языке в качестве единицы с устойчивой последовательностью взаимосвязанных языковых элементов, эксплицирующих хорошо известное нам значение. Как отмечал В. Т. Бондаренко: «Сохранение усеченным вариантом полного содержания УФ становится возможным благодаря фразеологической антиципации (термин В.Л. Архангельского): общее значение целого предвосхищается фрагментом фразы, выполняющим сигнальную функцию» [2, с. 293]. Ср. также высказывание А. А. Потебни: «Чем неизбежнее вам по поводу А приходит в голову В, тем сильнее ассоциация. Например, в молитве «Отче наш» первое слово вызовет остальные. Ассоциация от начала к концу здесь сильнее, чем в обратном направлении» [8, с. 106]. Вместе с тем следует признать, что важная роль в процессе прогнозирования, т.е. восстановления в сознании носителей языка исходной формы и содержания редуцированной фразы, отводится именно контексту: текст выстраивается таким образом, что максимально компенсирует утраченные смысловые блоки. Напр.: *Семь раз отмерь… Ученые выяснили, что жертвы домашнего насилия терпят побои в среднем семь раз, и только потом обращаются за помощью (Слобода, №47, 2002).* Отметим смысловое тождество пословичного компонента и текстового – «семь раз», что обусловливает синонимию редуцированного фрагмента фразы – «один отрежь» и высказывания «потом обращаются за помощью».

При вычленении фрагмента или отдельной лексемы из состава УФ нередко обнаруживается противоположная тенденция – намеренная актуализации лишь части фразеологического значения, с течением времени такие образования могут приобрести статус самостоятельных единиц (старый воробей, пуганая ворона, собака на сене, синица в руках и др.)

На начальном этапе их отдельного от исходной фразы функционирования очень важна контекстуальная «поддержка»: в таких фрагментах, как правило, не содержится элементов, напрямую компенсирующих информацию, перешедшую в разряд имплицитных смыслов. Напр.: *Еще четверть считают, что человек должен сам позаботиться о том, чтобы «подстелить соломки» – застраховать свою жизнь (АиФ, №48, 2009).*

Таким образом, прибегая к импликации УФ и желая передать семантику единицы в полном объеме или только подчеркнуть часть значения, авторы высказывания вынуждены определенным образом выстраивать и смысловое поле текста в целом, что проявляется в строгом отборе лексических единиц и специфике взаимоотношений между ними. Это позволяет нам выделить два типа контекста.

Первый тип контекста способствует актуализации целостного значения УФ. Здесь, во-первых, следует обратить внимание на тексты, в которых наряду с имплицированной УФ вводится и ее полный вариант. Происходит, с одной стороны, как бы многократное утверждение пословичной мудрости, с другой стороны – это можно рассматривать как простейший способ обратить внимание читателя на целостное значение паремии. Напр.: *...кобыле легче... Кобыла – это я. А с возу – ученица, которую учила 4 года. Бывают такие ученики – когда уходят, то понимаешь, что вот теперь станет легче. Как в той известной пословице – Баба с возу, кобыле легче (www.forumklassika.ru).*

Во-вторых, экспликация значения полной формы УФ может происходить за счет присутствия в контексте лексических единиц, семантически близких имплицированным. Обратимся к примерам употребления двух эллиптических вариантов одной УФ *Коготок увяз, всей птичке пропасть*, смысловая структура которой характеризуется распределением семантики между двумя предикативными частями: *коготок увяз* – 'начать какое-либо дело, чаще всего предосудительное', *всей птичке пропасть* – 'нет возможности выпутаться из этого дела, остановиться'. Несмотря на такое яркое деление смыслового плана, при редукции УФ строго по структурно-семантическому шву одна из утраченных частей получает возможность восстанавливаться в сознании адресата высказывания посредством элементов текста, связанных с утраченным фрагментом различного рода смысловыми отношениями. Напр.: *Стоит только начать, как опускаются руки, наворачиваются слезы, и вот уже нет в мире человека несчастнее вас. Как говорится, коготок увяз...* (КП, №10, 2007). В данном случае нельзя не отметить соотнесенность лексем птичка – человек, пропасть – несчастье, в первом случае благодаря образной основе, во втором – общей семе 'тяжелое, гибельное состояние'; *Люди поработали и видят, что у соседей хорошие урожаи свеклы, а им для кондитерских заводов сахар нужен. Взяли землю, закупили семена, технику, начали выращивать свою свеклу. В общем, как выразился знакомый директор, "птичка лапку опустила – коготок увяз". С недавних пор в обладминистрации стали регулярными встречи с инвесторами. Приезжают хозяева крупнейших предприятий, рассказывают о планах, выслушивают пожелания. Идет нормальный диалог бизнеса и власти* (Труд, №7, 2005). Данный пример иллюстрирует противоположную тенденцию – актуализируется только часть общего значения исходной УФ, закрепленная за компонентами «коготок увяз», при этом отмечается и смысловой сдвиг: здесь фрагмент выступает со значением 'погрузиться полностью в новое дело', что возможно так же благодаря условиям контекста, лексический состав которого эксплицирует следующие смыслы: 'новое дело', 'начало процесса', 'регулярность процесса'.

Таким образом, наличие или отсутствие в тексте слов, связанных значением с редуцированными элементами, оказывается важным параметром при определении характера вариантообразования в системе УФ. Функцию слов-сигналов выполняют, как правило, единицы одного с утраченными элементами семантического поля или парадигматически связанные с ними. Так как значение многих УФ есть результат метафорического переосмысления, то на первый план выходят, конечно же, ассоциативные отношения между словами. Напр.: *На безрыбье... В последнем социологическом исследовании российской элиты поражает то, что в списках «властителей дум» совершенно отсутствуют писатели, ученые... Но зато на почетное место каким-то образом затесалась ведущая Т. Канделаки* (АиФ, №4, 2009). Целостное значение паремии *На безрыбье и рак – рыба* можно распределить между компонентами: *«на безрыбье»* - отсутствие хорошего, лучшего, «*рак – рыба*» – что-то среднее. Имплицированный компонент в условиях контекста («*на безрыбье*» – при отсутствии ученых,

писателей, «*затесалась*» – разг., отрицательная коннотация) ассоциативно соотносится с именем собственным *Т. Канделаки* (тот самый рак) и восстанавливается в сознании читателя*; «Хотя в целом по стране наблюдается отток мигрантов, в правительстве его останавливать не намерены: не до жиру. Своих бы работяг трудоустроить»* (АиФ, №9, 2009). Здесь значение завершающей синтагмы коррелирует с семантикой имплицированной части *«быть бы живу»*.

Если говорить о «фразеологических актуализаторах» – словах, словосочетаниях, предложениях, непосредственно вводящих имплицированную УФ в контекст, то наиболее частотными среди них являются: *как говорится, это называется, говорят, по принципу, по обычаю* и др.: *Не стоит забывать, что проверено жизнью: русские долго запрягают* (МК, №6, 2009) – *Русские долго запрягают, но быстро едут; Это лотерея, к тому же на вкус и цвет, как известно…* (МК, №11, 2009) – *На вкус и цвет товарищей нет*.

Как показывает материал, данный контекст характерен для эллиптических вариантов с интонацией незавершенности и интонацией завершенности.

Второй тип контекста свойствен УФ, тяготеющим к экспликации значения отдельных компонентов или группы компонентов. В подобных контекстах можно встретить эллиптические варианты УФ с интонацией завершенности. В общей структуре текста они функционируют как самостоятельные простые предложения или становятся частью полипропозитивной структуры. Как правило, эллипсис здесь совмещается с буквализацией: *Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет → Умный в гору не пойдет. Без телефона – название статьи о спасательной операции в горах* (АиФ, №52, 2007).

Но более частотно здесь вычленение компонентов УФ, функционирующих на правах фраземного знака. Включая в текст такой фрагмент, говорящий каждый раз «как бы сужает размеры сцены действия, охватываемой общим значением УФ, удаляя для этого из фрейма какую-то из его частей» [2, с. 136]. Соответствующим образом выстраивается и семантическое пространство текста, особую роль здесь играют слова, словосочетания и предложения, поясняющие значение не имплицированного, а вычлененного фрагмента. Напр.: *«Благодаря совместным усилиям спустя две недели после съемок я в один момент почувствовал: «костюмчик сел», образ сложился»* (АиФ, №9, 2009) – *Главное, чтобы костюмчик сидел*. Ср. выделение фрагмента из УФ *Из двух зол выбирают меньшее → «меньшее зло»: Слухи об уходе Медведева и возвращении Путина в президентское кресло распространялись в рамках PR – проекта «меньшее зло». В условиях кризиса важно отвлечь внимание от наиболее острых его последствий* (МК, №3, 2009). Подобная модификация мотивирована окружающим контекстом: уход Медведева – это «меньшее зло», «большее зло» – экономический кризис.

Данный контекст способствует и выделению отдельной лексемы из состава фразовой единицы. Эти слова - символы, сохраняя деривационную связь с языковым прототипом – пословицей [9, с. 114], репрезентируют все же свою семантику, пусть и полученную на базе полной УФ. Их «индивидуальное» значение и встраивается говорящим в общий смысл высказывания. Напр.: *С «хлебом» сейчас трудновато, а какое зрелище может быть лучше, чем показательное наказание начальства? Именно поэтому четыре губернатора и стали вчера первыми жертвами кремлевской «метлы»* (МК, №8, 2009). Из УФ *Новая метла по-новому метет* была вычленена лексема *«метла»* (‘начальник’), получившая в данном тексте конкретизацию – «руководство страны», непосредственными актуализаторами выступили: *«начальство», «губернаторы», «кремлевская»*.

Для имплицированных конструкций значимо также их место в общей структуре текста, представляющей собой определенную последовательность взаимосвязанных синтагм. Можно выделить три наиболее сильные позиции для количественных трансформов:

1) имплицированная УФ употребляется в качестве заголовка текста: *«Зараза к заразе…»* (АиФ, №7, 2008), *«Царь и псарь»* (МК, №4, 2008). Заголовок несет основную смысловую нагрузку, выражая тему текста или его основную мысль, предопределяет отбор языковых средств и их взаимодействие и выполняет в результате текстообразующую функцию [4, с. 77];

2) имплицированная УФ является вступлением к высказыванию: содержание статьи раскрывает и уточняет значение паремии, здесь УФ по своей значимости близка к УФ – заголовку, т.к. обеспечивает в полной мере антиципацию, т.е. упреждает восприятие и обусловливает понимание текста. Напр.: *«Без бумажки ты букашка». Аналогов этой пословице нет нигде в мире, зато в России она прижилась прочно. Не верите, а попробуйте что-нибудь сделать без прописки* (МН, №4, 2008);

3) имплицированная УФ служит выводом, обобщением всего сказанного: используя УФ как итог, говорящий еще раз подчеркивает значимость своей мысли, интерпретируя ее как мнение большинства, и таким образом обеспечивает адекватное отношение к предлагаемому им материалу. Напр.: *Не бойтесь отстаивать свои права! Конечно, наши чиновники вошли во вкус по части «обвешивания» ушей населения разными макаронными изделиями. Но, как говорится, сколько веревочке ни виться…»* (АиФ, №12, 2009).

Среди общих условий, определяющих выбор УФ и ее модификацию в языке прессы, выделяются следующие [2]:

1) значение фразовой единицы и особенностей той речевой ситуации, за которой она «закреплена», т.е. не должно нарушаться тождество означающего и референта пословичного знака;

2) в некоторых случаях учитываются возрастные и гендерные особенности адресантов, их социальный статус;

3) имплицированию могут подвергаться УФ, входящие в активный запас, т.е. наиболее употребительные, известные всем носителям языка;

4) у импликации должны быть пределы: из состава УФ сокращаются компоненты менее образные, коммуникативно нагруженные, а сохраняются – наиболее значимые, представляющие собой образный и информативный стрежень паремии. Эти элементы определяются лингвистами как детерминирующие члены, компоненты-экспликаторы, репрезентирующие фразеологическое значение [1, с. 224–225; 7, с. 229–238]. Данное условие определяется аналитичностью семантики УФ, так как, несмотря на целостность общего значения, все-таки наблюдается заметное перераспределение смыслов между отдельными компонентами фразовой единицы.

Наше исследование зависимости преобразования фразовых единиц от условий контекста в рамках данной статьи было ограничено лишь их изменениями по количественным параметрам, поскольку в процессе сокращения плана выражения УФ ярко прослеживается две тенденции – собственно вариантообразование и образование самостоятельных единиц, поэтому при оценке результатов импликации важно учитывать все стороны их конкретной речевой реализации. Анализ различных способов импликационных модификаций УФ: эллиптических вариантов с интонацией незавершенности, с интонационной завершенностью, вычленение фрагмента и отдельной лексемы из состава УФ – позволяют говорить об их устойчивой реализации в определенных контекстах, специфичных для тех или иных трансформаций исходных УФ и отличающихся структурой, лексическим наполнением, что дает нам возмож-

ность выделить два основных типа контекста для импликатур фразовых единиц: тексты, восполняющие смысл редуцированной фразы в максимально полном объеме, и тексты, актуализирующий лишь часть семантического плана УФ.

Список источников и литературы

1. *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
2. *Бондаренко В. Т.* Варьирование устойчивых фраз в русской речи : учеб. пособие по спецкурсу. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н.Толстого, 1995. 151 с.
3. *Жуков В. П.* О словаре пословиц и поговорок : предисловие // Словарь русских пословиц и поговорок / сост. В. П. Жуков. М.: Сов. энцикл., 1967. С. 9–17.
4. *Жуков В. П., Жуков А. В.* Русская фразеология : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2006. 408 с.
5. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1996. 381 с.
6. *Ломакина О. В.* Фразеоконтекст: от теории изучения к практике интерпретации // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 92–97.
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frazeokontekst-ot-teorii-izucheniya-k-praktike-interpretatsii (дата обращения: 07.11.2021).
7. *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2008. 484 с.
8. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. С. 55–110.
9. *Третьякова И. Ю.* К вопросу об окказиональном моделировании паремий // В. И. Даль в парадигме идей современной науки : материалы III Всерос. науч. конф. Иваново, 2006. С. 108–114.

References

1. Arkhangel'skiy, VL 1964, *'Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke: Osnovy teorii ustoychivykh fraz i problemy obshchey frazeologii'* (Set phrases in modern Russian: Fundamentals of the theory of set phrases and problems of general phraseology), Rostov University publ, Rostov-on-Don. (in Russ.)
2. Bondarenko, VT 1995, *'Var'irovaniye ustoychivykh fraz v russkoy rechi : ucheb. posobiye po spetskursu'* (Variation of set phrases in Russian speech: textbook for an additional course), TSPU publ, Tula. (in Russ.)
3. Zhukov, VP (comp) 1967, 'O slovare poslovits i pogovorok : predisloviye' (Preface: about the dictionary of proverbs and sayings), *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* (Russian Proverbs and Sayings Dictionary), Sovetskaya entsiklopediya publ, Moscow, pp. 9–17.
4. Zhukov, VP & Zhukov AV 2006, *'Russkaya frazeologiya: uchebnoye posobiye'* (Russian Phraseology: textbook), 2nd edn, rev., Vysshaya shkola publ, Moscow. (in Russ.)
5. Kunin, AV 1996, *'Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka'* (Course of Phraseology of Modern English), Vysshaya shkola publ, Moscow. (in Russ.)
6. Lomakina, OV 2015, 'Frazeokontekst: ot teorii izucheniya k praktike interpretatsii' (Phraseological Context: from Theoretical Studies to the Practice of Interpretation), *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, no. 4 (42), pp. 92–97, viewed 07 November 2021, https://cyberleninka.ru/article/n/frazeokontekst-ot-teorii-izucheniya-k-praktike-interpretatsii (in Russ.)
7. Melerovich, AM & Mokiyenko, VM 2008, *'Semanticheskaya struktura frazeologicheskikh yedinits sovremennogo russkogo yazyka'* (Semantic structure of phraseological units of the modern Russian language), Kostroma State University publ, Kostroma. (in Russ.)

8. Potebnja, AA 1990, 'Iz lektsiy po teorii slovesnosti. Basnya. Poslovitsa. Pogovorka' (From Lectures on the Theory of Literature: The Fable, the Adage, the Proverb), *Teoreticheskaya poetika* (Theoretical Poetics), Vysshaya shkola publ, Moscow, pp. 55–110. (in Russ.)
9. Tret'yakova, IYu 2006, 'K voprosu ob okkazional'nom modelirovanii paremiy' (On occasional modeling of paremias), in *V.I. Dal' v paradigme idey sovremennoy nauki (V. I. Dahl in the paradigm of ideas of modern science)*: *3d All-Russian Scientific Conference*, Ivanovo, pp. 108–114. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 07.11.2021
Одобрена после рецензирования: 10.12.2021
Принята к публикации: 17.12.2021

The article was submitted: 07.11.2021
Approved after reviewing: 10.12.2021
Accepted for publication: 17.12.2021

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 100–109.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2021. Issue 4 (8). P. 100–109.

Научная статья
УДК 811.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-100-109

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПОПОЛНЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РЕПЕРТУАРА ОБУЧАЮЩИХСЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ А. П. ЧЕХОВА «Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ»)

Наталия Михайловна Старцева

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, nstarceva@bk.ru

Аннотация. На сегодняшний день одним из наиболее важных стратегических вопросов языкового образования остается вопрос о тексте и его образовательных и воспитательных возможностях. В статье рассматриваются проблемы восприятия и интерпретации публицистического текста молодым читателем, а также вопросы роли и места классического публицистического текста в современной образовательной парадигме. Текст, в том числе и относящийся к публицистике, позволяет успешно формировать важные филологические компетенции, оказывает влияние на мировоззренческие и эстетические взгляды воспринимающего субъекта, его нравственно-этические представления, способствует пополнению эмоционального репертуара обучающихся. Наиболее значимыми для молодого читателя должны быть признаны публицистические тексты, авторами которых являются писатели-классики, чей авторитет очевиден для читателя. Это важно потому, что в подобном тексте чрезвычайно значима личность автора, проявляющаяся открыто в прямом выражении собственной позиции, в том числе благодаря оценочной лексике, синтаксическим особенностям текста. Однако современный молодой человек не может адекватно воспринимать классический публицистический текст, созданный в прошлом или позапрошлом столетии, так как ему необходим подробный лингвокультурологический комментарий, благодаря чему восприятие текста перестанет быть сложным. Базовый комментарий к такому публицистическому произведению должен содержать подробное пояснение всех собственных имен (имена людей, географические наименования, названия праздников, произведений искусства и т.п.), архаичной лексики, специальных слов и терминов. На примере статьи А. П. Чехова, посвященной Н. М. Пржевальскому, разобран желаемый объем лингвокультурологического комментирования текста при подготовке его к работе в старших классах средней общеобразовательной школы.

Ключевые слова: публицистический текст, антропоцентрическая парадигма языкового образования, лингвокультурологический комментарий, текстовая и внетекстовая информация, дешифровка текста, эмоциональный репертуар обучающегося.

Финансирование: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме: «Формирование читательских компетенций в условиях цифровой информационной избыточности и дефицита эмоционального репертуара обучающихся».

Для цитирования: Старцева Н. М. Лингвокультурологическое комментирование публицистического текста как необходимая составляющая его интерпретации и пополнения эмоционального репертуара обучающихся (на материале статьи А. П. Чехова «Н. М. Пржевальский») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 100–109. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-100-109.

Сведения об авторе: *Н. М. Старцева* – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

© Старцева Н. М., 2021

Scientific Article
UDC 811.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-100-109

LINGUOCULTUROLOGICAL COMMENTING ON A JOURNALISTIC TEXT AS A NECESSARY COMPONENT OF ITS INTERPRETATION AND REPLENISHMENT OF STUDENTS' EMOTIONAL REPERTOIRE (BASED ON THE ARTICLE "N.M. PRZHEVALSKY" BY A.P. CHEKHOV)

Natalia M. Startseva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, nstarceva@bk.ru

Abstract. Today, one of the most important strategic issues in language education is the question of the text and its educational and upbringing capabilities. The article examines the problems of perception and interpretation of a journalistic text by a young reader, as well as the role and place of the classical journalistic text in the modern educational paradigm. The text, including those related to journalism, allows readers to successfully form important philological competencies, influences the worldview and aesthetic views of the perceiving subject, their moral and ethical ideas, contributes to the replenishment of the emotional repertoire of students. The publicistic texts, the authors of which are classic writers, whose authority is obvious to the reader, should be recognized as the most significant ones for the young reader. This is important because in such a text the personality of the author is extremely significant that is manifested openly in the direct expression of their own position, including thanks to the evaluative vocabulary and syntactic features of the text. However, a modern young person cannot adequately perceive a classical journalistic text created in the last or the century before last, since he needs a detailed linguistic and cultural commentary, due to which the perception of the text will cease to be difficult. The basic commentary to such a publicistic work should contain a detailed explanation of all proper names (names of people, geographical names, names of holidays, works of art, etc.), archaic vocabulary, special words and terms. On the example of the article by A. P. Chekhov, dedicated to N. M. Przhevalsky, analyzed the desired amount of linguoculturological commenting on the text when preparing it for work in the senior classes of secondary schools.

Keywords: publicistic text, anthropocentric paradigm of language education, linguistic and cultural commentary, textual and extra-textual information, text decryption, emotional repertoire of the learner.

Funding: the study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic: "Formation of reading competencies in the conditions of digital information redundancy and deficit of emotional repertoire of students".

For citation: Startseva, NM 2021, 'Linguoculturological commenting on a journalistic text as a necessary component of its interpretation and replenishment of students' emotional repertoire (based on the article "N.M. Przhevalsky" by A.P. Chekhov)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4(8), pp. 100–109, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-100-109 (in Russ.)

Information about the Author: *Natalia M. Startseva* – Associate Professor, PhD in Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian language and literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia.

© Startseva N. M., 2021

Как бы ни менялся мир, какие бы инновационные процессы его ни захватывали, куда бы ни вела нас педагогическая и психологическая наука, главной задачей филологического образования все равно остается работа с текстом, глубокое и серьезное понимание его как одного из главных продуктов умственной деятельности человека [4]. Только текст способствует формированию всех филологических компетенций и одновременно оказывает значительное влияние на личность читающего, корректирует его мировоззренческие установки, учит сопереживанию. Именно текст дает возможность одновременного двупланового диалога – с автором и с самим собой. Однако это становится возможным лишь в том случае, если тот, кто воспринимает текст, способен его понять и, исходя из собственного уровня образования, развития, жизненных приоритетов, адекватно дешифровать, приблизиться к раскрытию авторского замысла.

Решение подобной задачи должно быть признано сложным для читателя любого возраста, даже имеющего солидный читательский и жизненный опыт. Куда труднее справиться с ней подростку, хотя ему приходится находиться в постоянном плотном текстовом окружении: это учебные тексты, художественная литература, бытовые тексты (переписка в мессенджерах, обмен смс и т.п.). Безусловно, главная роль в обучении работе с текстом принадлежала и принадлежит школе. И здесь главным проводником к постижению текста будет являться учитель-филолог, который на высоких образцах может продемонстрировать, как функционирует текст, какой нравственный, эмоциональный, интеллектуальный потенциал в нем заложен [4, с. 46].

Анализ текста предполагает его оценку как единицы языка и как феномена культуры. Помимо этого, текст рассчитан на эмоциональный отклик читателя, субъективную оценку его содержания [2, с. 23]. Все указанное выше, конечно, невозможно, если составляющие текста неизвестны читателю. Понимание включает в себя несколько важных этапов, первым из которых должно быть раскрытие непосредственных, поверхностных смыслов текста, для чего необходимо знание толкования языковых единиц, встречающихся в тексте, а также знание истории, культурологических фактов, то есть требуется лингвистическая и лингвокультурологическая дешифровка текста. Последняя способствует его глубокому целостному осмыслению, позволяет приблизиться к его всесторонней интерпретации.

Высказанные размышления касаются не только художественных текстов, но и публицистики. Публицистический текст одновременно и проще и сложнее текста художественного. У публициста более явный посыл, потому что его задача – передать идею, сформировать у читателя определенную позицию относительно высказанных в произведении мыслей, что предполагает оценочность (использование коннотативной лексики, восклицательных предложений, риторических вопросов и т.д.). Но, с другой стороны, публицистическое произведение всегда «привязано» ко времени и конкретной ситуации, во многом определяется ею, и при этом оно еще очень субъективно (хотя может выражать не личную позицию автора, а позицию определенной социальной или политической группы), в нем всегда открыто звучит авторская позиция [3].

Современная жизнь предполагает необходимость обращения к публицистическому тексту, в том числе и рамках школьного образования. Продиктована такая необходимость и спецификой выпускного экзамена по русскому языку, где используются различные публицистические тексты в качестве основы для сочинения выпускника и для выполнения различных заданий, напрямую связанных с пониманием содержания. Кроме того, изучение публицистики оказывает влияние на социализацию школьников, так как современным детям, живущим в ситуации информационной избыточности, очень сложно ориентироваться в потоках сведений, находить твердую почву под ногами, видеть верный вектор развития. Классический публицистический текст может помочь школьнику научиться основам текстовой дешифровки.

Факты, изложенные в публицистическом произведении, должны быть знакомы читателю, так что тексты, созданные в прошлом или позапрошлом веках, сегодня требуют прямого развернутого комментария, иначе задача, которую вкладывал в свое произведение публицист, не будет решена.

Тексты для работы должны быть тщательно отобраны. В том числе и с учетом личности автора, ведь в публицистике его мировоззренческие оценки играют важнейшую роль – от определения темы и героев произведения до выбора языковых средств [7, с. 5]. Конечно, так бывает и в художественном тексте, но в публицистике личность автора не скрыта, напротив, имеет важнейшее значение его позиция и его собственные оценки ситуации. Значит, следует выбирать такие произведения публицистического стиля, которые созданы авторитетными, талантливыми авторами, имеют этическую, интеллектуальную и эстетическую ценность, вызывают эмоциональный отклик [7, с. 5].

Кроме того, если предлагать школьникам знакомство с публицистическими произведениями, то нужно провести тщательную подготовительную работу и сопроводить текст подробным комментарием, причем не только историческим и лингвокультурологическим, но и, возможно, социально-политическим, экономическим, так как реалии современного мира и тот общественно-политический срез, который соответствует текстовому времени, могут быть разными.

Такие тексты, которые были бы интересны современным школьникам, одновременно полезны для формирования у них филологических компетенций и эмоционально насыщенны, ярки, – это в первую очередь публицистика русских классиков, хотя она, безусловно, сложна для учащихся и требует специальной предварительной работы, направленной на то, чтобы дать учащемуся представление о тех реалиях, о которых говорит автор.

Наглядно продемонстрировать необходимость такого подготовительного этапа и его объем можно на примере небольшой статьи А. П. Чехова, посвященной замечательному русскому путешественнику Н. М. Пржевальскому. Имя А. П. Чехова знакомо школьнику, некоторое представление о его личности и особенностях стиля у него есть. Публицистические произведения писателя, его эпистолярная проза не менее интересны и талантливы, чем его художественные произведения. Сам А. П. Чехов был человеком эрудированным, интеллигентным, всегда имеющим свою позицию. Он был свободен от политических течений, никогда не принадлежал ни к одной группировке или партии, не примыкал к тем людям, кого не уважал, всегда писал только о том, что было лично ему интересно и с его точки зрения значимо.

Сам А. П. Чехов был человеком порядочным и заботливым, старался по мере сил помогать всем нуждающимся. Он бесплатно лечил крестьян, старался облегчить их жизнь, радушно принимал в доме гостей, которые могли задерживаться у него неделями, доставляя хозяевам явные неудобства.

И все же современник (в том числе он сам) кажется ему человеком слабым, утратившим опору в жизни, потерявшим или, возможно, изначально не имевшим веры. Поиск пути, возвращение к самому себе – вот задача, которую должен решить любой достойный человек. Такого героя А. П. Чехов хочет найти в жизни, человека, имеющего какой-то особый стержень, дающий возможность преодолевать себя.

Желание рассказать о человеке подвига, о том, кто не жалеет себя и своей жизни во имя каких-то важных, высоких целей, привело Чехова к мысли о Пржевальском, известие о смерти которого потрясло всех не только в России, но, пожалуй, и во всей Европе.

Некролог, посвященный Пржевальскому, был впервые опубликован в «Новом времени» 26 октября 1888 года. У материала не было ни названия, ни подписи, хотя авторство Чехова не было секретом.

Личность Н. М. Пржевальского была интересна Чехову-писателю, однако еще больше интересна Чехову-человеку. Исследователь был современником писателя, менявшим научные представления буквально на глазах общественности, он уже при жизни был признан личностью огромного масштаба, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что Н. М. Пржевальскому при жизни вручили специально выбитую золотую медаль с его барельефом и надписью: «Первому исследователю Центральной Азии». За два десятилетия он совершил четыре экспедиции в Центральную Азию, прошел более тридцати тысяч километров, определил географические координаты шестидесяти трех пунктов, нанес на карту более 20 тысяч километров пути. Его исследования охватили территорию в 6 миллионов квадратных километров. Н. М. Пржевальским описано более двухсот видов растений, ранее неизвестных науке, открыто 30 видов птиц, новые виды млекопитающих: дикий верблюд, дикая лошадь, дикий як, разновидность горных баранов.

Родившись в семье мелкого небогатого помещика, жившего в Смоленской губернии, будущий исследователь имел не самые блестящие жизненные перспективы. Он рано – в семилетнем возрасте – потерял отца. Всем хозяйством и воспитанием детей (у Николая Михайловича было два брата, один из которых стал известным математиком, а второй – блестящим адвокатом) пришлось заниматься Елене Алексеевне Пржевальской. Ей помогал в этом брат, отставной офицер Павел Алексеевич Каретников. Именно дядя во многом повлиял на пристрастие племянника к странствиям и поиску приключений, он научил его стрелять, брал с собой на охоту, воспитывал выносливость и терпение.

Все дети получали вначале домашнее образование, достаточное для поступления в гимназию, где Пржевальский учился легко и с интересом, хотя успевал при этом доставлять преподавателям массу проблем своим поведением. Получив золотую медаль по итогам обучения, будущий путешественник не стал поступать в университет. Он выбрал для себя военную карьеру, о которой он мечтал с самого детства, что было вполне естественно для сына и племянника офицеров. В 1855 году его зачислили унтер-офицером в сводный запасной Рязанский полк. Служба не слишком нравилась молодому человеку: офицеры и солдаты гуляли и пьянствовали, боевой подготовкой совсем не занимались. Пржевальский хотел отправиться в действующую армию – в это время в самом разгаре была Крымская кампания, но ничего не вышло: полк его сначала перебросили в Финляндию, затем в город Кременец Волынской губернии. Понимая, что перспективы его дальнейшей службы печальны, Пржевальский попытался добиться перевода на Амур, но вместо этого получил несколько суток ареста. Стремясь как-то изменить ситуацию, Пржевальский решил поступать в академию Генерального штаба. В то время это была очень непростая задача, потому что привилегиями для зачисления пользовались дети потомственных богатых дворян. Однако благодаря феноменальной зрительной памяти и невероятному упорству он оказался в числе зачисленных в академию офицеров.

Учеба дала ему время для активного чтения (он мог читать без перерыва по 10-15 часов подряд), самообразования и развития в тех областях, которые его особенно интересовали. Уже на втором курсе он сумел написать прекрасную курсовую работу «Военно-статистическое обозрение Приамурского края» (1864 год). Молодого человека заметили и приняли в члены Русского императорского географического общества. Это приблизило Пржевальского к исполнению его заветной мечты – путешествиям в неизведанные земли. Снаряжение экспедиции требовало немалых средств, которыми Пржевальский не обладал и не мог рассчитывать на получение каких-то субсидий от государства, потому что его научный авторитет был совсем невысок. Ему нужно было время, вот почему Пржевальский на несколько лет уехал в Варшаву, где

он не только поступил на службу в должности командира взвода, но и стал преподавателем географии в юнкерском училище, что позволяло совершенствовать свои познания в любимой Пржевальским области. По свидетельствам современников, он был очень интересным преподавателем, умел увлечь слушателей. Кроме того, он составил увлекательный учебник географии, по которому занимались его студенты. В Варшаве у будущего путешественника было много возможностей для изучения его любимого региона – Азии. Феноменальная память позволяла ему с фотографической точностью запоминать карты и многочисленные сведения по истории и географии, что впоследствии ему очень помогло во время экспедиций. Уникальной зрительной памяти Пржевальский обязан и своими «успехами» в карточной игре. Он играл не так часто и не был азартен, но мог таким способом добывать необходимые средства (подобный путь он будет использовать во время первой экспедиции, играя с купцами и золотодобытчиками) для осуществления своих планов. Крупный выигрыш достался Пржевальскому лишь однажды, когда он за один вечер карточной игрой «заработал» 12 тысяч рублей. Обычно он выигрывал не больше тысячи, никогда не имел при себе много денег, всегда своевременно вставал из-за игрового стола.

Благодаря содействию некоторых важных лиц из Географического общества Пржевальскому удалось добиться причисления к офицерам Генерального штаба, что в свою очередь помогло ему попасть на службу в Восточно-Сибирский округ. Пришло время серьезно задуматься о планах первой экспедиции. По совету известного исследователя Азии Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского Пржевальский отправляется изучать левый берег реки Амур, ставший к тому времени российским. Николаю Пржевальскому удалось собрать необходимые средства и получить соответствующее разрешение. 27 мая 1867 года он отправился к озеру Байкал, а затем к Амуру. Эта экспедиция заняла в общей сложности около двух лет, позволила Пржевальскому приобрести авторитет в нужных кругах. После этой первой для себя экспедиции Пржевальский читал лекции об Уссурийском крае сначала в Иркутске, а потом в Петербурге, куда вернулся в январе 1870 года. Результаты его изысканий были оценены высоко, что позволило запросить разрешение на долгосрочную экспедицию в Монголию и Тибет. И в 1870 году ему удалось добиться такого разрешения на трехлетнее исследование территории Центральной Азии. Он проделал путь до Пекина, чтобы там получить разрешение на исследования, а затем дошел до озера Далай-Нур. В первой экспедиции Пржевальский не добрался до Тибета, однако ему удалось сделать ряд важных открытий о рельефе, описать географические и биологические объекты, в том числе ранее неизвестные. Вернувшись домой, путешественник издал книгу «Монголия и страна тангутов».

Вторая экспедиция принесла Пржевальскому открытие хребта Алтын-Таг и книгу «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор». А после завершения третьей экспедиции в Центральную Азию в 1881 году в парижской академии был сделан доклад. Хотя труды Пржевальского были переведены к этому времени на многие западноевропейские языки, но доклады о новых книгах в академии допускались очень редко – как особое исключение и признание выдающихся заслуг. Помимо всего прочего, во время третьей экспедиции путешественник впервые увидел дикую джунганскую лошадь, названную впоследствии его именем [6, с. 342].

Последняя завершенная Пржевальским экспедиция была начата в октябре 1883 года и полностью завершена в 1888 году. В результате путешественник получил чин генерал-майора [5], серьезную пенсию от государства и ряд наград географических обществ европейских стран. За время всех путешествий Пржевальский со своими спутниками открыл и описал многочисленные географические объекты, особенности рельефа, новые виды животных и растений, собрал многотысячные гербарии и огромные коллекции минералов.

Однако исследователь не хотел на этом останавливаться. Он планировал новую экспедицию в Тибет из Восточного Туркестана, хотя это был очень опасный путь из-за возможных столкновений с китайскими вооруженными бандитами. Ученый собирался исследовать Тибетское плоскогорье, истоки Хуанхэ и бассейн Лоб-Нора.

Пржевальского одолевали плохие предчувствия, он был уже не так молод и активен, как раньше, ухудшилось здоровье, но все же в августе 1888 года он отправился в свою последнюю экспедицию, из которой ему не суждено было вернуться. 8 октября он выехал в Каракол, откуда должно было начаться очередное путешествие. Здесь он впервые почувствовал недомогание, но старался не обращать на это внимание. Только через 8 дней, когда самочувствие стало совсем скверным, Пржевальский решил послать за врачом.

Существует две версии гибели ученого. Возможно, он во время охоты на фазанов захотел пить и зачерпнул воды из местной реки, хотя всем было известно, что рядом в поселениях бушевал брюшной тиф. Пржевальский сначала решил, будто у него обычная простуда, поэтому ко времени обращения за медицинской помощью болезнь уже развилась до критической стадии. Правда, биографы исследователя отмечают тот факт, что при необычайной распространенности и заразности брюшного тифа из всей экспедиции заболел только Пржевальский.

Есть и другая версия смерти Пржевальского во время его пятой экспедиции в Центральную Азию. Согласно ей, ученый уже на момент начала последней экспедиции был болен лимфогранулематозом [1, с. 441], который развился у него в период предыдущих экспедиций. Видимо, исследователь чувствовал недомогание, о чем свидетельствовали перепады настроения, депрессия, грустные слова при прощании перед отъездом в путешествие. Утром 20 октября (1 ноября) исследователь скончался.

Он завещал похоронить себя на берегу Иссык-Куля в обычной одежде, в которой он работал в экспедиции. Место для захоронения выбрали в 12 километрах от Каракола на высоком берегу озера Иссык-Куль. Так его прах навсегда упокоился в Азии, изучению которой он посвятил свою жизнь. На могиле Пржевальского стоит памятник в виде скалы высотой восемь метров, на вершине которой сидит бронзовый орел. Скала состоит из двадцати одного камня, по одному за каждый год, отданный ученым науке.

Весть о его внезапной смерти стала трагедией для всего научного мира. Авторитет Пржевальского-ученого был очень высок, его личные качества тоже вызывали уважение у всех, кто лично знал исследователя. Он всегда заботился о тех, кто рядом, не был женат, чтобы семья не тревожилась за его судьбу. И в экспедицию в качестве своих спутников брал только холостых, чтобы в случае гибели экспедиции не оставалось вдов и сирот. Во время путешествий Пржевальского не погиб ни один из тех, кто его сопровождал, хотя часто приходилось сталкиваться и с вооруженным местным населением, и с откровенными бандитами.

После известия о гибели путешественника российское Географическое общество запустило подписку для сбора капитала и учреждения медали и премии имени исследователя. В газетах и журналах появились отклики-некрологи на смерть ученого. Гибель Н. М. Пржевальского оказала сильное воздействие на многих передовых людей России, в том числе и на молодого А. П. Чехова. В своём письме к Литваревой от 27 октября 1888 г. он написал: «Сегодня в „Новом времени“ (среда, 26-го окт.) есть мой короткий вопль по адресу покойного Пржевальского – образчик моих передовиц. Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно» [8, с. 614].

Не вызывает сомнений, что без знакомства с личностью Н. М. Пржевальского, его биографией, жизненными принципами и ценностными установками невозможно понять многое в чеховской статье о путешественнике. Писатель признает своего героя

человеком особенным, уникальной личностью, примером, которому должны подражать современники: «Если положительные типы, создаваемые литературою, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самою жизнью, стоят вне всякой цены» [8, с. 614].

Воспитательное воздействие текста будет весомым именно потому, что фигура Пржевальского стала для учащихся знакомой, а это сделало его притягательным и интересным, показало исключительность личности путешественника.

Однако нельзя ограничить предварительную работу с текстом статьи только подробным знакомством с личностью и биографией Николая Михайловича Пржевальского. В произведении А. П. Чехова встречают некоторые реалии, неизвестные современному читателю или плохо понятные ему. О них, естественно, стоит поговорить отдельно, прокомментировать каждое из упомянутых автором имен или деталей, которые могут вызвать затруднение при понимании текста. На наш взгляд, обязательного комментирования заслуживают следующие имена и детали:

1. Иссык-Куль – самое большое озеро в Киргизии, бессточное, входит в 30 крупнейших по площади озёр мира и на седьмом месте в списке самых глубоких озёр.

2. Генри Мортон Стэнли (1841–1904) – английский путешественник и журналист, настоящее имя – Джон Роулендс. Знаменитый исследователь Африки. В августе – сентябре 1888 года в мировой и русской печати распространились слухи о его гибели во время очередного путешествия в Африку [1, с. 897].

3. Н. Н. Миклухо-Маклай (1846–1888) – русский этнограф и путешественник на острова Малайского архипелага, полуостров Малакку, острова Океании и в Австралию.

4. Д. Ливингстон (1813–1873) – шотландский путешественник, миссионер, исследователь Африки. Начиная с 1840 года совершил ряд длительных путешествий по Южной и Центральной Африке, где проводил географические, естественноисторические и этнографические исследования. В 1849 году пересек пустыню Калахари и открыл озеро Нгами. В последующие годы обследовал бассейн реки Замбези и дошел до города Луанда на западном берегу [1, с. 436].

5. *Изнеженный десятилетний мальчик-гимназист мечтает бежать в Америку или Африку…* – похожий сюжет использовал А. П. Чехов в рассказе «Мальчики», написанном в 1887 году.

6. *…безграмотный абхазец говорит вздорные сказки об Андрее Первозванном…* – Андрей Первозванный – один из двенадцати апостолов, учеников Иисуса Христа. Во время пребывания в Абхазии А. П. Чехов мог слышать легенду о том, что апостол Андрей, вместе с апостолом Симоном Кананитом, был распространителем христианства на территории Грузии.

7. *…людей, ведущих споры об оптимизме и пессимизме…* – писатель неоднократно говорил о современном обществе как об инертных, бесцельно спорящих людях. Данная фраза из статьи перекликается с мыслями из первого номера журнала «Эпоха», который А. П. Чехов, по свидетельству его биографов, просматривал в эти дни. На страницах первого номера журнала встречалось много упоминаний об оптимизме и пессимизме, что, видимо, и перекликается с высказыванием писателя.

Как мы видим, для понимания небольшой статьи А. П. Чехова необходим довольно объемный комментарий, тщательная и кропотливая работа с именами и деталями, чтобы очевидным для читателей стало, почему писатель обращается к личности Н. М. Пржевальского, какую роль, по это мнению, играют люди подобные путешественнику в формировании ценностных ориентиров общества. С другой стороны, статья демонстрирует отношение к современному обществу, инертному, ленивому, обществу эгоистичных обывателей. О том, насколько мнение писателя авторитетно и весомо, справедливо писал К. И. Чуковский, считавший, что А. П. Чехов

казался современникам «мерилом вещей», а его книги – «единственной правдой обо всем, что творилось вокруг» [9, с. 593–594].

В сегодняшнем мире, где ценностные ориентиры во многом смешаны, такие люди, как Н. М. Пржевальский, их жизнь и подвиг, могут помочь формированию у молодежи верных нравственных векторов, тем более когда их задает А. П. Чехов. А подробный современный комментарий, сопровождающий публицистический текст, позволяет расширить кругозор читателя, сориентировать его в тех вопросах, которые затрагивает автор, которые волнуют его, помогает глубоко осмыслить текст, соотнести его ценностные смыслы с системой собственных приоритетов.

Список источников и литературы

1. *Большой энциклопедический словарь.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: Больш. Рос. энцикл. ; СПб.: Норинт, 1999. 1456 с.
2. *Валгина Н. С.* Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
3. *Залевская А. А.* Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
4. *Рыбникова М. А.* Очерки по методике литературного чтения : пособие для учителя. 4-е изд., испр. М.: Просвещение, 1985. 288 с.
5. *Словарь русского языка XVIII век* (Электронный ресурс) / АН СССР, Институт русского языка; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 1–6 ; СПб.: Наука, 1992. Вып. 7 // Русская литература и фольклор : Фундаментальная электронная библиотека. URL: http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/ (дата обращения: 20.07.2021).
6. *Толковый словарь русского языка*: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН, Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
7. *Тульский край в литературе: лингвостилистическое и лингвокультурологическое исследование* : монография / сост.: Д. А. Романов, Н. М. Старцева, Е. А. Печурова. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. 148 с.
8. *Чехов А. П.* Пржевальский // Собрание сочинений. В 12 т. Т. 10. М.: Худож. лит., 1963.
9. *Чуковский К. И.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1967. 800 с.

References

1. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'.* (Big encyclopedic dictionary), 1999, 2nd edn, rev., Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya publ., Moscow; Norint publ., St. Petersburg. (In Russ.)
2. Valgina, NS 2003, '*Teoriia teksta'* (Text theory), Logos publ, Moscow. (In Russ.)
3. Zalevskaya, AA 2001, '*Tekst i ego ponimanie'* (Text and its understanding), Tver. gos. un-t publ, Tver. (In Russ.)
4. Rybnikova, MA 1985, '*Ocherki po metodike literaturnogo chteniia: posobie dl'a uchitel'a'* (Essays on the methodology of literary reading), Prosveshchenie publ, Moscow. (In Russ.)
5. *Slovar' russkogo iazyka XVIII vek* (Dictionary of the Russian language of the 18th century), 1984–1991, YuS Sorokin (ed), Nauka publ, Leningrad, no. 1–6; 1992, Nauka publ., St. Petersburg, no. 7, viewed 20 July 2021, http://febweb.ru/feb/sl18/slov-abc/ (In Russ.)
6. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* (Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions), 1995, AZ" publ., Moscow. (In Russ.)
7. Romanov, DA, Startseva, NM & Pechurova EA (comps) 2018, '*Tul'skii krai v literature: lingvostilisticheskoe i lingvokul'turologi cheskoe issledovanie: monografiia'* (Tula Territory in Literature: Linguo-stylistic and Linguocultural Research: Monograph), Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo publ., Tula. (In Russ.)
8. Chekhov, AP 1963, 'Przheval'skii' (Przhevalsky). *Sobranie sochinenii: v 12 t.* (Collected Works in 12 volumes). Khudozhestvennaia literature publ, Moscow, vol. 10, 640 p. (In Russ.)

9. Chukovsky, KI 1967, '*Sobranie sochinenii: v 6 t.*' (Collected Works in 6 volumes), Khudozhestvennaia literature publ,. Moscow, vol. 5, 800 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.11.2021
Одобрена после рецензирования: 10.12.2021
Принята к публикации: 17.12.2021

The article was submitted: 22.11.2021
Approved after reviewing: 10.12.2021
Accepted for publication: 17.12.2021